

ИСПОВЕДЬ СМЕРТНОГО ГРЕХА

МАКС ВАЛЬТЕР

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха

«автор»

2026

Вальтер М.

Исповедь смертного греха / М. Вальтер — «автор», 2026

Я родился на планете, где дети шахтёров сутками перебирали руду, а небо нам заменяли каменные своды. Но однажды в колонию пришла корпорация. Нас отсортировали как скот, разлучая семьи, а несогласных ломали бойцы ШОКа. Меня и моих друзей отправили в интернат для трудных подростков — «Зверинец». Так начиналась наша дорога через жернова системы. Нас не сразу учили убивать. Сначала мы просто выживали: дрались за свои вещи, отстаивали право быть собой и проходили проверку на прочность. Однако, система уже присматривалась к нам, отбирая самых стойких. А потом пришла военная академия, где из выживших сделали профессиональных убийц и промышленных шпионов. Я прошёл этот путь до конца и стал тем, кого теперь называют Грех. Но даже спустя годы я помню всё. И раз уж ко мне пришёл журналист, готовый рискнуть жизнью ради правды, — пусть выслушает мою исповедь, пока я решаю: жить ему или...

© Вальтер М., 2026

© автор, 2026

Содержание

Глава 1. ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	54
Глава 10	62
Глава 11	69
Глава 12	76
Глава 13	82
Глава 14	85
Глава 15	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха

Глава 1. Длинною в жизнь

Плавное движение рук к себе — выдох. Настолько полный, что рёбра сводит. Перенос веса тела на левую ногу, руки неспешно расходятся — и вдох. Такой же полный, заставляющий лёгкие раскрыться на всю, до головокружения насыщая кислородом кровь. Древнейший танец тайцзицюань. В моём случае — завершение тренировки. Мысли находятся в полном покое...

«Дилинь-дилинь, дилинь-дилинь», — выбил меня из процесса раздражающий сигнал домофона.

— Кто? — коротко спросил я, выводя данные с камеры на личный визор.

Присев на правой ноге, я максимально вытянул левую, балансируя на грани равновесия — и снова выдох.

— Простите, мне нужен некий Горячев Константин, — ответил мужчина в строгом деловом костюме мышинных тонов.

Выглядел он каким-то пыльным, и не из-за цвета. Казалось, возраст этого костюма был ровесником носившего его человека. Уже не молодой, но ещё и не глубокий старик. Волосы тронула благородная седина, вокруг глаз проступала паутинка морщин. И это притом, что разгладить кожу в наши дни давно не проблема.

Весь вид этого человека кричал о кабинетной работе, но вот взгляд... В нём всё ещё теплилась эдакая искра хищника, почуввшего добычу. Вот только здесь его поджидала вовсе не жертва, а, скорее, ещё более опасный зверь.

— Я спрашивал не об этом, — сухо ответил я, продолжая рассматривать гостя через камеру.

Однако тренировку пришлось прекратить. Я оживил видеопанель на стене и вывел на неё данные со всех камер. Быстро пробежался взглядом по мультискрану, изучая обстановку на улице, и небрежным движением руки перебросил на панель изображение с личного визора.

— Простите, я не представился, — засуетился гость. — Меня зовут Вениамин Куликов. Я — журналист.

— И что вам нужно? — спросил я больше для того, чтобы потянуть время.

Пара нехитрых манипуляций — и камера переключилась в режим ультразвукового сканера, выявляя все скрытые предметы на теле или в одежде гостя. Ничего опасного или того, что может стать оружием. Даже имплантов минимум. Передо мной стоял самый обычный человек. Неужели и вправду всего лишь журналист?

— Я веду одно расследование и хочу задать вам несколько вопросов. Это не займёт много времени.

Я погасил панель и отдал команду системе на открытие двери. Сам сместился в нишу у шкафа таким образом, чтобы вошедший не смог меня сразу увидеть. Однако я мог следить за каждым его движением. Отсюда гость будет как на ладони.

Замок сыто щёлкнул, и дверь плавно ушла в скрытую нишу в стене, открывая проход. Вениамин шагнул в квартиру, о существовании которой просто не мог знать, и замер, растерянно озираясь по сторонам.

— Я здесь, — подал голос я, заставляя его вздрогнуть.

Куликов обернулся и натянул на лицо дежурную улыбку.

— Добрый день. Ещё раз простите за беспокойство...

— Откуда у вас этот адрес? — бесцеремонно перебил я.

— Простите, но я не могу назвать вам источник, — смутился Вениамин. — И да, я понимаю, что сильно рискую, беспокоя вас. Понимаете, недавно на мою почту пришло письмо от некоего анонима. Внутри обнаружился очень любопытный документ, в котором упоминалось одно имя или, скорее, позывной: Грех. Вам это о чём-то говорит?

Произнеся эти слова, гость продолжил пристально смотреть на меня. Он словно детектор лжи изучал каждое мое движение, мимику и чёрт знает что ещё. Однако внешне я оставался непоколебимым.

— А должно? — уклонился от прямого ответа я.

— Дело в том, что этот позывной очень плотно связан с вашим именем, — не моргнув глазом продолжил он. — Я знаю, что Грех — это вы. И прежде чем вы меня убьёте, пожалуйста, выслушайте то, что я собираюсь сказать. Вы ведь профессионал своего дела? — задал он риторический вопрос. — Так вот: я — тоже. Этот самый документ и то, что я уже успел нарыть, в данный момент находится в облачном хранилище с отсроченной рассылкой. Если в течение суток я её не отменю, письма с материалами, фото и видео разлетятся по всем крупным новостным каналам. И не только в юрисдикции галактик «Заслона».

Вениамин замолчал, продолжая сверлить меня взглядом.

— Продолжайте. — Я беззаботно махнул рукой и зашёл за барную стойку, отделяющую пространство гостиной от кухни. — Мохито будете?

— Спасибо, не откажусь, — с благодарностью кивнул Куликов. — Безалкогольный, если можно.

— Разумеется, — ответил я и запустил печать мятных листьев.

Принтер зажужжал, подбирая химический раствор, а я распахнул морозилку и выдвинул ящик для льда. Щедро подхватил ровные, прозрачные цилиндрики широким бокалом и поставил его на стойку. Тем же способом наполнил второй, для себя, и незаметно снял пистолет с магнитного крепления, прикрученного под столешницей, в узкой нише над барной морозилкой. В этот момент запищал принтер, оповещая о готовности мятных листьев.

Я протёр их между ладоней. Не сильно, а так, чтобы они выпустили освежающий дух. Бросил по щепотке в каждый стакан, щедро плеснув поверх лимонного сока. Добавил щепотку тростникового сахара и залил до самого верха минеральной водой. Некоторые используют сладкий лимонад или тоник, но мне нравится именно так. Меньше вкуса — больше свежести.

— Лайма нет, — сухо констатировал я, протягивая бокал Вениамину.

— Благодарю. — Куликов принял бокал. — С вашего позволения, я продолжу.

— Я весь внимание, — кивнул я, оставаясь по другую сторону стойки.

— На данный момент у меня на руках имеются весьма любопытные документы, способные потопить бóльшую часть крупнейших корпораций, в том числе и вашу.

— Рад за вас, — пожал плечами я. — И зачем вы пришли ко мне?

— Мне не хватает истории, — вежливо улыбнулся он. — Той самой, которая превращает сухие факты в жизнь и становится понятной каждому. Мне нужен герой, человек, от чьего имени я смогу рассказать страшную правду.

— И вы хотите, чтобы этим человеком стал я, — закончил за Вениамина я.

— Совершенно верно, — кивнул Куликов, делая большой глоток освежающего напитка. — Весьма недурно, — похвалил он мой мохито. — Даже несмотря на отсутствие лайма.

— И с чего вы взяли, что я соглашусь? — Я проигнорировал лесть.

— Я понимаю, насколько самонадеянно это выглядит, но то, что мне удалось о вас узнать... Вы ведь не хотели такой жизни? Она вам не по нраву. Иначе зачем вы так часто посещаете храмы?

— А вот это не ваше дело, — ледяным тоном произнёс я.

Судя по реакции собеседника, проняло его до костей. Куликов мгновенно побледнел, а бокал в его руках предательски звякнул льдом о стенки.

— Простите, я не собирался лезть к вам в душу. Возможно, я ошибся и эта беседа может в любую секунду стать для меня последней. Позвольте объясниться... Я... Я это к тому, что вы, пожалуй, единственный, кто болеет не о глубине собственного кармана, а переживает за чистоту души. Поймите, вы не единственный, чью жизнь корпорации сломали через колено. Для них мы — всего лишь средство. Ресурс для достижения их целей. Сколько ещё детей должно пройти через их руки, чтобы общественность наконец заговорила? Мне нечего терять, я лишь хочу рассказать вашу историю людям.

— Вы ведь понимаете, что я не... — начал было я, но внезапно осёкся.

Некоторое время я сверлил Вениамина взглядом, прикидывая собственные шансы на дальнейшую жизнь. Своей смертью я всё равно не умру. Такие, как я, не выходят в отставку по возрасту. У меня нет близких, нет друзей. Только работа и вечная игра в прятки на грани фола.

Нет, я не жалею о том, что всё сложилось именно так. У меня нет обиды на моих нанимателей. Я не ищу оправдания своим грехам, слишком много их у меня накопилось. Как знать, вдруг это мой единственный шанс на исповедь? Тем более я как никто другой смогу гарантировать её тайну.

— Пожалуй, вы правы, — медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, произнёс я. — Я принимаю ваше предложение. Но на моих условиях.

— Всё что пожелаете. — Куликов изобразил лёгкий поклон.

— Режим тишины, — отдал я короткую команду, и моя квартира моментально превратилась в непроницаемый куб. Теперь без моего ведома отсюда не выйдет ни один сигнал.

Тень разочарования на лице Вениамина я уловил сразу. Видимо, он собирался писать нашу беседу в облако. Но я лишил его этой возможности. А заодно оставил последнюю волю за собой. Даже рассказав свою историю, я в любой момент смогу обратить её в звенящую тишину.

Уже не таясь, я вытянул на свет оружие и жестом указал гостю на кресло. Сам уселся напротив, а пистолет положил рядом, намекая, что без колебаний оборву свой рассказ, если мне что-то не понравится.

Моя история началась задолго до этой встречи. Я жил на суровой безжизненной планете с бездушным цифровым названием S-118/35. Нас окружали лишь камни, радиация и смерть. Днём температура на поверхности достигала ста пятидесяти градусов, а ночью опускалась до минус восьмидесяти. Но для нас она — единственный способ увидеть завтрашний день.

Словно крысы, мы ютились в тёмных тоннелях, выгребая жалкие остатки палладия из опустевших жил, что тянулись в недрах планеты, уходя на сотни метров в глубину. Толщи грунта и камней над головой защищали нас от безжалостной радиации, нивелируя перепады температур. Жалкие остатки базы позволяли дышать, а редкие торговцы не давали сдохнуть от голода.

Все, кто мог и хотел покинуть это забытое богом место, уже давно улетели. Остались лишь те, кому нет разницы, где его настигнет костлявая. Или такие, как мы, дети погибших шахтёров. Те, до кого никому не было дела.

— Шевелитесь, щенки! — рявкнул мастер. — Если до конца смены не наберёте норму, останетесь без жратвы.

Его широкоплечая тень нависла над нами. Строгий взгляд упёрся в кучу, которая, казалось, совсем не хотела убивать. Мой напарник, Мишка Косой, быстро перебирал ловкими пальцами острые камни, безжалостно отбрасывая бесполезный хлам. Наша задача — перерабатывать бой, выискивая то, что пропустили старшие. Крохотные, тускло блестящие вкрапления в сером камне — вот то, что мы ищем.

Наконец в мои руки попался именно такой. Я тут же поднёс к нему сканер, фиксируя процент содержания полезной руды. На дисплее высветилась цифра в четыре грамма — и камень тут же полетел в кузов вагонетки. Автоматика суммировала общий вес, и на борту вспыхнул зелёный индикатор. Всё, норма выполнена, а значит, ужину быть.

Мастер лишь хмыкнул и, заложив руки за спину, отправился дальше, проверять следующий пост подопечных.

— И кому сдалась эта его норма? — почти шёпотом произнёс Мишка. — Торговцев уже вторую неделю не видно.

Крепкий жилистый пацан с крючковатым носом. Его левый глаз часто жил своей жизнью, игнорируя волю хозяина. За что он и получил свою кличку. Давно, когда наша планета была популярна, а в шахтах кипела жизнь, этот недуг могли вылечить одним нажатием клавиши. Но сейчас нашей колонии это не по карману. Связи нет, а без подключения к общим медицинским базам капсулы превратились в бесполезный хлам.

— Прилетят, — буркнул я, по инерции продолжая перебирать камни.

— Всё, бросай. — Друг ударил меня по рукам. — Сделаешь сверх нормы — нам всем из-за тебя план повысят. Валим на базу, у меня уже кислород заканчивается.

Поднявшись с пола, я немного покрутился на месте, разгоняя застоявшуюся кровь. Спина горела огнём, а ноги казались ватными. Ещё бы. Шутка ли — двенадцатичасовая смена? Даже для молодого организма это серьёзное испытание. Приходится всё время сидеть в скрюченной позе, внимательно перебирая осколки руды. И это не прихоть, а единственный способ заработать на жизнь, притом для всей колонии. От того, как много палладия ляжет в трюм баржи, зависит количество продуктов и медикаментов, которые сбросят нам жадные торговцы.

Я посмотрел на датчик и убедился, что мой кислород тоже ушёл в жёлтую зону. Мишка прав, пора возвращаться, чтобы завтра снова перебирать эти чёртовы камни. И так каждый день, без выходных.

Да и что это значит — день? Время, когда в колонии включается свет? Когда гудок провозглашает начало смены? А если кто-то забудет опустить рубильник, если прожекторы не вспыхнут? Как тогда понять, что наступил новый день? Вся наша жизнь — сплошные камни. Серые, безжизненные, бездушные, как и вся эта чёртова планета.

Провонявшие чужим и собственным потом скафандры. Сколько раз мне приходилось его латать, я уже и не вспомню. Но от его герметичности зависит моя жизнь. Правда, если к нему внимательно присмотреться, вряд ли получится отыскать хоть одно живое место без латки. Увы, но напитать шахты кислородом мы не можем. Его едва хватает, чтобы поддерживать жизнь городка.

— Давай сбежим? — внезапно для себя самого предложил я.

— Что? — Из-под забрала шлема на меня уставился удивлённый взгляд Мишки. — У тебя кислородное голодание, что ли? Ты чего такое несёшь?

— А что? — пожал плечами я. — Когда прилетят торговцы, спрячемся на их корабле и улетим отсюда.

— Куда?

— Не знаю. Но там, откуда они, наверняка лучше, чем здесь.

— А что, если хуже?

— А разве бывает хуже?

— Всё, отстань, — отмахнулся приятель. — Тебе просто пожрать нужно, и вся дурь из башки сразу улечится. Вон как раз платформа идёт.

Через некоторое время мы уже сидели на ней, болтая ногами. Мимо проплывали яркие пятна фонарей, но в целом пейзаж не менялся. Да и с чего бы ему это делать?

— Ну, допустим... — Мишка вдруг вернулся к моему предложению. — Допустим, у нас получилось. И что дальше?

— Будем жить в другом месте.

— Иногда ты такой дурак, — как-то по взрослому вздохнул Михаил. — На что ты будешь жить? Мы же дети, нас даже на работу не возьмут. Нет, Костян, нам нужны деньги, нужен план.

— Так ты согласен?

— Я подумаю, — важно ответил он.

Платформа дотащила нас до развилки, и мы прыгнули с неё прямо на ходу. Отсюда до базы рукой подать. Вон впереди уже маячат тени старших. Такие же серые, пустые и мрачные, как всё вокруг.

— Эй, бездельники! — кто-то окликнул нас в спину.

Я обернулся и хмыкнул. Нас догоняли друзья, Санька и Дашка, которые работали на соседней ветке. Сашка — вечный проныра. Ему до всего есть дело. Если где-то что-то затевается, то без его участия там точно не обойтись. По крайней мере, он думает именно так. Хочешь знать, о чём шепчутся в тёмных углах? Спроси у Саньки.

Дашка, напротив, спокойна и рассудительна. Её пронзительные зелёные глаза даже смотрят как-то по-взрослому. Несмотря на то, что ей всего тринадцать лет, порой кажется, будто за её спиной уже не одна прожитая жизнь. И в отличие от своего напарника, Дашка оперирует только фактами.

— Это кто ещё из нас бездельник, — вернул им шпильку Михаил. — Мы, так-то, всегда дневную норму сдаём. В отличие от некоторых.

— Это потому, что у Семёныча жила богаче, — парировал Санёк.

— Не болтай, — отмахнулся я. — Богатые жилы здесь выбрали ещё до второго исхода.

— Всё, — с важным видом заявил Санька. — Кончились наши страдания.

— В смысле? — Мы уставились на него.

— Купили нас, — надувшись ещё сильнее, выдал новости он.

— Балабол, — тут же отмахнулся Косой. — Мелким эту байку травить будешь.

— Да я тебе говорю! — возмутился Санёк. — Не веришь? Можешь у вашего мастера, Семёныча, спросить.

— Да кто купил-то? Кому мы сдались? — поддержал напарника я.

— «Заслон», — выдал уже совсем нелепую фантазию он.

— Даш, посмотри, пожалуйста, у него там кислород не кончился? — хмыкнул Мишка. — А то он, кажется, уже бредит.

— Не бредит, — внезапно ответила Дашка. — Я сама слышала, как наш мастер об этом мужикам говорил.

— А это уже точно известно? — всё ещё не веря своим ушам, поинтересовался я. — Просто ну... Где мы — и где «Заслон»? Зачем им этот камень? Или...

Я остановился, боясь высказать то, о чём здесь мечтал каждый, кто застрял на этой чёртовой планете. Легенда о заброшенном забое с невероятно богатой жилой палладия ходит здесь... Да сколько я себя помню, она здесь гуляет. Однако это всего лишь влажные мечты умирающей колонии. Но «Заслон»... Это совсем другое дело. Это же высший сорт корпораций. Митрополия, к которой мечтает примкнуть каждая колония. И вдруг они покупают нас? Нет, у Саньки точно галлюцинации на фоне кислородного голодания.

— Если ты по поводу жилы — то нет, — словно подслушал мои мысли Санёк. — Говорят, что они собираются закрыть шахты.

— Что значит — закрыть?! — возмутился Мишка. — А мы?

— Вывезут, — пожала плечами Дашка. — Сегодня после ужина будет большой совет, и всем об этом объявят.

— Куда вывезут? — прохрипел я. От этой новости у меня аж в горле пересохло.

— Нас, скорее всего, в приют, — мрачно озвучил свои мысли Мишка. — А старших — в другие колонии.

— А что это такое — приют? — спросил я. — Звучит вроде неплохо. Почти как «уют».

— Вот именно что почти, — усмехнулся друг, и в его глазах вспыхнул злой огонёк. —

Но на самом деле это страшное место...

— Глупый, — хихикнула Дашка, — Ничего в нём страшного нет. Это место, где живут дети, которые потеряли родителей. Их там кормят, воспитывают, разрешают играть.

— Тюрьма это, — фыркнул Мишка. — А на детях там всякие опыты ставят.

— Ну кто тебе такое сказал? — не унималась подруга.

— По визору видел. — Михаил сделал важный вид. — Когда ещё сеть работала.

— Балабол, — снова вступил в спор Санька. — Сеть уже десять лет как отключена. А тебе сколько — одиннадцать?

— Двенадцать! — Мишка гордо вскинул подбородок.

— И ты помнишь, что видел в два годика?

— А вот и помню! — Приятель залился краской, понимая: его только что поймали на вранье. — А если ты дурак — это твои трудности.

— Да замолчите вы оба, — осадил приятелей я. — Придём на совет — и всё узнаем.

Пропускной шлюз с пронзительным визгом распахнул перед нами тёмный зев. Мы шагнули внутрь и замерли на специальных отметках, нарисованных на полу.

Несколько секунд ничего не происходило, а затем с точно таким же отвратительным скрипом автоматика захлопнула внешнюю переборку. Лампочка под потолком вспыхнула красным, и по нам ударили упругие воздушные струи, сбивая со скафандров острую пыль планеты. Следом — обработка водой и снова воздухом.

За стенами загудели приводы сканера, и вскоре начало закладывать уши. Внутреннее помещение скидывало давление, чтобы смытая с нас пыль и грязь не попала в помещения базы. Створки внутренних ворот бесшумно распахнулись, и мы перешагнули порог дома.

Главный коридор освещало всего несколько светильников под потолком. Часть из них давно погасили с целью экономии. Энергии едва хватало для поддержания работы биогенератора, который перерабатывал отходы нашей жизнедеятельности, чтобы обеспечить нас водой и кислородом.

Я отсоединил от скафандра свой приёмник, который позволял ходить в туалет прямо в тоннелях, и вставил его в специальную ячейку. Система вычистит из него всё без остатка и отправит в тот самый биореактор.

Кислородный баллон тоже встал на своё место, завтра с утра он уже будет заправлен под завязку. А вот скафандр я заберу в свой отсек. Его нужно как следует осмотреть, проверить на микротрещины.

Да, может, «Заслон» нас уже купил, но это не значит, что мы все покинем эту забытую богом планету прямо сегодня. За свою короткую жизнь я слышал тысячи обещаний от корпоратов, и ни одно из них ещё ни разу не воплотилось в реальности. Так что лучше придерживаться привычного ритма и подготовиться к завтрашнему дню.

А народ вокруг роптал. То здесь, то там взгляд выхватывал небольшие компании. Кто-то шептался, боясь спугнуть удачу, в других местах разгорался яростный спор. Многие будут не согласны с решением корпорации. Люди не любят перемен. Однако тема для обсуждения у всех была одинакова. Я понимал это по обрывкам фраз: «купили», «Заслон», «чёртовы корпораты».

Странно, но прислушиваясь к собственным ощущениям, я не чувствовал ожидаемой эйфории, радости оттого, что наконец-то смогу покинуть этот серый мир. Напротив, внутри назревала тревога, словно вот-вот должно произойти что-то ужасное.

Мишка с Саньком подключились к общему шуму и яростно спорили о предстоящих изменениях в нашей жизни. Санёк, окрылённый фантазией, выкрикивал что-то о новых горизонтах, возможностях. А Мишка настаивал на том, что в приюте мы не протянем и недели.

Я их не слушал, переваривая собственные эмоции.

Мы выбрались в общую залу. Огромная пещера с высоким сводом, внутри которой наши предки выстроили целый город. По центру организовали широкую площадь, где и проводились общие собрания. А по стенам струились металлические конструкции: лестницы, мосты и переходы, объединяющие уровни.

Наше жилище расположилось внизу, в самом дальнем конце. Общая комната, в которую заселили всех сирот шахтёрского городка. Мы ласково называли её «бараком». Так мы не мешались под ногами, и было проще за нами присматривать.

Войдя внутрь, я сразу двинулся к своей койке. Мишка остался со мной, а Дашка с Саньком свернули влево.

— Так, щенки! — раздался громогласный голос от входа. — Сейчас все дружно шагаете на ужин, а потом общий сбор на площади. И передайте остальным: приказано явиться всем без исключения. Новые хозяева будут речь толкать.

Глашатай растворился в полумраке пещеры, и я даже не успел его рассмотреть. По бараку сразу распространился шёпот десятка голосов. Все снова пустились в обсуждение будущего.

— Если мы собираемся бежать, то сейчас для этого самое время, — произнёс Мишка, чем неслабо меня ошарашил.

— Зачем? — задал я глупый вопрос. — Да и куда мы сбежим?

— В шахты, — с серьёзным видом ответил он. — Затеряемся в лабиринтах, дождёмся, пока эти улетят.

— А дальше что?

— Ну, не знаю, — пожал плечами он. — Попросимся к торговцам. Или спрячемся у них в трюме, как ты и хотел.

— Миш, ты, кажется, не до конца понимаешь, что происходит, — усмехнулся я. — Если нас официально закроют, то ворота отключат. Никто к нам больше не прилетит, просто не смогут.

— Уверен? — с нескрываемой надеждой на то, что я вру, посмотрел на меня друг. — До сих пор ведь не отключали.

— Здесь больше ничего нет, — развёл руками я. — Наши шахты — всё, что осталось.

— Хреново, — выдохнул приятель и поник, будто из него враз выпустили весь воздух.

— Да ладно, не грузись. — Я ободряюще толкнул его кулаком в плечо. — В случае чего, сбежим из приюта.

— Как же, сбежишь у них, — хмыкнул он, но на его лице всё же проскочило подобие улыбки. — Говорят, они там детям следящие чипы устанавливают.

— Разберёмся, — небрежно отмахнулся я.

И в этот момент посёлок огласил протяжный звонок, означающий, что настало время набить животы.

Барак сразу оживился. Послышались шутки, смех, и мы дружной неровной массой хлынули в столовую. Навстречу нам двигался точно такой же нестройный поток старших, которые уже проглотили свою порцию белковой массы.

— Интересно, с каким вкусом сегодня? — На лице Михаила блуждала мечтательная улыбка. Все проблемы вмиг разбились о банальный вопрос: чем нас будут кормить? — Хорошо бы со вкусом курицы.

— По-моему, они все одинаковые, — фыркнул я.

— Э не-ет, — протянул Косой. — У курицы самый яркий вкус. А говядина очень острая. У меня после неё всегда изжога.

— А я рыбный люблю, — вставила своё слово Дашка, которая словно тень возникла слева. — К тому же он полезный. В рыбном рационе содержится фосфор.

— И зачем он тебе? — усмехнулся Мишка. — Ты что, собираешься светиться в темноте?

— Дурак, — впрочем, беззлобно парировала она. — Он для мозгов нужен. Хотя откуда тебе это знать?

— П-хах, — усмехнулся я, оценив тонкую шутку подруги.

— Заучка, — буркнул приятель, хватая поднос из высокой стопки.

Выстроившись в очередь, мы медленно продвигались к раздаче. Кухмистер задавал всего один вопрос, от ответа на который зависел размер порции. Его пальцы шустро бегали по панели управления, отмечая каждого из списка и сверяясь с нормой выработки. А машина безжалостно, подчиняясь его манипуляциям, отмеряла граммовку густой, бесформенной жижи.

— Фамилия?

— Горячев, — ответил я, подставляя свой поднос под форсунку.

Что-то запищало, загудело, и в специальное углубление шлёпнулась каша, как её называла Дашка. Мишка, получивший свою порцию прямо передо мной, уже метался по залу в поисках свободного места. Я дождался Дашку с Саньком, и мы вместе двинулись к столику, за которым Косой уже вовсю уплетал белковую жижу.

— С курицей, — с довольной до безобразия рожой отрапортовал он.

Я лишь пожал плечами, намекая на то, что мне оно как-то без разницы, уселся рядом и заработал ложкой. На некоторое время столовая погрузилась в тишину. Слышен был лишь скрежет ложек о края углубления в подносе. Санька тоже метал еду, сжимая ложку всей пятерней. И только Даша ела так, будто мы сидели в дорогом ресторане.

Естественно, реальных ресторанов я не видел никогда в жизни. Разве что на рекламных экранах, которые почему-то до сих пор работали в нашей колонии. Будто мы в состоянии позволить себе хоть что-то из того, что на них показывают.

Покончив с ужином, мы убрали подносы в специальную каталку, которую впоследствии закатят в мою машину. Народ уже постепенно вытягивался наружу и двигал в сторону центральной пещеры, на площадь. Сегодня всех интересовала единственная новость: что с нами будет дальше?

Мы тоже не стали тянуть резину и присоединились к общей массе.

Площадь гудела сотнями голосов. Споры не прекращались ни на мгновение. Толстый мужик, отвечающий за водоснабжение, крыл корпоратов последними словами. Я не знал его имени, так как все звали его просто Арбуз, что бы это ни значило. Рядом с ним стояла тётка Милена, прижимая к ногам свою дочку Леру. Лицо бледное, в глазах испуг. Всем своим видом она старалась изобразить, что не имеет отношения к этому горластому толстяку. Однако все в колонии знали, что у них роман.

— Твою мать, — пробормотал Мишка, указывая пальцем в сторону центрального тоннеля. — Это что — ШОКовцы?

— Похоже на то, — подтвердила Дашка, всмотревшись в тёмную фигуру, маячащую у выхода.

— А нахрена они сюда штурмовиков пригнали? — задал резонный вопрос Косой. — Что-то мне это начинает нравиться... Всё меньше и меньше, — неуместно пошутил он, а внутри меня снова заворчалось предчувствие беды. — Может, свалим, пока не поздно?

— Поздно, — бросил Санёк, покосившись за спину.

Я тоже не удержался. Обернулся и поспешил тут же отвести взгляд, случайно встретившись глазами с бойцом ШОКа. Холодные, колючие, излучающие угрозу. Он словно выбирал во мне место, в которое собирался всадить пулю.

Но было в нём и что-то такое, что заставило меня снова посмотреть на его крепкую фигуру. Высокий и коренастый, он излучал какую-то уверенность, силу. Оружие держал с показной небрежностью, что выдавало в нём профессионала. Точно так же держат инструмент мастера, прошедшие не один километр тоннелей.

Мы ожидали речи. Хоть каких-то объяснений о том, что происходит и что с нами будет дальше. Но у наших новых хозяев имелось собственное видение ситуации. И как только последний человек втянулся в общую массу на площади, бойцы ШОК начали действовать.

Чеканя шаг, тяжёлой поступью военных ботинок, из центрального тоннеля вышло не менее сотни солдат. Они замерли у входа ровным строем. Кто-то отделился от них и вышел вперёд. Некоторое время ничего не происходило. Площадь погрузилась в звенящую тишину, сквозь которую доносился отдалённый гул работающей вентиляции. А затем произошло то, чего никто из нас не мог ожидать.

В голове будто что-то щёлкнуло, и визор, молчавший почти десять лет, вдруг ожил. По толпе пролетел вздох, а следом пробежала волна ропота, но на этот раз неуверенная. Мы всё ещё не понимали, что происходит.

Что-то заискрилось под сводом. Так же внезапно над нашими головами появилось объёмное, полупрозрачное изображение. На нём застыл человек в военной форме, с крупной нашивкой Ш.О.К. на груди. Его лицо перечёркивал белый рваный шрам, проходящий от лба до самого подбородка. Глаза не выражали ничего, будто он смотрел на пустое место.

Я не сразу понял, что это лишь проекция на визор, и на самом деле под сводом пещеры ничего нет.

— Меня зовут полковник Исаев, — скрипучим голосом представился он. — Делайте всё в точности так, как вам говорят мои люди, и никто не пострадает. Сейчас вас разобьют на группы в соответствии с вашим полом, возрастом и семейным положением.

И это было всё, чем нас удостоили. Полковник будто отвернулся от нас и коротко махнул рукой, отдавая безмолвную команду.

Бойцы за его спиной ожили. Они вклинились в живую массу подобно алмазному буру, вошедшему в мягкие породы планеты. Из толпы донеслись первые недовольные крики. Однако бойцы не обращали на них никакого внимания, продолжая свою бездушную работу.

Нас сортировали, словно скот. Женщины отдельно, мужчины отдельно. ШОКовец подходил к человеку, тыкал ему в лицо каким-то прибором, после чего указывал ему на место в уже отсортированном стаде. Две толпы быстро росли. В них оказывались все одиночки.

Чуть в стороне образовалась скудная куча из семейных. Всего четыре пары, у одной из которых имелся ребёнок. Рядом с ними, переминаясь с ноги на ногу, стояли матери-одиночки со своими чадами. По большому счёту все вдовы, но некоторые из них заимели детей вне брака от таких же, как и они, одиноких мужчин.

Вот только гражданские отношения бойцов не волновали.

Один мужик попытался отбить свою женщину, но, получив прикладом в лоб, быстро успокоился. Его бесчувственное тело отволокли к другим одиночкам, да так и оставили лежать на каменном полу. Женщина что-то кричала, сжимая в руках младенца. Она пыталась пробиться к гражданскому мужу, но и её крики так и остались без внимания.

Наконец дошла очередь и до нас. Но в отличие от старших, нас не стали разбивать на группы по половым признакам. Так и согнали в одну кучу чуть в стороне от общей воющей массы. В самый последний момент Мишка хотел было дёрнуться к боковому тоннелю, ведущему к биореактору. Но боец, стоявший за нашей спиной, наградил его таким взглядом, что у приятеля поникли плечи. Путь к отступлению был отрезан.

Не прошло и часа, как всех жителей посёлка рассортировали. Подчиняясь командам и грубым пинкам, люди шли к посадочному шлюзу. Первыми ушли старики. Их было немного, всего десятка полтора. Спустя десять минут после того как они скрылись за переборкой, мы почувствовали лёгкую вибрацию пола. Каждый отлично знал, что это значит. Шатл с ними только что покинул нашу планету.

Следом вывели женщин. Потом мужчин. Матерей-одинок вывели из посёлка вместе с семейными. А мы так и жались друг к другу в ожидании своей судьбы, которая никоим образом уже от нас не зависела.

— Семёнов, выводи малышню! — проскрипел полковник Исаев. — Остальным обыскать периметр.

— Куда это они нас? — прошептал Санёк, который, похоже, впервые в жизни мечтал стать невидимкой.

— Куда-куда? — передразнил его Мишка. — В приют...

Глава 2

Глава 2.

Пугающая пустота

Нас загнали в шаттл. Внутреннее спартанское убранство не обещало удобств и комфорта. Обычная жестянка с ровными рядами кресел по центру, оборудованных ремнями безопасности. Нас просто распихали по местам, без всякой системы и порядка. Кто попался под руку, того и усадили на свободное сиденье. А вот разобраться с хитрой системой ремней всё-таки помогли.

Между рядов прошёлся один из ШОКовцев и зафиксировал всех, у кого возникли проблемы. С застёжками я справился сам, но штурмовик всё равно проверил, насколько всё надёжно и правильно. Парой резких движений он затянул ремни так, что тело намертво прижало к спинке.

— Готово! — бросил он старшему офицеру.

Тот молча кивнул и буркнул что-то в гарнитуру. Следующие две минуты мы наблюдали за слаженными действиями бойцов, которые занимали свои места. Никто не суетился, не метался, не задавал лишних вопросов. Сел, пристегнулся, подтянул ремни, доложил о готовности.

Борт завибрировал от низкого гула. Заработали двигатели. Последним упал в кресло офицер, предварительно окинув взглядом салон шаттла. Он сел по левую руку от меня, у тёмного провала иллюминатора, и точными, доведёнными до автоматизма движениями щёлкнул фиксаторами ремней, даже не удостоив их взглядом. Было ясно, что для него это так же привычно, как поднести ложку ко рту.

— Кречет, поднимай птичку, — бросил он в гарнитуру.

Ответа я не слышал, но, судя по тому, как офицер ощерился, пилот вернул ему какую-то шутку. Я украдкой наблюдал за ним и его действиями. Спокойный, собранный, сильный. Мне даже захотелось почувствовать себя им или таким же: крутым отважным воином, который наводит страх на врагов.

— Дяденька, — проблеял сидящий справа от меня Гришка. Совсем ещё мелкий. Он лишился родителей в прошлом году, когда ему не было и шести, — А куда нас везут?

— На Палантину, — ответил офицер и откинул спинку кресла, занимая полулежачее положение.

Я нащупал кнопку сбоку от подлокотника и поступил согласно его примеру. Помог откинуться и Гришке. Хрен его знает, может, так будет легче пережить взлёт?

Двигатели взревели, словно у них внезапно пробудилось второе дыхание. По корпусу прошла очередная волна вибрации, и даже не глядя в иллюминатор, я ощутил, как мы оторвались от поверхности. Слева за окном замелькали каменные стены посадочного тоннеля, а уже через минуту мы взмыли над планетой. Начался набор высоты.

С каждой секундой меня всё сильнее вжимало в кресло, будто эта проклятая планета не желала выпускать нас из своих ледяных объятий. Стало трудно дышать. Гришка испугался и заныл, заставляя офицера поморщиться. К нему тут же присоединились другие мелкие. А я лишь сильнее стиснул зубы, пытаясь задушить в себе страх.

Нас трясло и швыряло. Корпус грохотал и гудел, будто собирался рассыпаться на мелкие кусочки. Меня придавило с такой силой, что я едва мог дышать. Голова казалась тяжёлой, словно её наполнили свинцом и накачали сжатым воздухом. Гришка притих. С трудом преодолев перегрузку, я смог на него покоситься и увидел, что он обмяк. Интересно, он отключился или умер?

И вдруг, я ощутил небывалую лёгкость. Никогда в жизни не чувствовал ничего подобного. Нет, я слышал о невесомости и даже много раз пытался себе представить, каково это? Однако все мои ожидания даже близко не походили на реальность. Казалось, если я сейчас отстегну ремни, то взлечу, словно пёрышко. Пришлось приложить немало усилий, чтобы сдерживать этот порыв. Вряд ли бойцы сопровождения это оценят.

К горлу подкатила тошнота, но я смог с ней справиться. Однако по салону прокатилась целая волна тошнотворных звуков, и салон тут же наполнился кислым запахом рвоты.

— Да вашу мать! — взревел офицер. — Отделение, навести порядок!

Послышались щелчки, и из-за моей спины выплыл один из бойцов. В его руке находилось какое-то устройство. Аккуратно, без рывков и резких движений, он проплыл по проходу к летающему шару из рвоты и направил на него этот прибор. Послышался шум, и пузырь исчез в утробе устройства. Не прошло и пяти минут, как в салоне снова царил первозданный порядок.

К нам подплыл один из бойцов.

— Тащ майор, — доложил он. — Трое мертвы, захлебнулись блевотиной. Десять человек в отключке.

— Хрен с ними, — ответил майор. — На Палантите разберёмся. Занять места.

— Есть, — так же сухо бросил ШОКовец и скрылся позади.

Полёт продолжался, как ни в чём не бывало. Я не чувствовал скорости, даже когда смотрел в иллюминатор. Мне вообще казалось, что мы стоим на месте. Никакого движения, нет ясности, где верх а где низ, и от этого голова шла кругом. Снова появилась тошнота, и я поспешил закрыть глаза, чтобы от неё избавиться. А когда снова посмотрел в иллюминатор, увидел их...

Врата. Нет не так.

ВРАТА!

Сооружение, которое перевернуло всё: законы, принципы построения цивилизации, экономики, вообще всё. Отец рассказывал о них, но слышать — одно, а видеть своими глазами — совсем другое.

Они висели в точке Лагранжа, чтобы оставаться неподвижными, вечными. Лишь изредка к ним подлетали инженеры «Заслона», чтобы подкорректировать их координаты и произвести текущее обслуживание. Всё-таки как ни крути, а космос — вещь непредсказуемая. Иногда гравитационные поля смещаются из-за пролетающих мимо массивных объектов. Да много чего способно повлиять на неподвижность этого сооружения.

С принципом их действия я не был знаком, разве что в общих чертах, как и любой другой мальчишка, увлекающийся всякими технологическими штучками. Дашка, в отличие от нас, пацанов, была знакома с этим устройством гораздо лучше. Она вообще волокла в любой технике. От неё мы и узнали, что такое врата и как они работают. Естественно, в общих чертах.

Давным-давно, ещё до великой экспансии, когда люди ютились на единственной планете Земля, великие инженеры «Заслона» уже ломали головы над тем, как преодолеть невообразимо огромные пространства. Они были мечтателями и стали первыми, кому удалось решить эту проблему. Ведь ничто во вселенной не может двигаться быстрее скорости света. Но даже если бы человечеству удалось достигнуть подобной скорости, то до соседней звёздной системы нам бы пришлось лететь десятки, если не сотни лет. И этот крохотный факт напрочь убивал все мечты об освоении новых горизонтов. Пока учёные не открыли то, что легло в основу врат.

Магнитные поля, определённой частоты колебания, заставили вибрировать чёрную материю. То, из чего состоит само пространство и время. И когда это случилось, космос подчинился человеку. Да, прошло немало лет, прежде чем люди научились управлять этой стихией и точно просчитывать координаты выхода из «кротовых нор». Но само открытие было совершено корпорацией «Заслон». И все технологии и патенты, а также право на дальнейшую разработку они

оставили за собой. Благодаря этому они и стали лидирующей корпорацией, заняли на высшую ступень. Они приручили космос, а значит, и всех тех, кто путешествует по его просторам.

По другую сторону врат космос выглядел иначе. Я не читаю карты звёздного неба и не владею навигационными знаниями. Но даже учитывая всё это, разницу в положении звёзд невозможно было не заметить. Мы собирались преодолеть расстояние в тысячи световых лет всего за одно мгновение. Однако ничего из этого я не увидел и не почувствовал.

Капитан корабля объявил, что приступает к разгону шаттла, и сзади шею что-то кольнуло. А через минуту, когда тело уже начало наливаться тяжестью, веки сомкнулись, и я провалился во тьму. Уже позже, когда мы совершили посадку, Дашка нам объяснила, что таким образом наши тела погрузили в эдакий анабиоз, чтобы защитить их от перегрузки.

— А разве в невесомости она есть? — задал резонный вопрос Мишка.

— А при чём здесь невесомость? — наморщила лоб подруга. — Здесь в дело вступают другие законы физики, такие как ускорение. Попрошу не путать с гравитацией, хотя на первый взгляд, действие будет очень схожим. Вот смотри: чтобы разогнаться или затормозить, нужно приложить силу — это создаёт ускорение. Ускорение воспринимается как перегрузка. Нас вдавливают в кресла при разгоне и тянет вперёд при торможении. Шаттл с ускорением девять и восемь десятых метров в секунду создаст эффект земной гравитации...

— Всё, замолчи, заучка, — замахал руками Косой. — Я окончательно запутался со всеми этими твоими ускорениями и гравитациями.

— А мне интересно, — намекнул на то, что хочет продолжения, Санёк.

— Ой, ну вас, — отмахнулась Дашка. — Вы всё равно ничего не поймёте.

Я слушал их беседу вполуха. Планета, на которую нас привезли, завладела моим вниманием полностью. Это было... Да просто невероятно. Огромные дома, чьи крыши скрывались за облаками. До этого дня я видел их лишь на картинках или по визору в школе, когда нам запускали эмуляцию Земли на уроках природоведения.

Вот только вживую они выглядели в миллион раз красивее. Хотелось забраться на них и попрыгать. Они казались пушистыми и мягкими.

Впрочем, я знал, что это всего-навсего конденсация влаги в верхних слоях атмосферы, и изнутри они выглядят как обыкновенный туман, ну или дым, если угодно. Ведь туманов я тоже никогда не видел воочию.

Но больше чем облака меня поражали дома, улицы, люди, машины — да всё. Жизнь на поверхности всегда представлялась мне иначе. И снова реальность превзошла все мои даже самые смелые ожидания. Солнце обжигало кожу, от его яркого света слезились глаза. Но я не переставал держать их открытыми, чтобы не дай бог не пропустить хоть что-нибудь интересное.

Нас выстроили у посадочного терминала. Хотя правильнее будет сказать: сбили в кучу. Ни о каком строе и речи не шло. Кучка перепуганных до усрачки детей. Немногие из нас сохраняли хоть какие-то остатки самообладания. Гришка всё-таки умер. Не справился с перегрузкой при взлёте, а укол окончательно добил ослабленный организм. Надо будет спросить у Дашки, почему нам не сделали этот укол ещё на старте?

По моим ощущениям, в полёте мы провели не более трёх часов. Но как показывал оживший визор, из жизни я выпал на четверо суток. Очень хотелось пить и есть, но беспокоить по этому вопросу штурмовиков я не решился. Вместо меня это сделал Санёк.

— Эй, командир, а когда нас покормят? — Он схватил за рукав, проходящего мимо бойца.

А вместо ответа заработал такую затрещину, что потерял равновесие и шлёпнулся на задницу.

— Ещё раз меня тронешь, щенок, и я из тебя всю душу выблюю! — рявкнул боец.

— Голованов! — прорычал знакомый мне майор. — Отставить!

— Виноват, тащ майор, — браво ответил боец и криво ухмыльнулся.

На этом инцидент был исчерпан. Никто не наказал взрослого за то, что он избил ребёнка. Да и к Саньку никто не спешил, чтобы справиться о его самочувствии. Всем вокруг было плевать.

Справа от нас в точно такую же бесформенную массу согнали женщин из нашего шахтёрского городка. И на этом всё. Больше ни одного знакомого лица или клочка одежды. Куда увезли остальных — непонятно. И вряд ли хоть кто-то даст нам на это ответ.

— Так... Ты, ты и ты! — указал на нас пальцем какой-то толстый мужик. — Идите за мной.

— Куда? — тут же прорвало языкастого Сашку.

Но ответа не последовало. Толстяк бросил на приятеля такой взгляд, что тот подавился следующим вопросом. Нас подвели к машине и сдали на руки другому человеку. Этот был высоким и худым, как жердь. Одет в строгий костюм, через отвороты которого проступал яркий зелёный галстук.

— Горячев, Литвинов и Замотаев? — спросил он, делая какие-то пометки в планшете.

— Да, — ответил за всех я.

— Проходите. — Мужик сухо кивнул на салон.

Мы забрались внутрь и уселись на свободные места. Здесь было гораздо уютнее, чем в шаттле. Мягкие кресла, которые тут же подстроились под наши тела. А ещё здесь перестало жечь солнечным светом кожу. Под потолком что-то гудело, и от этого устройства по салону растекалась спасительная прохлада.

— Мне одному кажется, что я стал легче? — задумчиво произнёс Мишка.

А ведь и в самом деле... Рассматривая новый мир, я не заметил очевидного. Двигаться на этой планете было значительно легче. Возможно, как раз из-за той самой гравитации, о которой недавно рассказывала Дашка. Ещё по школьной программе я помню, что от планеты к планете она разная. Где-то превышает земную, а где-то наоборот. Если мне не изменяет память то на нашей S-118/35 гравитация составляла одну целую и семь десятых от земной. То есть была выше.

— А Дашка где? — принялся озираться Санёк и вдруг выскочил из салона. — Дашка! Даш! — заорал он и призывно замахал рукой. — Давай к нам!

— Да твою же... — засуетился долговязый встречающий. — А ну брысь обратно!

— Да отвянь ты, дылда! — взвизгнул приятель, и тогда мужик схватил его за ухо. — Ай-я-а-а... Отпусти, падла! — заголосил Санёк.

На шум и крик от общей кучи детей сорвалась Дашка. То ли отреагировала на призыв друга, то ли на его вопли, но сделала она это зря. Боец ШОК, что до сих пор крутился возле нашего стада, отреагировал мгновенно. Он не стал хватать девочку за руку или ухо, как это сделал наш «дылда». Штурмовик отработал привычным ему способом: сунул Дашке прикладом в лоб. Она рухнула на бетон словно подкошенная, и это подействовало на меня, как красная тряпка на быка.

Я рванул наружу, не разбирая дороги. На ходу отшвырнул в сторону долговязого, что до сих пор удерживал Саньку за ухо, проскочил мимо и устремился к бойцу, который посмел поднять руку на мою подругу. Не знаю, на что я рассчитывал. В этот момент в голове пульсировала всего одна мысль: разбить его наглуую рожу.

— Эй! А ну стоять! — прокричали мне в спину.

А может, и не мне. Позади отчётливо слышался чей-то топот. Может, Мишка сорвался на подмогу, или Санёк всё же сумел выкрутиться из цепких пальцев встречающего. Мне было плевать. Я видел перед собой цель и стремился добраться до неё во что бы мне это ни встало.

Я врезался в тело бойца со всего разбега. Однако разница в массе и выучке внесла свои поправки в мои планы. ШОКовец сделал лишь шаг вперёд, обернулся и уставился на меня ошалевшими глазами.

— Ты чё, шенок, берега попутал?! — с кривой ухмылкой выдохнул он и занёс оружие для своего излюбленного приёма.

Но я не собирался подставляться. Дождался, когда приклад устремится мне в лоб, и резко ушёл вправо. А затем что было сил пнул бойца под колено. Штурмовик осел, подставляя под удар свою наглуемую рожу, и я незамедлительно этим воспользовался. Размахнулся и что было сил сунул ему кулаком челюсть.

И в этот момент подоспела подмога в лице Мишки. Он прыгнул на бойца прямо с разбега, увлекая его за собой. Они оба рухнули на бетон и...

На этом наш прорыв завершился. Подоспело подкрепление от штурмовиков. Мишку попросту снесло с бойца от удара тяжёлым военным ботинком, а мне на затылок опустилось что-то тяжёлое, и свет погас.

— Ну что, шакальё?! — Уперев руки в бока, над нами навис полковник Исаев. — Что прикажете с вами делать?

— Да он первый начал! — тут же сорвался с места Санёк. — Дашку нашу железкой в лицо стукнул! Это где вообще такому учат, чтобы девочек по мордам бить?!

— С Головановым я сам разберусь, — сухо отрезал полковник. — Вы понимаете, что вас могли просто пристрелить?! Вы что, бессмертными себя возомнили?! Напасть на бойца штурмового отряда... Что вообще творится в ваших мозгах?! Или у вас их там нет?

— Мы больше не будем, — всхлипнул Мишка. — Простите нас.

— Простите... — передразнил его Исаев. — Короче, раз вы такие боевые нам тут попались, раз ведёте себя как собачья свора, значит, и жить вам среди таких же, как вы.

— В смысле? — захлопал глазами Санёк. — Мы ведь... Мы же... Да он же первым начал!

— Молчать! — рявкнул полковник, и Саня затих. — Решение принято. Поедете в «Зверинец». Увести!

В комнату, где мы трое очнулись и получали взбучку от Исаева, вошли трое. На этот раз с нами не церемонились. Пинками и затрещинами нас выгнали обратно на улицу и повели к машине. Но уже не к той, возле которой всё ещё продолжал суетиться долговязый мужик в пиджаке. Она хоть и выглядела точно так же, но встречающий сильно отличался от улыбчивого «дылды». Этот был крепким, коренастым. Его взгляд пронизывал насквозь, и в нём не было никакой жалости. Напротив, нас он осмотрел с нескрываемым презрением, словно оценивал, как долго нас придётся бить, чтобы приучить к порядку. Он даже фамилии наши не спросил. Молча указал на салон, и как только мы вошли внутрь, с силой захлопнул за нами дверь.

А здесь нас уже ожидала Дашка.

Пока мы получали взбучку от полковника, нам оказали медицинскую помощь. Мне что-то вкололи, Мишке разогнали синяк, который успел налиться на добрую половину морды. А Саньку подлатали ухо и вывихнутое плечо. Он подоспел к драке в самом конце и как раз нарвался на достойный отпор, так и не успев ничего сделать. Дашку тоже подрихтовали, но она всё равно каждые несколько секунд трогала лоб, пытаясь найти там здоровую шишку.

— Капец нам, по ходу, — выдохнул Санёк, отвернувшись к окошку.

— Сам виноват, — буркнул я. — Нечего было выскакивать и шум разводить.

— Ну убей меня теперь за это, — огрызнулся он.

— Да успокойтесь вы, — остудила назревающий спор Дашка. — Всё уже случилось. Теперь будем выкручиваться из того, что имеем. Может, за хорошее поведение нас простят и переведут обратно, к остальным.

— Ага, мечтай, как же, — криво ухмыльнулся Косой. — Ты слышала, как они назвали это место? «Зверинец». Нас теперь в клетках держать будут.

— Ты дурак совсем? — уставилась на него Дашка. — Не говори глупостей. Никаких клеток там нет.

— А почему они тогда его так назвали? — не унимался Косой.

— А ну заткнулись там! — прогремел строгий голос встречающего, и мы быстро притихли.

— Всё, нам точно кабзда! — окончательно скис Санёк.

А моё внимание привлёк полковник, который о чём-то беседовал с встречающим. Я даже с кресла встал и подобрался поближе к двери, чтобы расслышать то, о чём они говорят.

— ...на поруки, — долетел обрывок фразы. — И давай там построже с ними, хорошо?

— У нас не забалуют, — ответил крепыш. — Переночуют пару раз в карцере — вмиг шёлковыми станут.

— Ты не понял, Валер. Я не хочу, чтобы ты их ломал, — положив ему руку на плечо, произнёс полковник. — Мне нужно, чтобы ты раскрыл весь их потенциал. Понимаешь, о чём я?

— Хочешь воспитать свежее мясо? — хмыкнул Валера.

— Да, что-то мне подсказывает: эти четверо — как раз то, что мы ищем. Ты видел, как он моего Голованова отделал? А ведь он ещё щенок, ему и четырнадцати нет.

— Ладно, я тебя услышал, — кивнул Валера. — Посмотрим, сколько они продержатся без надлежащего присмотра. Но это сам понимаешь, не бесплатно... В случае чего, я ведь работой рискую.

— Главное — не покалечь их, а с деньгами проблем не будет.

— Ну чего там? — не выдержал Санёк.

— Да тихо ты, — шикнул на него я, но было уже слишком поздно.

Оба взрослых смотрели прямо на меня, и в их глазах не читалось ничего хорошего.

Глава 3

Глава 3.

Специальные условия

Машина опустилась на посадочную платформу. Винты остановились и плавно сложились, замерев вдоль бортов. Дверь с тихим шипением отошла в сторону, выпуская нас наружу.

— Выходим, — скомандовал Валера.

Друг за другом мы выбрались из салона, чтобы отправиться к основному корпусу. Выглядел он так же потрясающе, как и другие строения на этой планете. Впрочем, для нас всё было в диковинку.

Щурясь от яркого солнечного света, который отражался от стеклянной поверхности здания, мы крутили головами, впитывая детали экстерьера. Высокий забор из прутьев, с замысловатым орнаментом, обрамлял территорию. Вдоль него — аккуратно подстриженные кусты в форме кубов и шаров. Пёстрые клумбы с цветами всех возможных оттенков, от которых рябило в глазах. И всё это на фоне ярко-зелёных газонов. Глядя на них, хотелось сбросить ботинки пробежаться босиком, утопая в сочной траве по щиколотку.

— Какая красота, — прошептала Дашка. — Неужели мы будем здесь жить?

— Судя по всему, — буркнул я.

— Да уж, кудряво они здесь устроились, — хмыкнул Мишка.

В отличие от подруги, я не испытывал щенячьего восторга, навеянного внешним лоском. В голове всё ещё звучали слова полковника Исаева о планах в отношении нашей судьбы. Своим я пока ничего не рассказал. Рано.

Вывеска у двери гласила, что мы угодили в «Интернат для трудных подростков №723», и это в очередной раз омрачило общее впечатление от увиденного. А дальше началась процедура заселения, от которой все сторонние мысли моментально выветрились из головы.

Первым делом мы отправились в медицинский блок. Валера передал нас на руки строгой женщины в белом халате. Она представилась Василисой Ивановной. По её лицу было видно, что возня с нами не доставляет ей удовольствия, скорее напротив — раздражает. Может, поэтому она никак не реагировала на наши вопросы.

По очереди мы посетили медицинскую капсулу, в которой каждый провёл около сорока минут. Получив свою дозу прививок, мы были отправлены в душ. А по выходу из него нам выдали новую одежду. Эдакие комбинезоны одинакового цвета, на которых уже имелись нашивки с нашими именами.

Затем снова капсулы, но уже предназначенные для программирования имплантов, в которых нам обновили прошивку для визоров, напроць убив в них весь функционал. Теперь там остались лишь самые примитивные функции: общение, обучающие программы и план-схема интерната. Ах да, где-то в процессе нас ещё покормили.

В жилой корпус мы попали только к вечеру. Чем-то он напоминал наш родной барак. Разве что света было побольше, да и само помещение имело огромные размеры. Дашку забрали и отвели в соседнее здание, где располагался корпус для девочек. Естественно, для нас туда вход был под строжайшим запретом.

Воспитатель, Семён Николаевич, ушёл, а мы так и стояли у входа, не решаясь пройти дальше. Всё здесь было чужим, непривычным и немного пугающим. Мы не знали ни правил, ни порядков. И чувствовали себя выброшенными на берег рыбами.

— Ну чё... По ходу, приехали, — выдохнул Санёк. — Пойдём места занимать?

И мы шагнули навстречу новой судьбе. По мере того, как мы продвигались, гул голосов смолкал. Присутствующие провожали нас оценивающими взглядами. Никто не спешил при-

ветствовать новеньких или завязывать с нами знакомство. От этого молчаливого внимания становилось не по себе.

Слава богу, система выдала нам три места рядом. Этот факт немного расслабил нервы, которые уже были натянуты до предела. Каждому досталась кровать, собственная, не двухъярусная. В изголовье имелся шкаф для личных вещей, а слева — небольшая прикроватная тумбочка. Всё на замках, которые открывались по отпечатку пальца. В шкафу обнаружился сменный комплект одежды и постельного белья. На дверце висело расписание внутреннего распорядка. Но стоило зафиксировать взгляд на ку-ар коде, как визор послушно открыл свод правил и привязанную к нему систему наказаний.

Говорить по-прежнему не хотелось. Усталость брала своё, Я свалился на кровать и прикрыл глаза, делая вид, что сплю. Однако уснуть так и не смог. То ли сказывалось новое место и непривычная телу гравитация, то ли куча пережитых эмоций. Я ворочался всю ночь и смог слегка задремать буквально перед самым рассветом. Едва я провалился в спасительную темноту, как меня из неё вырвал настойчивый писк будильника.

Общага тут же наполнилась гулом голосов. Я разлепил веки, уселся на койке и с силой провёл ладонями по лицу. Но не успел подняться на ноги, как меня кто-то больно ткнул прямо между рёбер.

— Тебе что, особое приглашение нужно?! — прогремел грубый голос, от которого загудело в голове. — Бегом к черте!

Осмотревшись, я понял, о какой именно черте идёт речь. Она проходила по всей длине помещения, как раз у подножия наших коек. И у неё уже выстроились все, кроме нас троих. Мишка всё ещё хлопал глазами, силясь понять, чего от него требует орущий воспитатель. Санёк оказался более сообразительным и уже успел занять своё место, ориентируясь на остальных пацанов. Я тоже подскочил и замер возле линии на полу.

Как только мы выстроились, по залу пролетел дрон, буквально на секунду замирая перед каждым. Видимо, сканировал наши лица и отмечал присутствующих.

— Тридцать минут на утренний туалет, затем завтрак, — бросил Семён Николаевич и покинул общагу.

Пацаны гуськом потянулись к санузлам, которых здесь было четыре. Располагались они в начале и конце помещения напротив друг друга. Они же являлись и туалетом. Слева по стене тянулся ряд умывальников, справа — кабинки с унитазами. Их нам показали ещё вчера. Ну как показали... Воспитатель просто махнул рукой со словами: «Там туалет и умывальники». Остальное мы уже изучили самостоятельно.

Открыв замок на тумбочке, я выудил из него зубную щётку, пасту и мыло. Из шкафчика забрал полотенце и потянулся вслед за остальными. Мишка пристроился сзади, Санёк вышагивал впереди. Первым делом я нырнул в кабинку туалета и опустошил мочевой пузырь, а когда вернулся к раковине, на которой оставил принадлежности для гигиены, таковых там не обнаружил.

— Эй, ты видел, кто взял мои вещи? — Я толкнул локтем пацана, который усердно начищал зубы.

— Му-у, — покачал головой он, хотя я был уверен в обратном.

Ну не мог он этого не заметить. Он как раз умывался, когда я положил рядом свои мыльно-рыльные. Значит, просто не хочет говорить или сам стащил. Но зачем? Это же не вот какой дефицит. Как я понял, у всех здесь всё одинаковое. Выходит, это проверка на вшивость.

— Эй, кто мои вещи взял?! — послышался возмущённый голос Мишки с другого конца.

— Здесь твоего ничего нет, — прозвучал наглый ответ. — Всё казённое, а значит, общее.

Несколько пацанов заржали. Однако большая часть отстранилась, словно предчувствуя беду. Тот парнишка, что яростно начищал зубы, быстро сплюнул в раковину пену, прополоскал рот и поспешил ретироваться.

Вокруг Мишки уже образовался вакуум. Ребята расступились, освобождая пространство для представления. Из кабинки как раз выскочил Санёк и замер, глядя на немую сцену.

— Что случилось? — тут же спросил у меня он.

— Кто-то забрал наши вещи, — ответил я.

— Мои на месте. — Саня покосился на умывальник.

— А вот мои и Мишкины — исчезли, — констатировал я и шагнул вперёд.

Пацаны, что затеяли конфликт, явно были старше нас, да ещё и крупнее. Тот, что ответил Мишке, смотрел на нас с нескрываемым вызовом. Он ожидал развития ситуации и, вероятнее всего, был настроен на драку. У него за спиной стояли пятеро его дружков. Тоже из старших. На лицах застыли кривые ухмылки, а во взглядах читалось пренебрежение.

— Пойдём отсюда. — Я дёрнул Мишку за руку. — Вечером скажем воспитателю, нам новые выдадут.

— Ого! — Задира не стал спускать дело на тормозах. — Глянь, пацаны, да у нас тут стукачи завелись, по ходу?

Я не стал заострять внимание на его словах, всё ещё надеясь избежать драки. Ну, или в нашем случае — избиения. Я уже давно понял, к чему весь этот цирк.

Но Мишка решил иначе.

— Никуда я не пойду, пока эти уроды не вернут мои вещи! — выкрикнул он и вырвал из моих пальцев свою руку.

— Ты кого уродом назвал, щенок! — с хищным оскалом навис над ним старший.

— А ты кого в стукачи записал?! — шагнул навстречу Мишка.

Меня отчего-то из внимания вычеркнули. Видимо, посчитали слабым или решили оставить на закуску. Но в этом была их критическая ошибка. Пока они с Мишкой сверлили друг друга взглядом, я уже действовал так, как меня научил отец. Он всегда говорил: если конфликта не избежать — бей первым.

И я ударил.

Противник был крупнее меня и, скорее всего, физически сильнее. Но строение человеческого тела одинаково, независимо от звёздной системы и того, где он живёт или родился. Различие может быть только в росте из-за разницы в гравитации. Но тогда я не знал, что от этого зависит не только то, как развивается скелет, но и физические возможности. Я оценивал противника как более сильного, а потому вложил в удар всё, на что был способен. И бил не абы куда, а в точно рассчитанное место, как когда-то показывал отец. Под правое подреберье, в печень.

Удар вышел звонким, словно я нанёс его по куску мяса. А в наступившей тишине в момент полного напряжения и накала ситуации он прозвучал подобно раскату грома. Буквально на секунду все замерли, не ожидая подобного подвоха от мелкого новичка, который ещё минуту назад собирался трусливо сбежать от драки. А затем мой противник рухнул на пол и, выпучив глаза, захрипел. Его рожа покраснела, а помещение наполнилось едким запахом дерьма.

— Валим отсюда! — тут же рявкнул один из его прихвостней, и вся толпа, включая любопытных, в мгновение ока вылетела из санузла.

А мы так и остались втроём возле поверженного противника, который корчился на полу в обосранных трусах.

Но счастье длилось недолго. Помещение взорвалось визгом сирены, а через мгновение за дверью раздался топот множества ног. Не успели мы даже опомниться, как в туалет ворвался воспитатель в окружении охраны.

— Врача, быстро! — мгновенно оценил ситуацию он. — Никого сюда не пускать!

Нас оттеснили к стене. Один из охранников выскочил за дверь, откуда донеслось его сбивчивое бормотание.

— Кто?! — навис над нами Семён Николаевич.
— Я, — честно признался я и шагнул вперёд. — Но он первым начал. Вещи наши украл.
— Дебилы, вашу мать! — выдохнул он и зачем-то приложил два пальца к шее задиры.
— Семёнов, где врач?!
— Вызвал, — сунулся в проём вышедший наружу охранник. — Сказала, сейчас будет.
— Пусть поторопится! — засуетился воспитатель, продолжая осматривать задиру. — Кажется, у него разрыв печени. Пусть готовит операционную капсулу.
— Охренеть! — Охранник выпучил глаза и скрылся за дверью.
— Этих троих — ко мне в кабинет, — указал на нас воспитатель. — Остальным скажите, чтобы на завтрак шли. Откуда вы только взялись на мою голову...

Просторный кабинет заливало солнечным светом, от которого всё ещё слезились глаза. После мрачных тоннелей нашей колонии мне всё никак не удавалось к нему привыкнуть.

— Да уж, весёленькое утро выдалось, — хмыкнул Санёк.

— Не, ну ты видел, как он его? — оживился Мишка, который всё ещё пребывал на пике эмоций. — Ха! — и готов громила. А ты видал, как он обосрался? Ха-ха-ха, да его теперь даже мелкие чмырить будут.

— Закрой рот, — сухо попросил я. — За каким хреном ты вообще на него огрызаться начал?

— Костян, да всё он правильно сделал, — заступился за приятеля Санёк. — Если бы он слабость показал, его бы до конца дней шпыняли. А теперь они знают, что мы — сила.

— Они ответят, — покачал головой я. — Может, не сразу, но обязательно попробуют отомстить.

— Значит, мы будем к этому готовы. — Мишка упрямо вскинул подбородок, и его левый глаз укатился к переносице.

— Хорошо, если так, — буркнул я. — Ещё неизвестно, что с нами теперь воспитатель сделает.

— Ну, поди, не убьёт, — резонно заметил Санёк. — Кстати, где он? Сколько его тут ждать можно?

— Интересно, как там у Дашки дела? — вздохнул Мишка. — Она там совсем одна. А вдруг её тоже кошмарить будут?

— Кто? Там же одни девчонки, — усмехнулся Санёк.

— Девчонки, — согласился Косой. — А ты в курсе, что они гораздо жёстче мальчишек?

— Да ладно, Дашка у нас — кремень, её голыми руками не возьмёшь, — отмахнулся Саня и вдруг ощерился во все тридцать два. — А прикинь, она сейчас тоже в кабинете воспитателя сидит? За то, что половину общаги избил.

— Пф-ф-ф, — прыснул от смеха Мишка. — Эта может...

— Вот и я о чём.

— Да тихо вы, — шикнул на друзей я. — Идёт кто-то. Вы хоть рожи грустными сделайте, а то шеритесь здесь как эти...

Дверь с тихим шипением ушла в стену, пропуская в кабинет Степана Николаевича. Он молча прошёл мимо нас, уселся за стол и окинул нашу троицу мрачным взглядом исподлобья.

Пауза затянулась не меньше чем на минуту. Мы тоже молчали. Мишка, который ещё недавно веселился, чувствуя себя победителем, сейчас весь сжался, напоминая воздушный шарик, из которого выпустили весь воздух. Санёк тоже притих и смотрел на свою ступню, которой шаркал по ворсу ковра. Я единственный, кто продолжал смотреть в глаза воспитателя.

— Так, — выдохнул тот, хлопнув ладонью по столу. — Кто-нибудь объяснит мне, что там произошло?

— Да они первыми начали! — тут же оживился Санёк. — Мы всего лишь защищались!

— Меня это не волнует! — рявкнул Семён Николаевич, словно только и ждал, чтобы кто-то из нас открыл рот. — Вы что, совсем охренели?! Вы хоть понимаете, что натворили? Он мог умереть! У вас с головой проблемы?!

— Ну ведь не умер же, — буркнул Мишка.

— Что?! — Семён Николаевич аж поднялся и навис над столом. — Литвинов, ты debil?! Ты хоть понимаешь, что ты несёшь?

— Нет, ну а что, по-вашему было бы лучше, если бы они нас избили? — вставил свои пять копеек Саня.

— Мы отсмотрели записи с ваших визоров. — Семён Николаевич вышел из-за стола и принялся вышагивать перед нами по кабинету. — И знаете, что мы там увидели? Викентий драку не начинал. Это сделали вы.

— Это сделал я, — подал голос я, продолжая смотреть прямо в глаза воспитателя.

— Это хорошо, что ты признаёшь свою вину, — кивнул воспитатель и указал пальцем на Мишку с Саней. — Но не стоит их выгораживать. Они виноваты так же, как и ты. Я видел, как Литвинов провоцировал Викентия, в то время как ты планировал избежать конфликта. В общем, так, господа хорошие. Без внимания я этого оставить не могу, не имею права. С сегодняшнего дня вы назначены на работы на скотном уголке. На месяц.

— Но... — начал было Санёк.

— Молчать! — рявкнул воспитатель. — Или продлю наказание на весь квартал! А теперь марш отсюда. И ещё раз... Слышите, ещё хоть одна жалоба на вас — будете у меня весь год туалеты драить! Пошли вон!

Мы высыпали из кабинета с мрачными рожами. Но детская психика — очень устойчивая вещь. Не прошло и минуты, как мы уже ржали во всё горло, вспоминая обосранные трусы Викентия.

Так мы и завалились в столовую, с шумом и хохотом. И хоть время завтрака уже прошло, нас всё равно накормили. Впрочем, может, оно к лучшему, что на всё огромное помещение, заставленное столами и стульями, остались только мы втроём. Правда, нормально поесть нам так и не дали, постоянно шпыняя и поторапливая.

Когда мы покончили с приёмом пищи, нас отправили в школу. Её здание находилось чуть в стороне, практически у самого забора. И что странно, учиться сюда шли не только дети из интерната. Стоянка забором была утыкана машинами, и от неё во внутренний двор тянулась целая вереница учеников.

У парадного входа нас ожидала Дашка. Она стояла на ступенях и, нахмутив брови, всматривалась в лица, пытаясь отыскать нас в толпе. Увидев знакомые рожи, она натянуто улыбнулась, а затем снова свела брови. Её взгляд из взволнованного сделался осуждающим.

— Дашка! — выкрикнул Санёк и раскинул руки для объятий.

— Отвали, дурак! — Она толкнула его и уставилась на меня. — Ты что опять натворил?!

— Ничего, — буркнул я.

— Как — ничего? Про вас, дураков, уже всё общежитие знает! Говорят, вы кого-то убили.

— Да никого мы не убивали, — усмехнулся Мишка. — Так, прочили одного урода — и всё.

— Что значит — прочили? — ещё больше нахмурилась она.

— Да не переживай ты, всё уже уладили, — беззаботно фыркнул Санёк.

— Уладили они, — покачала головой Дашка. — Мы здесь всего один день, а вы уже проблем на свои задницы нахватили.

— Всё хорошо, честно, — произнёс я, глядя подруге в глаза.

— Ладно, — смягчилась она. — Пойдёмте, скоро уроки начнутся. Не думаю, что опаздывать в первый день — хорошая идея. Тем более вы уже успели накосячить.

— Ой, отвянь, заучка, — отмахнулся Мишка. — Никто не косячил. Мы просто защищали свою честь.

— Ты сам-то понял, что сказал? — усмехнулась подруга.

— Я-то как раз всё прекрасно понял, — насупился Мишка.

Мы вошли в школу.

Огромный просторный холл кишел детьми. От их визгов и гула голосов у меня голова пошла кругом. Дашка двигалась сквозь толпу, словно бур в мягких породах. Шла уверено, явно уже успела всё разузнать.

Холл остался позади, но кишачая детская масса никуда не делась. Какой-то мелкий пацан со всего разбега врезался мне в ноги и плюхнулся на задницу. Я хотел помочь ему подняться, но он словно и не заметил падения. С визгом подорвался с пола и умчался куда-то в неизвестном направлении.

По коридору разнёсся классический звонок. Говорят, что этим же сигналом начинались занятия ещё тысячу лет назад.

Дашка прибавила шаг, и вскоре мы уже ввалились в кабинет. Учителя ещё не было, поэтому мы без лишних вопросов заняли свои места. Но, как оказалось впоследствии, личное присутствие преподавателя и не требовалось.

Буквально через пару минут, как только всё устаканилось и ученики расселись за стоящими по кругу партами, в центре вспыхнула объёмная голограмма. На некоторое время я замер, рассматривая преподавателя. Им оказалась очень красивая женщина лет тридцати на вид. Стройная, в строгом костюме с юбкой ниже колен, но он лишь подчёркивал стройность её фигуры. Тонкие брови, огромные глаза яркого зелёного цвета и огненно-рыжие волосы, забранные в тугий хвост. Даже будучи мальчишкой, я смог оценить её привлекательность. И судя по лицам моих друзей, они были поражены не меньше.

Только потом я узнал, что девочки видели на её месте статного мужчину в очках с невестомой, тонкой оправой. И вообще, это был не человек, а искусственный интеллект, который специально генерировал привлекательный образ, чтобы завладеть нашим вниманием. Но тогда я этого не знал и, открыв рот, впитывал каждое слово.

Это был урок истории, на котором нам рассказывали о временах настолько древних, что даже не верилось в их существование. Люди тогда ютились на одной планете, у них не было ни машин, ни технологий. Передвигались они на удивительных животных, которые назывались лошади. Работали руками и почему-то постоянно сражались и что-то захватывали.

Затем была перемена и следующий урок, а за ним — ещё один и ещё. Обедали в школе, а потом снова слушали лекции искусственного интеллекта.

Примерно в два часа дня нас отпустили с занятий. Мы выбрались на улицу, и я не без удивления наблюдал, как большая часть учеников хлынула в сторону стоянки. Одна за другой в небо срывались машины, увозя детей в неизвестном направлении. Скорее всего, домой, а может, по другим интернатам.

— Куда это они? — спросил Мишка, словно подслушав мои мысли.

— Домой, — вздохнула Дашка. — К родителям. Эта школа считается обычной, общеобразовательной. Мало того, в конце недели и из общаги многие отправятся по домам.

— Как это? — уставился на подругу Санёк. — А разве здесь не только сироты живут?

— Нет, не только, — покачала головой Дашка. — Многих сюда отправляют на воспитание. В основном тех, с кем не удаётся справиться обычными методами. Поэтому наш интернат и называется «для трудных подростков».

— Понятно, — вздохнул Санёк. — Всё бы сейчас отдал, чтобы снова увидеть своих родителей.

— А я своих даже не помню... — Мишка почесал макушку. — Мама умерла, когда меня рожала, а батя погиб, когда мне было года четыре.

— Литвинов, Горячев и Замотаев? — прозвучал резкий вопрос за спиной.

— Да, это мы, — обернулся Мишка.

— Следуйте за мной, — объявил крепкий мужик в форме охраны. — А у вас, девушка, уже факультатив начался.

— Это что ещё за чудо такое? — уставился на подругу Санёк.

— Дополнительный предмет, — гордо ответила Дашка. — Я выбрала изучение компьютерных систем и изучение языков программирования.

— Заучка, — фыркнул Мишка.

— Время, — поторопил нас охранник.

— Мы попрощались с подругой и двинулись следом за мужиком. Обошли школу и выбрались на внутреннюю площадь, где нас поджидал небольшой электрокар.

Охранник прыгнул за руль, а мы заняли места позади. Машина с тихим завыванием сорвалась с места и покатила нас на задний двор интерната.

Визор уже показал конечный пункт назначения: «Ботанический сад», на территории которого находился контактный зоопарк. Здесь нам предстояло отбывать наказание в течение месяца, вычищая клетки и загоны животных от дерьма. Меня это совсем не пугало. Честно говоря, это наказание казалось мне какой-то шуткой. Вряд ли работа с животными может быть тяжелее той, что мы выполняли в шахтах.

Глава 4

Глава 4.

Воспитательный процесс

— Народ, быстрее сюда! — выкрикнул Мишка, яростно махая руками. — Я там такое чудище увидел! Шея — во, ходит на двух лапах, весь покрыт пушистой чешуёй. А злощип такой, что аж подойти страшно!

— Да таких даже не бывает, — отмахнулся Санёк. — Не сочиняй.

— Чего?! — возмутился Мишка. — Хочешь сказать, я вру, что ли?!

— Косой, ты болтун и есть, — согласился я. — Лучше бери лопату и помогай.

— Да куда ваши какашки не денутся. Пойдём лучше на чудище смотреть! Там реально лютая хрень.

— Он ведь не отстанет. — Санёк вытер лоб рукавом, но лишь ещё сильнее размазал дерьмо по лицу. — Пойдём, глянем по-быстрому.

Мы выбрались из загона, в котором уже два часа собирали зловонную жижу, летящую из-под пятнистых созданий с рогами на огромных головах. Несмотря на грозный внешний вид, эти животные оказались довольно миролюбивыми. И единственное, что их заботило, — это еда. Они постоянно что-то жевали. На табличке у загона имелся ку-ар код, посмотрев на который, можно было прочесть информацию об этом звере.

Их завезли с Земли, и назывались они коровами. Почему, я так и не понял. Лично я видел в них фабрики по производству какашек, потому как гадили они натурально без остановки. Конвейер, что располагался со стороны их пятнистых задниц, бесперебойно выносил дерьмо из клеток в специальную яму. Её-то мы и должны были вычищать в качестве наказания. В другое время этим занимались дроны, которые сейчас отключили, чтобы оказать эту честь нам.

Сама работа была несложной. Махай себе лопатой да вывози наполненные тачки. Но вот запах... Да и само понимание того, что мы ковыряемся в чьём-то говне, удовольствия не вызывало. Однако та же информация, полученная при сканировании кода, гласила: этот навоз, является лучшим удобрением для почвы. И в саду, где мы сваливали наполненные тачки, действительно очень ему радовались.

Мишка прямой наводкой повёл нас в птичий угол. Щебет здесь стоял такой, что звенело в ушах. Он притащил нас к клетке, где, по его словам, обитала та самая жуткая тварь. Однако по факту, мы обнаружили в ней очередную птицу, хотя и довольно странную. У неё действительно была длинная шея, очень мощные лапы и гигантский размер. А орала она так, что по спине бежали мурашки.

Я навёл взгляд на ку-ар код, и визор послушно открыл информацию об этом чудовище. Оно называлось страус, и его тоже завезли сюда с Земли. Летать оно не умело и передвигалось исключительно по земле, но при этом развивало огромную скорость. А в случае опасности зарывало голову в песок, думая, что враг его при этом не видит. Странная тварь и действительно жуткая.

— Охренеть, — одними губами произнёс Санёк. — А если оно вырвется?

— Здесь написано, что они дружелюбные. — Я указал на квадрат кода. — А разводят их ради яиц, которые богаты белком и витаминами. Ну и мясо тоже очень вкусное и питательное.

— Жуть какая! — Мишка скорчил рожу. — Я бы такого жрать не стал.

— Стал бы, — хмыкнул Санёк. — Жить захочешь — и не такое слопаешь.

— Э, камнееды! — раздался угрожающий возглас со спины.

Мы дружно обернулись на оклик и замерли. К нам приближалась компания из пяти человек. Это были старшие, с четвёртого уровня общежития. Все как один крепкие, коренастые. Выражения их лиц не предвещали ничего хорошего.

Глядя на них, Мишка тут же втянул голову в плечи. Он быстрее всех понял, что сейчас нас будут бить.

Старшаки не стали тратить время на разговоры, и прежде чем кто-либо из нас успел отреагировать на угрозу, на наши головы обрушился град ударов.

Первое попадание в нос высекло сноп искр из глаз, а в следующую секунду я уже лежал на земле, пытаясь закрыться от каскада пинков. Нас не жалели, били по-взрослому.

Когда я спрятал лицо, руками преграждая путь ботинкам, их оттянули и сунули мне такого «леща», что в глазах моментально потемнело. Однако вырубиться мне не позволили, и следующий тычок по рёбрам отозвался резкой болью, которая выдернула меня из забытья.

Экзекуция продолжалась несколько минут, пока на земле не осталось лежать три окровавленных, стонущих от боли тела.

Закончив с избиением, надо мной склонился вожак стаи.

— А теперь слушай сюда, голодранец, — зло прошипел он. — Ты посмел тронуть моего человека, и это будет тебе уроком. Но самое поганое в нашей ситуации то, что я потерял деньги. А значит, ты мне должен. Завтра переведёшь мне сто пятьдесят корпов, или я снова тебя навещу. Как понял?!

Я попытался ответить, но разбитые губы не слушались, и вместо слов изо рта вырвалось какое-то нелепое бульканье.

— Будем считать, что урок усвоен, — криво ухмыльнулся он и, держа мою голову за волосы, снова сунул мне кулаком в челюсть.

На этот раз удар достиг цели, и моё сознание погасло.

Возвращался я тяжело. Вначале ушей коснулся противный, монотонный писк. Казалось, он пытается проникнуть в сам мозг, высверливая в нём сквозное отверстие. А следом пришла боль. Густая, ноющая, обволакивающая всё тело и продолжающая пульсировать где-то внутри, пробирая до самых костей.

Кто-то бесцеремонно схватил меня за лицо и с силой развёл веки. Затем в глаз ударил яркий свет, заставляя меня поморщиться. Впрочем, даже это вышло с трудом, если вообще получилось. Рожа казалась раздутой и не желала слушаться команд. А уж какую боль я при этом испытал — вообще молчу.

— Очнулся, — прозвучал сухой женский голос. — Но говорить вряд ли сможет. У него сотрясение второй степени тяжести, две трещины в рёбрах и ушибы мягких тканей по всему телу. Ему срочно нужно в капсулу.

— Ясно, — ответил второй собеседник. — Как придут в себя, позовёте.

— Хорошо, Семён Николаевич.

Послышались шаги, шипение приводов двери. Помещение погрузилось в тишину. Я почувствовал, как подо мной шевельнулся стол, а затем звуки сделались глухими, будто что-то отрезало меня от внешнего мира. Воздух стал сладковатым на вкус, и это принесло облегчение. Боль отступила на второй план, а её место заняло приятное головокружение.

Не знаю, сколько это продлилось, но когда я открыл глаза, почувствовал себя гораздо лучше. Боль исчезла, хоть и не окончательно. По крайней мере, она меня не беспокоила, если не шевелиться. Ушла тошнота, хотя голова казалась пустой и заполненной вакуумом. Слева слышалось неловкое бормотание, будто кто-то боялся меня разбудить или побеспокоить.

С трудом разлепив глаза, которые не хотели открываться, я скосил взгляд и несколько не удивился, увидев своих приятелей. Они сидели на соседней койке, и рожи у обоих... Даже боюсь представить, как сейчас выглядит моя.

У Мишки один глаз заплыл полностью, и на его месте красовался огромный лиловый фингал. Видимо, в качестве симметрии, на противоположной скуле надулся аналогичный, отчего рожа друга выглядела вытянутой по диагонали. Я попытался улыбнуться, но боль пронзила мозг до самого позвоночника, и я оставил эту затею.

Санёк выглядел под стать товарищу. Только у него заплыли оба глаза. Я даже не был уверен, что он способен видеть хоть что-то через эти две крохотные щелочки. Нос распух, превратившись в картофелину, на лбу — свежий шов с торчащими хвостиками ниток. Будто ему зашили третий глаз, чтобы он наверняка не подглядывал.

Позы у обоих скрюченные. Мишка постоянно держится за бок. Наверное, тоже заработал трещину в рёбрах.

Заметив мой взгляд, друзья моментально притихли и некоторое время изучали меня, словно впервые увидели.

— Ну, ты как? — спросил Санёк.

— Хреново, — хриплым голосом ответил я. — Крепко они нас...

— Да уж, — вздохнул Мишка и снова схватился за бок.

— И что будем делать? — Санёк задал вопрос, который крутился у всех в головах. — Сто пятьдесят корпов — это же целое состояние. Где мы возьмём такие деньги?

— Нигде, — тут же ответил Мишка. — Даже если сегодня на работу устроимся, зарплату нам в ближайшую неделю не видать.

— На какую работу? — покосился на друга Саня. — Мы дети, нас к деньгам даже близко не подпустят.

— Ничего мы платить не станем, — прошипел я.

— В смысле?! — уставился на меня одним глазом Косой. — Лично у меня нет желания на постоянную прописку в травме. Может, занять у кого-нибудь?

— Я сказал: нет, — повторил я. — Заплатим раз, и с нас потом не слезут.

— И что ты предлагаешь? — спросил Санёк. — Они крупнее нас и сильнее.

— Может, всё-таки воспитателю рассказать? — предложил Мишка и, судя по подаче, уже не в первый раз.

— Ты совсем дурак? — Санёк повернулся к нему. — Хочешь, чтобы нас всем интернатом чмырили? Стукачей нигде не любят.

— Факт, — подтвердил я слова приятеля.

— Дашка заходила, — резко сменил тему Косой. — Сказала, что во время драки камеры в сельхозсекторе кто-то отключил.

— А воспитатели что? — поинтересовался я.

— Да пока ничего, — пожал плечами Санёк. — Думаю, до утра нас никто не тронет.

— Ясно, — выдохнул я и уставился в потолок.

— Так что делать-то будем? — повторил вопрос Саня.

— Ничего, — ответил я. — Второй раз они нас так бить не станут.

— С чего взял? — потребовал объяснений Мишка.

— Им не инвалиды нужны, а деньги. Это было показательное выступление, чтобы загнать нас в страх. При следующей встрече они обойдутся парой оплеух и угрозами. Возможно, увеличат сумму дани, чтобы мы поспешили.

— М-да, — вздохнул Санёк. — Перспективы так себе.

— Нам нужно дать отпор, — продолжил я.

— Ты в своём уме? — тут же возмутился Косой. — Кому? Им?! Тебе что, окончательно мозги отбили? Или мало досталось?! Ты их вообще видел?!

— А у них что, кровь не идёт?! — Я попытался улыбнуться, но, судя по реакции друзей, вышло не очень.

— Может, и идёт, — поёжился Мишка. — Но как и чем её им пустить?

— Придумаем, — пообещал я, хотя сам понимал, насколько это бредовая затея.

Старшие были гораздо сильнее нас. В системе они живут дольше, а значит, и опыта в подобных делах им не занимать. Они на своей территории, их боятся, а ещё за ними явно стоит кто-то из взрослых. А иначе как объяснить отключение камер в момент драки? Однако жаловаться нельзя. Здесь Санёк прав на все сто. Как только мы откроем рот и сдадим наших обидчиков, тут же превратимся в изгоев до конца дней. Проблему придётся решать без участия взрослых. Но как?

Для начала нам нужна информация. Ведь мы даже близко не в курсе, с кем связались. Что из себя представляют старшаки? А ведь наверняка у них есть слабое место, оно имеется у каждого. Туда и следует бить. Ровно так, как я сделал с Вениамином, когда порвал ему печень. Но с этими так не выйдет, потому что физически мы все трое вместе взятые проигрываем. К тому же их пятеро, а это дополнительное численное преимущество. Нет, эту задачу можно решить только хитростью. Или оружием.

Ночь прошла относительно спокойно. Никто к нам не заходил, вопросами не доставал, но это не значило, что о нас забыли. Выспаться толком не удалось. Любое неосторожное движение вызывало острые приступы боли, и по палате то и дело разносились сдавленные стоны, которые тоже не способствовали спокойному сну. Однако усталость брала своё, и даже постоянно выныривая из царства Морфея, я практически моментально проваливался обратно.

И всё же утром я почувствовал себя гораздо лучше. Отёки заметно спали, боль сделалась глухой, ноющей даже во время движения. Сказывались медикаменты, которыми нас накачали в медицинских капсулах. Один вызывал ускоренную регенерацию. Правда, имел неприятный побочный эффект: жрать хотелось так, что желудок натурально выл от голода. Он-то и стал причиной моего раннего пробуждения. Впрочем, с этим я ничего поделать не мог.

Прошло не меньше часа, прежде чем дверь в палату отошла в сторону, пропуская внутрь строгую Василису Ивановну.

— Ну что, бандиты, как себя чувствуем? — спросила она и, не дожидаясь ответа, принялась за осмотр.

Первым под горячую руку попался Санёк, так как его койка располагалась ближе всех к двери. Он громко охнул, когда доктор ощупывала места побоев. Затем пришла очередь Мишки. Здесь без жалобных стонов тоже не обошлось. Я же, стиснув зубы, молча стерпел все манипуляции.

— Ну и? — Скрестив руки на груди, она обвела нас строгим взглядом. — Рассказывайте, как вас угораздило.

— Я упал, — тут же выдал максимально нелепую версию Санёк.

— Под садящийся шатгл? — с кривой ухмылкой переспросила Василиса Ивановна.

— Ну почему сразу... — смутился приятель. Его глаза забегали в поисках подмоги, но мы с Мишкой угрюмо молчали, глядя в пол. — Просто упал.

— Ясно. — Доктор сместила взгляд в мою сторону. — Ты тоже упал?

— Угу, — буркнул я. — С лестницы.

— Значит так, молодые люди. — Она сменила позу, уперев руки в бока. — Оставьте эти сказки для своих малолетних подружек. Я хочу знать правду.

— Но это правда! — оживился Санёк, видимо, всё же придумав креативное объяснение произошедшего. — Мы весь день в какашках ковырялись, а они скользкие. Вот на лестнице и навернулись. Я первым упал и всех остальных за собой потянул.

— Вы что думаете, я побои от следов падения не отличу? — Она перевела взгляд на Саньку.

На некоторое время палата погрузилась в тишину. Василиса Ивановна поочерёдно смотрела на каждого, ожидая чистосердечного признания. Но мы упрямо молчали.

— Ладно, как хотите, — вздохнула она. — Но потом не обижайтесь, если поселитесь в травмпункте на постоянной основе. И не говорите, что вам не предлагали помощь.

Некоторое время она так и стояла, ожидая откровений, но, не дождавшись, оставила нас одних.

— Вроде пронесло, — улыбнулся Мишка и тут же сменил тему: — Жрать охота.

— Да я бы сейчас того страуса с удовольствием слопал! — Санёк похлопал себя по плоскому животу.

— Я бы и от белковой жижи не отказался, — поддержал я.

Наш разговор прервал настойчивый сигнал общего подъема. Коридоры быстро наполнялись шумом привычной, повседневной суеты. Захлопали двери, зашумела вода по стоякам, раздался торопливый топот ног, окрики дежурных воспитателей. Но самым страшным оказались запахи, которые доносились до нас из решётки вентиляции.

— Кажись, завтрак. — Санёк повёл носом и спустил ноги на пол.

— Ты куда? — уставился на приятеля Мишка.

— В столовку, — ответил тот.

— Думаешь, нас отсюда выпустят? — не унимался Косой.

— А мы что, в тюрьме? Про постельный режим речи не было, так?

Ответить никто не успел. Дверь в очередной раз отошла в сторону, и на пороге появилась крупная женщина с трёхэтажной каталкой.

— Так, это куда мы собрались?! — поинтересовалась она без всякого ожидания ответа. — А ну-ка быстро в койку! Больные они... Марш по местам, пока я добрая!

— Боюсь представить, какая вы злая, — не смог удержать язык за зубами Саня.

— Лучше тебе и не знать. — Санитарка наградила его строгим взглядом.

Но в её глазах я заметил то, чего не видел здесь ни у кого другого. Кажется, она действительно за нас переживала, хоть и старалась не показывать, скрывая заботу за напускной строгостью.

— Что, со старшими закусились? — проявила смекалку она. — Хорошенько они вас отделили. Чего хоть не поделили-то?

— Да это мы с лестницы упали, — озвучил нашу версию произошедшего Мишка.

— Хороша лестница, — хмыкнула женщина. — А её, случайно, не Джонсоном звали?

— Она не представилась, — поддержал шутку Санёк.

— Ох, ребята, не связывались бы вы с этим бандитом... — запричитала она.

Не отвлекаясь на беседу, санитарка ловко орудовала черпаком, накладывая кашу по пластиковым мискам. Рядом, на прикроватной тумбочке, появилась огромная кружка с компотом, два куса хлеба и какая-то румяная штука, от запаха которой у меня скрутило все внутренности, так хотелось вцепиться в неё зубами. И я, повинувшись инстинктам, потянул к ней руки.

— Куда?! Кашу вначале! — хлопнув меня по ладони, рявкнула она.

— Да я только попробовать хотел, — оправдался я.

— Что её попробовать? Плюшка — она и на луне плюшка. Жри давай!

Дважды просить меня не требовалось. Каша полетела в топку с завидной скоростью. Не прошло и двух минут, как миска опустела, а голод немного отступил. Всё это время санитарка

смотрела на нас с нескрываемой жалостью. А когда посуда показала дно, даже предложила добавки, от которой мы, естественно, не стали отказываться.

— Так вы его знаете? — покончив с кашей, перешёл к вопросам я.

— Кого? — Санитарка удивлённо уставилась на меня.

— Ну, Джонсона этого? — уточнил я.

— Ах, этого... — зачем-то повторила она и безапелляционно заявила: — Бандит он! Очень плохой человек, не по возрасту жестокий. От него весь интернат стонет, а управы на него нет.

— Почему?

— Что почему?

— Управы на него нет почему?

— Дак это же из-за отца его, — заявила она таким тоном, словно я должен был об этом знать. — Он ведь у него директор по персоналу в системе образования. Местная власть, так сказать. А этот чувствует свою безнаказанность и творит что ему в голову стукнет. Так за что он вас отлупил?

— Мы с лестницы упали, — ответил я.

— Ну и дураки, — буркнула санитарка и принялась собирать посуду.

Вскоре мы снова остались одни, но на этот раз — с сытыми животами.

— Ох, твою же галактику, — застонал Санёк. — Я сейчас лопну.

— А не фиг было жрать как не в себя, — заметил Косой, хотя сам тоже с трудом смог устроиться на кровати.

— Нужно выяснить про этого Джонсона как можно больше, — произнёс я в навалившейся тишине.

— Зачем тебе это? — спросил Саня.

— Врага нужно знать, — туманно ответил я. — Нащупаем его слабое место и ударим в него.

— Он будет мстить, — резонно заметил Мишка.

— Значит, ударим так, чтобы напрочь отбить всё желание связываться с нами.

— И когда ты собираешься это делать? — снова подал голос Санёк. — Ты ведь помнишь, что сегодня мы должны принести ему сто пятьдесят корп-койнов?

— Помню, — кивнул я. — А ещё я сказал, что платить мы никому не будем. Посмотрим, к чему это нас приведёт. Вы со мной?

— К очередным побоям, — добавил приятель и откинулся на подушку. — Ну хоть одно здесь хорошо: уроки учить не нужно и кормят как на убой. Так что я согласен потерпеть.

— Можно подумать, у меня есть какой-то выбор, — пробормотал Мишка.

— У кого-нибудь есть связь с Дашкой? — поинтересовался я.

— Хочешь, чтобы и ей досталось? — Санёк подскочил на кровати, будто это не он только что едва смог на ней повернуться.

— Да успокойся ты, — отмахнулся я. — От неё всего-то и нужно, чтобы она выяснила что-нибудь об этом Джонсоне. Желательно всякие слухи и коридорные разговоры.

— Зачем они нам? — снова оживился Мишка.

— Затем, что эти коридоры знают о нём гораздо больше, чем любые кабинеты.

— Откуда ты всё это знаешь?

— А ты много взрослым рассказывал?

— Да почти ничего.

— Думаешь, здесь принято делать иначе?

— Да ничего я не думаю. — Мишка уставился в потолок. — Страшно мне.

— Всем страшно, — поддержал его Саня. — Но Костян прав: если мы не дадим ему отпор, он нас в грязь втопчет. А взрослым рассказывать нельзя. Да и бесполезно...

— Что нам рассказывать нельзя?! — громогласным голосом спросил Семён Николаевич, который будто специально появился в дверях на этой фразе.

— Ничего, — испугано буркнул Санёк. — Это мы так, о своём.

— О своём, значит. — Семён Николаевич зашевелил губами, словно пробуя эти слова на вкус. — Я понимаю. Вам страшно. Вам кажется, что если вы расскажете, станет только хуже. Что обидчики вернуться и накажут за длинный язык. Что воспитатели разведут руками и ничего не сделают. Что система работает против вас. И знаете что? — Он обвёл нас взглядом. — Так и есть. В большинстве случаев именно так всё и происходит. Система работает против вас. Обидчики возвращаются. Воспитатели разводят руками. Я не буду вам врать и обещать, что всё решится само собой. Не решится.

Воспитатель прошёлся по палате и, замерев у окна, не оборачиваясь, продолжил:

— Но есть одна вещь, которую вы должны знать. То, что вы сейчас делаете — молчите, прячетесь, надеетесь как-нибудь проскочить — это не смелость. Это не гордость. Это даже не выживание. Это просто страх. Вы боитесь, и это нормально, вы живые люди. Но пока вы боитесь молча — вы удобны. Понимаете? Вы удобны тем, кто вас бьёт. Вы удобны и тем, кто закрывает на это глаза. Вы удобны мне, потому что я могу сделать вид, будто ничего не знаю, и мне не придётся писать рапорты и краснеть перед начальством. Но вопреки всему этому, я хочу вам помочь. И для этого вы должны рассказать о том, что с вами случилось.

— Мы упали с лестницы, — выдавил я.

— Ясно. — Он вздохнул. — Что ж... Дело хозяйское.

Семён Николаевич ещё некоторое время рассматривал нас, ожидая, что кто-нибудь сломаётся под его строгим взглядом. Но этого не произошло. А потому он развернулся на пятках и покинул палату. Мы выдержали очередной допрос, и я сомневаюсь, что он был последним. Не удивлюсь, если вскоре нас начнут вызывать по одному и будут пытаться сломать или подкупить.

— Дашка ответила, — подал голос Санёк. — Спрашивает: как мы себя чувствуем?

— Напиши, что у нас всё хорошо. И попроси собрать сплетни про этого Джонсона. И про его отца заодно.

— Уже. Про папашу сейчас добавлю.

— Отлично, — кивнул я. — А мы пока сидим как мыши и никуда не высовываемся. Чем дольше здесь проторчим, тем больше времени дадим Дашке на сбор информации. Изображаем больных. Нам нужно продержаться как минимум пару дней. Я что-нибудь обязательно придумаю.

— Эх, — вздохнул Мишка. — А я бы сейчас с удовольствием ещё одну плюшку втрепал. Никогда в жизни не ел ничего вкуснее.

— Заткнись, — простонал Санёк. — Давай о чём угодно, только не про еду.

Глава 5

Глава 5.

Интерлюдия

Он сидел в кабинете и всматривался в строки отчёта. Всё вышло даже лучше, чем он предполагал. Его избранные умудрились влипнуть в проблемы в первый же день. Да ещё в какие?! Попасть на крючок к самому отъявленному мерзавцу «Зверинца», за которым, к тому же, стоит неслабая крыша.

Человек, на чей визор пришёл доклад, был способен решить эти проблемы одним звонком, но его интересовало совсем другое. Эти щенки должны выпутаться самостоятельно. Только так они попадут в список избранных.

Исаев смахнул отчёт и открыл файл записи со скрытых камер, которые, вопреки законам, были установлены даже в туалетах интерната. Естественно, в целях безопасности.

Просмотрев кусок записи, он отмотал её к месту, где один из воспитанников нанёс короткий удар в печень другому. Поставил видео на паузу и не спеша прокрутил его ещё раз, рассматривая момент выпада с разных ракурсов. Улыбка сама наполнила его лицо. Было приятно осознавать, что он не ошибся и довольно точно определил: из этих детишек выйдет толк.

— Михеев, зайди! — бросил он.

Дверь распахнулась в ту же секунду, словно подчинённый только и ждал, когда начальство его пригласит.

— Вызывали, тащ полковник? — Он взял под козырёк.

— Вызывал, вызывал, — вальяжно кивнул Исаев. — На-ка, посмотри.

Он махнул рукой, и видеофайл улетел на визор майора. Тот присел на стул, что расположился у длинного стола для переговоров, и уткнулся взглядом в одну точку. Затем принялся махать руками, отдавая команды визору. Полковник знал, что Михеев сейчас, точно так же, как и он сам минуту назад, рассматривает точный удар пацана со всех возможных сторон.

— Очень неплохо, — констатировал майор. — Кто это?

— Твои будущие ученики, — с ухмылкой ответил полковник. — Нравятся?

— Сработано чисто и точно, но только за счёт эффекта неожиданности. Будь этот лось готов к удару, малец сейчас бы умывался кровавыми соплями.

— Может, и так, — не стал спрашивать Исаев. — Но мы имеем то, что имеем.

— А кто этот, второй, с косоглазием?

— Сейчас... — Взгляд полковника остановился. Он полез в визор, чтобы свериться с информацией из досье. — Михаил Литвинов.

— Косоглазие врождённое или получено вследствие какой-то травмы?

— Врождённое.

— Очень хорошо. Из него можно воспитать отличного пилота или оператора дронов. Сейчас подобный изъян большая редкость, но у него огромные перспективы.

— Плевать мне на него. Меня интересует другой, Константин. Что скажешь о нём?

— Тихий, не отвечивал до самого конца. На него даже внимания не обращали, хотя первым на крючок угодил именно он. Сырой, конечно, но перспективный. Хотите взять его в проект?

— Именно.

— Он будет отставать от основной группы.

— Тем лучше, — усмехнулся Исаев. — Ладно, свободен.

— Есть. — Майор поднялся и шагнул к двери.

Как только она за ним закрылась, полковник снова вернулся к изучению дела Горячева. Но теперь он рассматривал не удар, а лицо, с которым пацан отправлял в травматологию оппонента. Спокойный взгляд, в котором не просматривалось ни капли страха или сожаления даже после того, как противник испачкал штаны и едва не отдал богу душу. Даже сейчас, лёжа на больничной койке, он рассуждал здраво и хладнокровно.

Исаев впервые за долгие годы почувствовал жадность до информации. У него натурально чесались руки, так хотелось подтолкнуть события, чтобы посмотреть, что получится из этого парня. Но нельзя. Всё должно идти своим чередом. Только так можно добиться максимального результата.

— Но каков, а? — не удержался полковник. — Зверёныш...

Глава 6

Глава 6.

Рутина будней

Из медкорпуса нас выпустили через два дня. Ни Джонсон, ни его прихвостни у нас так и не появились. Впрочем, глупо было ожидать иного. Сунься они к нам с угрозами, это обязательно кто-то заметит.

Пару раз появлялась Дашка, но тоже ненадолго. Уроки, а затем факультатив, отнимали у неё всё свободное время, и забегать к нам ей удавалось под самый конец часов посещения. В первый раз она долго охала, рассматривая наши разбитые морды, но мне всё же удалось вытянуть из неё нужную информацию.

Джонсон. На самом деле его звали Евгений, но это имя ему почему-то не нравилось, и он придумал себе кличку. Наверняка она казалась ему крутой. Хотя, судя по характеристике, он вообще сам себе казался невероятно крутым. Да, Дашка не была бы собой, если бы не попыталась систематизировать полученную информацию. Вместо того, чтобы пересказать нам то, что ей удалось выяснить в коридорах интерната, она собрала сухую выдержку из фактов, которую и скинула на мой визор, как только явилась нас проведать.

Выглядела она примерно так: Евгений Агапов, он же Джонсон. Характер скверный, склочный, вспыльчивый. Склонен к жестокости, мстителен. Авторитет держится за счёт отца, который занимает высокую должность в корпорации. Любит деньги и унижать слабых, за счёт чего тешит самолюбие. В интернате его боятся, а общественное положение даёт ему статус неприкасаемого. Встречается со старшеклассницей по имени Карина. Занимается смешанными единоборствами, является чемпионом планетарной юниор-лиги.

Всё это мы и так уже знали, кроме пары деталей. Я несколько раз перечитал этот доклад и... В общем, ничего хорошего он нам не дал. Как я ни пытался отыскать в нём слабое место противника, его там попросту не было. По крайней мере в том виде, в котором я хотел. Для нас всё это было бесполезным.

Но жизнь шла своим чередом. От работы на скотном дворе нас временно отстранили по состоянию здоровья, но занятий в школе это не касалось. Мы исправно ходили на уроки, в том числе и на историю, которую я очень полюбил. И не из-за учительницы, от которой большинство не могло отвести взгляда. Мне действительно нравился этот предмет. Особенно факты о различных сражениях.

Так, во время одного из уроков я и зацепился за странную идею. Нам рассказывали о Золотой орде, их тактике боя. Когда монгольские воины встречались с более сильным противником, например, тяжёлой рыцарской конницей, они изображали бегство, имитировали панику и разгром. Но именно в этом крылась ловушка.

Уверенные в своей победе, тяжёлые конные войска срывались в погоню и ломали строй. А именно в нём была их основная сила. Монголы уводили конников в болотистые низины или засады лучников, где бронированные неповоротливые отряды и терпели поражение. В общем, суть была в том, что воины Золотой орды обращали сильные стороны противника в слабость. И это заставило меня в очередной раз перечитать всё то, что я имел на Джонсона.

Идея постепенно зарождалась, но пока она пребывала в состоянии крохотного зёрнышка. Много чего не доставало для её окончательного формирования. У меня не было воинов Золотой орды, как и любого другого оружия. Физически я был слабее и прямого столкновения не выдержал бы, даже если бы мне удалось заманить врага на свою территорию. И в этой части плана тоже зияла огромная дыра, так как Джонсон, знал интернат гораздо лучше меня.

Первая наша встреча состоялась на третий день после выписки из медкорпуса. Сам Джонсон не пошёл на контакт, но наблюдал за происходящим со стороны. Он послал к нам одного из своих прихвостней. Крепкий парень с кудрявой копной волос, похожей на стог сена из хозяйственного уголка. Как я понял, вся его кодла состояла из ребят, которые занимались единоборствами в одной секции. И этот не был исключением. А значит о том, чтобы ему противостоять, не могло быть и речи.

Здоровяк зажал нас в углу, на большой перемене, прямо у входа в столовую.

— Эй, камнееды! — окликнул он нас. — Куда спешим?

— Так на обед, — испуганно отозвался Санёк.

— Обед надо заслужить, — ощерился тот. — А вы всё ещё должны Джонсону, и долг ваш растёт. Каждый день просрочки к нему прилипает по десять корочек. Итого вы торчите уже две сотни.

— Да где мы вам возьмём такие деньжищи?! — возмутился Мишка и тут же сложился пополам от короткого удара под дых.

— Заткнись, тоннельная крыса, — прошипел громила.

— Эй, хорош, — вмешался в ситуацию я. — Мы всё поняли. У нас есть идея, как и где можно заработать. Джонсон будет доволен, но нам нужно время.

— Двести корок до конца дня, или я лично отправлю твоего друга обратно на больничную койку. А если и этого будет мало, начну ломать вас на каждом полтиннике.

— Не пойдёт, — покачал головой я. — Нам нужно три дня.

— Я не понял, — угрожающе сощурил глаза он. — Ты что сейчас со мной торгуешься?

— И в мыслях не было. — Я примирительно выставил ладони перед собой. — Я признаю вашу силу, но нам требуется время, чтобы повернуть дело. И для этого мне нужен он. — Я указал пальцем на Мишку. — Мы собираемся выставить лазарет. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я? И какие препараты мы собираемся унести?

— Хм-м, — ухмыльнулся здоровяк. — Мне нравится. Джонсон действительно будет доволен. Молодец! — Он панибратски похлопал меня ладонью по щеке. — У вас три дня. Всё что заберёте, принесёте к нам, а мы решим, достаточно ли этого, чтобы списать ваш долг. Свободны. Сдригнули отсюда, я сказал.

Мы поспешили ретироваться.

Я ещё какое-то время косился на компанию Джонсона, к которой вальяжной походочкой и направился кучерявый бычок. Мишка потирал ушибленное место, хотя я уверен, что удар был не такой уж и сильный. Больше так, для острастки, чтобы не расслаблялись.

Компания интернатских рэкетиров некоторое время совещалась, а затем я поймал на себе внимательный взгляд Джонсона. И когда наши взгляды встретились, на его рожу напоззла кривая, самодовольная ухмылка.

Я же поспешил отвести глаза. Не потому, что испугался, а в продолжение игры. Мне нужно было показать ему покорность, что я сломлен и готов пойти на преступление, лишь бы от меня отстали.

Сработало. Джонсон похлопал здоровяка по спине, всем своим видом излучая уверенность в себе и полный контроль над ситуацией. Эдакий мелкий босс среди стаи шакалов.

— На хрена ты ему это сказал? — набросился на меня Санёк, едва мы остались одни. — Нам теперь придётся...

— Я выиграл нам время, — перебил приятеля я. — Это тактическое отступление.

— Чего? — Мишка наморщил лоб. — Ты как наша заучка заговорил.

— Всё нормально, никуда мы не полезем. Нам нужно вернуться на работу в зверинец.

— В смысле? — опешил от такого поворота Санёк.

Мишка тоже остановился, уставившись на меня непонимающим взглядом.

— Есть у меня одна идея. — Я подмигнул друзьям. — Но для её реализации нам нужно вернуться на работы. Помните то чудовище, которое называется страус?

— Ну, — кивнул Саня. — И что с ним?

— Пока ничего, — усмехнулся я. — Ладно, вечером всё расскажу. Давайте уже обедать, а то у меня живот от голода крутит.

— Это всё от тех уколов, — мгновенно переключился на новую тему Мишка. — Ускоренная регенерация требует топлива.

— Ты сейчас сам как Дашка заговорил, — вернул приятелю шпильку я и подхватил поднос.

Обед прошёл спокойно, как и остаток дня. А после уроков я направился к Семёну Николаевичу и напросился на работы в сельскохозяйственный сектор. Он, конечно, был сильно удивлён моей просьбе, но спорить не стал.

Впрочем, как мне показалось, я смог сгладить ситуацию, которая попросту не укладывалась в привычную логику. Дети готовы идти на что угодно, лишь бы откосить от грязной работы, в то время как мы почему-то сами на неё напросились. Но я преподнёс просьбу под соусом, что нам всё равно придётся отрабатывать штрафные часы. И чем раньше мы начнём, тем быстрее они закончатся.

Этот аргумент убрал морщины задумчивости со лба воспитателя. А я получил три пропуска в хозяйственную часть интерната.

Весь оставшийся день мы исправно вычерпывали дерьмо из выгребной ямы и свозили его на грядки в сады. И лишь к концу смены, когда к нам явилась Дашка, я приступил к первой части реализации плана. И страус должен был сыграть в нём главную роль.

Его клетка находилась в самом дальнем углу птичьего сектора. Запиралась элементарно, на обычный магнитный замок. Сломать его труда не составит, а вот устроить диверсию магистрали, по которой чудовищу поступает корм, задача посложнее. Именно здесь и требовался острый ум нашей подруги. Притом сделать это требовалось таким образом, чтобы сигнал о поломке не поступил на главный пульт. Пернатый монстр нужен был мне именно голодным, в крайне раздражительном состоянии.

— Я не понимаю, как ты собираешься это сделать? — спросила Дашка, рассматривая пневматическую магистраль. — Устроить засор не получится. Стенки отполированы до блеска, и малейшее давление выбьет любую пробку. Да и в клетку заходить — такое себе удовольствие.

— Поэтому я тебя и позвал.

— Но я не инженер. — Она развела руками.

— Я знаю, — согласился я, стараясь не давить на подругу. — Ты просто посмотри, как здесь всё устроено. Возможно, ты увидишь что-то, чего не видим мы. Помнишь, как ты помогла отремонтировать вагонетку у нас в шахте.

— Кость, не путай, пожалуйста, это другое. С теми вагонетками мы выросли и знаем в них каждый винтик. А эта система мне совершенно незнакома. Хотя...

Я притих, чтобы не спугнуть ход мыслей подруги. Она некоторое время ходила вокруг клетки, рассматривая автоматику системы подачи корма, и в какой-то момент её лицо просияло.

— Смотри, — указала пальцем она. — Сейчас лоток страуса полон, и система молчит.

— Та-ак, — протянул я, стараясь уловить суть.

— Ну что — так? — покосилась на меня Дашка. — Какие же вы, мальчишки, невнимательные. Там наверняка стоит датчик.

— Его нужно разбить, — тут же подхватил идею Санёк.

— Голову себе разбей, — усмехнулась подруга. — Не нужно ничего ломать. Если датчик испортить, то на пульт поступит сигнал о неисправности. Всё намного проще. Уверена, что там

установлен самый обычный оптический сенсор, который замыкает цепь, как только в корме появляется просвет.

— Ребят, вы хоть слово поняли из того, что она сейчас сказала? — пробормотал Мишка.
— Можно как-то без твоих этих заумных словечек?

— Можно, — кивнула она. — Для тех, кто родился сразу в каске, объясняю: датчик нужно чем-то заклеить, чтобы в него не попадал свет. Тогда система будет думать, что в лотке страуса полно еды.

— И всё? — Санёк с недоверием уставился на Дашку. — Вот так просто?

— Вот так просто, — подтвердила она. — Только для этого кто-то должен войти в клетку.

— Я не полезу, — мгновенно включил заднюю Санёк. — Он же меня сожрёт.

— Не сожрёт, — покачал головой я. — Во-первых, он не хищник, а во-вторых, только что поел.

— Ребят, а что вы вообще задумали? Зачем вам это?

— Лично я понятия не имею, — пожал плечами Косой. — Все вопросы к Костяну.

— Отсканируй ку-ар код. — Я указал на квадратик, и Дашка послушно его считала.

— Ну? — нетерпеливо спросила она. — Страус, живёт на открытых территориях, место обитания Австралия, бла, бла, бла... Зачем мне всё это?

— Смотри не на общую информацию, а на предупреждения.

— Так... ага... поняла, — забормотала она. — Голодная птица становится очень раздражительной и опасной... Я всё равно не понимаю, зачем это нужно вам?

— Ты ведь в курсе наших проблем с Джонсоном? — задал я наводящий вопрос. — Этот страус поможет нам их решить.

— Костя, ты ведь понимаешь, что он может погибнуть?

— Кто, страус? — переспросил Мишка.

— Да причём здесь... Мальчик... Этот Джонсон может погибнуть.

— А у нас есть другие варианты? — Я посмотрел подруге прямо в глаза. — Пойми, он не остановится. Сегодня в обед один из его мордворотов уже пообещал отправить Мишку обратно на больничную койку. И если мы не принесём ему деньги, то следующим будет Санёк. Не исключено, что они и до тебя доберутся, когда узнают, что мы общаемся.

— Так, может быть, проще принести?

— Двести корпов?! — возмутился Санёк. — Интересно, где мы столько возьмём?

— Можно рассказать воспитателям. — Дашка продолжила перебирать самые простые варианты.

— И получить клеймо крыс? — оспорил решение Мишка.

— Ну и убивать человека — тоже не выход! — вскрикнула она.

— Да тихо ты, дура! — зашипел на подругу Санёк. — Ты ещё всему интернату расскажи, что мы задумали.

— Нет, — покачала головой она, — меня в это дело не впутывайте. Я на такое не подписывалась.

— Поздно, — сухо отрезал я. — Ты уже подсказала нам, как обойти систему.

— Не делай этого! — Она уставилась мне в глаза. — Замолчи. Лучше не продолжай. Иначе нашей дружбе конец.

— Даш, нам нужна твоя помощь. — Я взял подругу за руку, усиливая слова тактильным контактом. — Только ты сможешь замести следы. Нам больше не к кому обратиться. После того, как мы всё сделаем, кто-то должен удалить всё с наших визоров.

— А ещё здесь камеры, — кивнул в угол Санёк. — Их тоже нужно как-то обезвредить.

— Всё это очень плохо кончится, — вздохнула Дашка.

— Если сделать правильно, ничего не будет, — заверил подругу я. — И без тебя нам никак. Если откажешься, я пойму, но ты тогда... Навещай нас хоть иногда в травмпункте, ладно?

— Какой же ты...

— Кто? — тут же проявил любопытство Санёк.

— Манипулятор, — выдохнула подруга. — Это, кстати, черта характера психопатов.

— Костя у нас тот ещё псих, ага, — ощерился Мишка.

— Не псих, дурак, а психопат. Это совсем другое. Ой, ладно, ты всё равно не поймёшь.

— Ладно, уходим отсюда. Скоро ужин, не хочу его пропустить. Даш, завтра нужно решение, как удалить информацию с визора и как обезвредить камеры слежения. Сможешь?

— Смогу. — Она хитро прищурилась. — Девочки с факультатива уже показали пару приёмов. Они ими пользуются, чтобы незаметно бегать на свидания.

— Фу, какая гадость. — Мишка скорчил рожу.

— Дурак. — Дашка толкнула приятеля в плечо. — Много ты понимаешь...

Так, под взаимные подколы и шутки, мы добрались до главного корпуса. Дашка отправилась в свой, а мы побрели к себе. Прежде чем направиться в столовую, требовалось принять душ, чтобы не вызывать рвотные рефлексы у окружающих вёдливим ароматом коровьего дерьма. От нас и без того шарахаются, как от прокажённых.

Грязная одежда полетела вниз. Едва первая тряпка коснулась пола, как из стены выехал дрон и принялся собирать шмотки, чтобы отправить их в стирку. А когда мы выйдем из душевой, нас уже будет ожидать чистый, запаянный в плёнку новый комплект. Об этом тоже позаботится автоматика.

В первое время я во все глаза наблюдал за технологиями большого мира. Наше поселение было их лишено. Нет, когда-то давно, в самом начале существования нашей колонии, мы обладали подобными чудесами. Но со временем, когда палладиевые жилы оскудели, а людей закончились деньги на подписку, всё это превратилось в бесполезный хлам. А на наше детство даже замерших ботов не осталось. Всё разобрали и растащили, а более-менее ценное — продали, чтобы хоть как-то выжить в тех условиях, которые нам остались. А теперь и колонии больше нет. Врата заблокировали, а планета снова превратилась в безжизненный камень, вращающийся в бескрайней чёрной пустоте.

Нет, я рад, что всё так получилось. Мне нравилось жить здесь, в этом светлом, солнечном мире. А из-за более низкой гравитации многие вещи давались мне гораздо легче, чем остальным. Как, например, на физкультуре, когда нужно было отталкивать тело от пола насчёт. До сих пор помню вытянутое лицо учителя (к слову, обычного человека, а не проекции ИИ). Он ещё кричал, что я установил новый рекорд школы, когда вытолкнул тело семьдесят шесть раз. И я мог бы ещё, но мне надоело.

Мне нравилась еда в нашей столовой. Да, большая её часть рождалась в принтерах и была синтетической. Но всё равно она гораздо вкуснее той белковой жижи, что нам давали в шахтёрском городке на завтрак, обед и ужин. А в первый день от многообразия блюд на «шведском столе» у меня голова закружилась. Хотелось попробовать всё и сразу. Да что там говорить, я и половины названий тех блюд, что нам давали, не знал. Они даже на вид были мне не знакомы.

Впрочем, и сейчас, на шестой день, я всё ещё не мог привыкнуть ко всему этому. А как говорят, здесь, в интернате, все далеко не самое лучшее. Скорее, наоборот: устаревшие системы, практически приговорённые к списанию.

Душ — отдельное удовольствие. Будь моя воля, я бы приходил сюда два, а то и три раза в день. Когда вырасту и войду во взрослую жизнь, первым делом куплю себе такой. И буду в нём мыться, пока не надоест...

Утро началось как обычно. Подъём, переключка, затем туалет и мыльно-рыльные процедуры. После завтрака мы отправились в школу. К сожалению, сегодня урока истории не было, вместо него стояла ненавистная всем физика. Из всех нас этот предмет нравился только Дашке. Впрочем, она поглощала любые знания, словно сухая губка — живительную влагу. Дай ей волю, она из-за парты вылезать не будет.

Постепенно мы втягивались в процесс выстроенной системы. У нас даже начало появляться свободное время, хотя бóльшую его часть всё ещё пожирали отработки в сельскохозяйственном секторе. Но сегодня я ждал этого часа с нетерпением. Вчера вечером нам удалось умыкнуть липкую ленту у завхоза. А значит, сегодня кому-то из нас предстояло войти в клетку к страусу. Мы пока не решили, кто это будет. Пусть разбирается случай. Три соломинки — самый честный способ определить смельчака.

Обед тоже прошёл спокойно. Компания Джонсона даже не удостоила нас косого взгляда. Все пятеро усердно делали вид, будто нас не существует. Однако спокойная жизнь казалась им слишком скучной, и они издевались над каким-то толстяком. Шпыняли его, отбирали еду, а по окончании шоу вылили ему на голову чашку супа. Под дружный хохот и одобрительные аплодисменты герои обеденного часа удалились в угол, где наконец-то утомонились.

Самое интересное, что воспитатели всё это видели и даже не подумали вмешаться. Напротив, они всячески отворачивались, делая вид, что ничего страшного не происходит. И какой смысл им жаловаться? Нет, это точно не наш вариант.

В два часа дня, когда уроки наконец закончились, мы отправились на работу. И снова, не привлекая к себе лишнего внимания, честно ковырялись в выгребной яме. А я только диву давался: откуда в ней снова взялось столько дерьма? Ведь вчера мы вычистили её практически до самого дна! А сегодня она почти заполнена.

— Они его обратно с поля, что ли, сюда перекачивают? — возмутился Мишка, размазывая брызги навоза по лицу. — Откуда в этих тварях столько какашек?

— Всё, время, — оборвал работу я. — Дуюм на птичью ферму, сейчас туда Дашка подойдёт. У нас полчаса на всю подготовку.

— Да там делов-то, — беззаботно отмахнулся Санёк. — Подойти да заклеить.

— Так, может, ты тогда и полезешь? Без всякого жребия? — Мишка ухватился за возможность откосить.

— А чё я-то сразу? — возмутился Санёк.

— Тогда иди, и не умничай. — Косой пихнул его в спину.

— Да тихо вы, оба, — шикнул на приятелей я. — Это вам не шутки. Я сам в клетку войду. Вы, главное, за обстановкой следите.

— Да ладно тебе. Схожу я, мне несложно, — тут же пошёл на попятную Саня. — Это у нас Мифон страусов боится.

— Можно подумать, ты у нас до фига смелый, — Мишка. — Если надо, я схожу. Просто ну...

— Штаны намокли, ха-ха-ха, — подхватил Санёк.

— Ничего не намокли, — попытался оправдаться Косой.

— Я сказал, что сам сделаю, — прервал бесполезный трёп я, — Всё, базар убейте. Мы и так с вами здесь засветились как эти.

Дашка уже ожидала нас у клетки. Огромная железная конструкция метров пятьдесят по каждой стороне. И всё это для одинокой гигантской птицы, которая любит просторы.

— Ну где вы, блин, ходите?! — зашипела на нас Дашка, едва мы появились у вольера.

— Нужно было с навозом закончить, — ответил я. — Чтобы к нам вопросов не возникло. Мы и так пахали без перерывов, чтобы время выиграть.

— Ну и запах, конечно, от вас.

— Иди, обниму! — Мишка растопырил руки и шагнул к подруге.

— Фу, отвали, дурак! — Она сморщилась и отскочила.

— Так, успокоились все! — приструнил я шумную компанию. — Вы двое, дуйте на стрём. Кого увидите — свистите. Даш, что у тебя? Сможешь камеры погасить?

— Ненадолго. — Она покачала головой. — Есть программа, она на пять минут видео заикликает. Больше нельзя, система может заметить. И тогда мне от подруг попадёт. Они не один год этот бекдор сохраняют.

— Кого? — Мишка снова выпучил глаза, услышав незнакомое слово.

— Так, тебе где велено быть? — Я нахмурил брови.

— Да всё, всё, ухажу! — Он выставил руки перед собой и попятился к дальнему углу.

— Ладно, должен успеть. — Я кивнул Дашке. — Отключай.

— Сейчас, — кивнула подруга, и её взгляд остановился. — Да где же ты, — забормотала она, размахивая руками. А вот он, сейчас, сейчас... Ещё секундочку... Давай.

Дашка даже отмашку дала, будто я стоял на стадионе в позе низкого старта. Магнитный замок я вскрыл без проблем. Пин-код здесь был одинаковым на всех клетках. В этом я успел убедиться, подсматривая за работниками сектора. Прощмыгнув внутрь, я с опаской покосился на гигантскую птицу и бочком двинулся вдоль прутьев, к кормушке. Страус, не будь дураком, тоже замер, провожая меня буквально одними глазами. Именно так они реагируют на опасность, когда сыты и не чувствуют угрозы для жизни. Просто какой-то человек решил пройти мимо, ну и пусть себе идёт. А я, мол, прикинусь ветошью, авось не заметят.

Но стоило мне подобраться к святой святых и запустить руку в корм, как страус пронзительно закричал и растопырил крылья. Пришлось поспешить, чтобы самому не стать жертвой этого чудовища. Я быстро откинул корм от бортов, чтобы найти этот самый датчик. И как только она оголился, из трубы, что нависала над кормушкой, вырвался поток воздуха. Система отреагировала и включила подачу. Но стоило мне прикрыть крохотный глазок ладонью, как всё вновь замерло. А у меня в голове что-то щёлкнуло, подобно тому реле в щитке автоматики.

Если мы заклеим глазок лентой, она же и выдаст нашу причастность к «несчастному случаю». Мы уже третий раз лезем на глаза, под камеры, у этой грёбаной клетки. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сложить два и два. Решение должно быть другим, больше похожим на правду.

Я пробежал глазами по полу и быстро нашёл то, что искал. Кучу, состоящую из эдаких коричневых кубиков. Дрон-уборщик ещё не успел её устранить, что мне как раз на руку. Заложив датчик пригоршней корма, я подбежал к куче дерьма, чем напугал пернатого монстра. Он снова что-то выкрикнул и отскочил от странного человека в дальний угол, где снова замер. Надеюсь, проголодавшись, он станет более агрессивным, иначе нам с парнями конец.

Вернувшись к кормушке, я налепил какашку на глазок оптики и отошёл в сторонку, осмотреть дело рук своих. Нет, слишком очевидно. Случайно такое произойти не могло. Плюнув на ладонь, я отключил в себе брезгливость и, отщипнув небольшой кусок помёта, принялся растирать его в пальцах до состояния жидкой массы. А когда добился нужной консистенции, отлепил плюшку с датчика и мазнул по нему густой смесью слюны и дерьма. Убедился, что всё сработало, и поспешил на выход.

Половина работы сделана. И что самое интересное, я не чувствовал волнения или переживаний по поводу. Наоборот, я был крайне сосредоточен. Мысли текли размеренно, чётко, и точно указывали мне на минусы операции. Уже подобравшись к выходу, я осознал, какую глупость только что совершил, оставив свою ДНК на месте преступления.

Успокаивало одно: в здравом уме никто не полезет ковыряться в дерьме в поисках гипотетической слюны. Техники скорее просто вытрут датчик ветошью и разведут руками.

Всё, время пошло. Надеюсь, двух суток будет достаточно, чтобы пернатый монстр накрутил себе нервы от голода.

— Готово, — кивнул я, прикрывая за собой дверь. — Нужно будет ещё раз сюда навестись, чтобы сломать замок.

— Господи, меня всю трясёт от страха, — зачем-то доложила Дашка. — А ты спокойный, как камень. Может, ты правда психопат?

— Может. — Я пожал плечами. — Всё, валим отсюда.

Глава 7

Глава 7.

Ход страусом

Следующий день прошёл без инцидентов. Всё в привычном графике: подъём, столовая, уроки, обед, снова школа. Мы старались подстроиться под привычный ритм и вести себя так же, обычно. Однако сказывалось то, что мы задумали. Первым нас едва не спалил Мишка, когда в обед проводил компанию Джонсона хищным взглядом. Я вовремя это заметил и ответил приятелю подзатыльник. Не сильный, чтобы не обиделся, но такой, чтобы встряхнуть его пустую башку.

Больше других меня беспокоила Дашка. Подруга замкнулась. На вопросы отвечала односложно или вообще игнорировала. А когда на уроке не смогла ответить на вопрос, заданный учителем, я понял: с этим пора что-то делать. Если она сломается, нам всем конец. То, что мы задумали, конкретно выходит за рамки нормального. Это уже не шалость и не шутка, а серьёзное преступление, за которое нас без лишних разговоров отправят прямоком на урановые рудники. И всем будет глубоко плевать, что мы дети.

Мозг в очередной раз пронзила мысль об оставленном на месте будущего преступления ДНК. Не оставляли в покое и другие переменные, способные повлиять на ход событий. Например, особо ретивые работники сельхозсектора. Да, в моём плане учитывался психологический фактор, такой как лень и привычка опираться на автоматизацию процесса. Но вдруг кто-нибудь решит проверить клетку со страусом? Заметят пустую кормушку и пришлют ремонтников. Опять же, никто не помешает им натаскать корма ведром.

Ну а с другой стороны, что я мог сделать за такой короткий срок? Не кирпич же Джонсону на голову бросать, в конце-то концов? Скорее бы уже завтра...

Однако подготовка была ещё не завершена. Нужно было ослабить магнитный замок и сделать это так, чтобы никто не заметил вмешательства. В общем и целом ничего сложного я в этом не видел. Всего-то и требовалось подложить что-нибудь между створкой и магнитным фиксатором. Вот только как всё рассчитать? Слишком толстая подложка может не зафиксировать дверь, а тонкая не даст ей открыться в нужный момент. И ведь снова придётся просить Дашку, чтобы она почистила визор и заиклила камеры. Да, пожалуй, пора с ней поговорить.

Я едва дождался, когда закончится урок, и выскочил в коридор за подругой. Она словно чувствовала, что я собираюсь её перехватить, и торопилась скрыться из вида. Мне удалось пересечься с ней у туалета.

— Даш, стой! — Я придержал её за руку.

— Чего тебе? — раздражённым тоном спросила она. — Мне в туалет надо.

— Иди, я тебя здесь подожду, — кивнул я и замер у стены, подперев её плечом.

— Ты ко мне в телохранители, что ли, подался?

— Нет, нужно поговорить.

— А если я не хочу?

— Нужно, Даш, — настоял я. — Вижу ведь, что ты сама не своя.

— А как я должна на это реагировать? Хочешь, чтобы я скакала от счастья?

— Иди в туалет. — Я кивнул на дверь.

— Я передумала, — принялась капризничать она.

— Хорошо, тогда давай прогуляемся.

Мы молча выбрались из здания школы и двинулись по тропинке, что проходила вдоль забора. Слева, от взгляда с внутренней территории, нас прикрывала живая изгородь кустарника, а снаружи оставалось огромное открытое пространство. Стоянка осталась позади, так

что нам никто не мешал. Лишних ушей поблизости тоже не было, в этом я убедился, прежде чем завести щекотливую тему.

— Даш...

— Что?

— Я много думал обо всём этом. Пойми, других вариантов у нас нет.

— Я понимаю. Но это как-то... неправильно.

— А что правильно? Лежать в медкорпусе со сломанными рёбрами? Ты ведь видела, что вчера творилось в обед.

— Видела. — Дашка опустила глаза.

— Воспитатели сидели в паре метров от места, где Джонсон издевался над тем толстяком. И что? Никто не вмешался. Они просто отвернулись — и всё. Нас избили до потери сознания, и как ты думаешь, кто-нибудь что-то сделал?

— Кость, не нужно на меня давить, я всё прекрасно понимаю. Но я не такая как ты, я не могу просто так взять — и убить человека.

— Это вообще не факт, — покачал головой я. — Возможно, он просто получит травму.

— Тоже мне... Типа это намного лучше.

— Вообще-то, лучше. Но я бы предпочёл, чтобы его не стало.

— Это я тоже понимаю, — вздохнула она. — Просто у меня внутри, вот здесь, — Дашка показала на грудь, — что-то гложет. Я спать не могу, постоянно представляю себе, как он умирает. И всё из-за меня.

— Из-за себя, — поправил подругу я. — Это он выстроил ситуацию, которая не оставляет нам выбора.

— Выбор есть всегда.

— Да, но другой вариант меня не устраивает. Я не хочу каждую неделю срашивать трещины в костях. За нас некому заступиться. Никто не переведёт нас в другую школу, не заберёт вечером домой. У нас нет папаши, который занимает высокую должность в совете корпорации. Мы сами по себе. И если мы не научимся давать отпор таким, как этот Джонсон, нас просто сожрут. У нас не останется права на будущее. Мы никто, понимаешь?

— Я не никто! — Дашка зло сощурила глаза. — У меня есть ум, я буду учиться и добьюсь...

— Чего? Того, что придёт вот такой Джонсон и займёт место, на которое ты претендуешь? Ты будешь годами пахать вниз, выстраивая карьеру подобным уродам. Вот то, что нас ждёт. И ты сама это понимаешь.

— И что ты предлагаешь? Убивать всех, кто встанет на нашем пути?

— Не обязательно. — Я пожал плечами. — Пока — просто выжить. Там, на стоянке, когда мы только прилетели на эту планету, я кое-что подслушал. Я вам ничего не сказал, но здесь мы не просто так.

— О чём ты?

— Тот полковник... кажется, Исаев. Он просил сопровождающего не вмешиваться в наши проблемы. Как я понял, он хочет посмотреть, как мы сами с ними разберёмся. Не удивлюсь, если вся наша ситуация изначально выстроена искусственно. Ему что-то от нас нужно.

— Ты меня пугаешь.

— Посмотри на это иначе. Возможно, это тот самый шанс. Нас заметили и ждут инициативы. Но главное — никто за нас не заступится, у них чёткие инструкции на этот счёт.

— Карьера военной? — спросила Дашка, словно пробуя слова на вкус. — А что, мне нравится. Говорят, после службы в ШОК открываются огромные перспективы.

— Значит, придерживаемся плана?

— Хорошо, — кивнула она, но глаза всё же спрятала.

Я не стал больше давить. Семя посеяно, и оно обязательно даст ростки. Дашка всегда мечтала вырваться с нашей планеты, из шахт и нищеты. Мне удалось показать ей перспективу. И теперь, даже сама того не желая, она всё равно будет мысленно к этому возвращаться. А детская психика очень эластична. Сегодня она переживает о смерти школьного хулигана, а завтра её голова будет полностью занята мечтами о карьерном росте.

— Тебе на факультатив не пора? — с улыбкой спросил я.

— Ой! — мгновенно оживилась она. — Блин, Костя, ну какого чёрта?! Всё, пока, до вечера.

— Постой...

— Ну что ещё? Я опаздываю!

— Сможешь рассчитать, какой толщины нужна прокладка между замком и створкой, чтобы дверь в клетке держалась, но открылась от удара?

— Капец у тебя просьбы! — Она выпучила глаза. — Я попробую, но ничего обещать не стану.

— Ладно, беги, — отмахнулся я и пошёл в сторону сельхоз сектора.

— Ну и где мы ходим?! — уперев руки в бока, потребовал объяснений Санёк. — Мы что, за тебя здесь вкалывать должны?

— Успокойся, начальник, — хмыкнул я. — Было у меня одно дельце.

— Дельце у него, — вмешался в беседу Мишка, и его левый глаз уехал в сторону, что говорило о крайней взволнованности приятеля.

— Случилось чего? — насторожился я.

— Случилось, — кивнул он. — Там страус этот орёт дурниной. Я видел, как к его клетке двое техников пошло.

— Да чтоб их дыра поглотила! — выругался я.

Адреналин моментально ворвался в кровь, о чего мои руки забило мелкой дрожью. Я попытался успокоиться, но где там. Мысли заметались по черепу, наскакивая одна на другую. В мгновение ока всплыли худшие варианты развития событий. Техники ремонтируют кормушку, страус сыт и спокоен, зато Джонсон в гневе от нашего обмана. Бац! — и мы трое снова отдыхаем на больничных койках с переломами рёбер.

— Давно? — спросил я.

— Что — давно? — не понял Косой.

— Техники? Когда ты их видел?

Он почесал макушку.

— Да минут с двадцать назад...

— И какого хрена вы здесь топчетесь? Почему вы ещё не там? Нам нужно знать, что они делают.

— Я мухой! — оживился Санёк и рванул в сторону птичьего угла.

— Осторожно только, не засветись! — бросил ему вслед я.

В ответ он лишь раздражённо отмахнулся.

— Капец, — выдохнул Мишка и как-то сразу сдулся. — И что теперь будет? А если они заметят? А если поймут, что это мы сделали?

— Как они поймут? — усмехнулся я, стараясь сохранить внешнее спокойствие. — Там глазок дерьмом замазан. Сама птица могла случайно это сделать.

— Фух! — Друг тут же расслабился.

— А вот тот факт, что Джонсон останется живым и здоровым, нам с вами очень не понравится. И завтра он будет ждать от нас подношения.

— Капец. — Мишка закатил глаза и снова затрясся. — Ну вот на фига ты мне это сказал?!

— А чтоб не расслаблялся, — хмыкнул я и хлопнул приятеля по плечу. — Чего стоим? Давай за работу. Нечего внимание привлекать. Сегодня вечером всё проверим.

— Ладно, — кивнул он и схватился за лопату.

Я взялся за тачку, подкатил её поближе к яме с навозом и спустил по металлической горке. Закипела работа. Волнение наконец нашло выход в физическом труде, и напряжение постепенно отступало. Мишка, обутый в резиновые сапоги, махал лопатой, как экскаватор. Не успел я оглянуться, как тачка уже была заполнена до краёв. Я оторвал её от пола и покатил в сторону сада, предварительно подогнав под загрузку вторую.

Катилась она легко, по крайней мере, мне так казалось. Впрочем, после нашей шахты многое на новой планете давалось нам легко.

Мысли снова свернули к клетке со страусом, но теперь они протекали плавно. Я прикидывал варианты, как-то ещё разозлить пугливую птицу. Как заставить это чудовище напасть на гипотетическую угрозу.

Добравшись до бесконечных полей, чей край терялся за горизонтом, я вывалил из тачки навоз и пошёл обратно. На подходе заметил у края ямы Санька, который вернулся из птичьего уголка. Приятель махал руками, о чём-то рассказывая Мишке. Захотелось прибавить шаг, но усилием воли я задавил в себе желание суетиться. То, что мы собирались сделать, спешки не любит.

— О, вернулся! — Друг довольно ощерился. — В общем, я за ними проследил.

— И что там? Нашли причину? Устраняют?

— Ага, щас, ха-ха-ха! — расхохотался он. — Держи карман шире. Они к этой клетке даже не подошли. Заменяли два светильника у попугаев и свалили обратно в вагончик, чай пить.

— А страус что?

— Орёт, — развёл руками Санёк. — Чё ему ещё остаётся?

— И техникам по фигу?

— Ну не то чтобы... Они для порядка повозмущались немного. Один из них крикнул: заткнись, курица. Второй добавил, что ей самец нужен, и что все бабы одинаковые. Потом они поржали и зашли в вагончик. Дальше я уже их не слышал.

— Так это же хорошо, да? — с надеждой спросил Мишка.

— Пока да, — кивнул я. — Но теперь нужно периодически присматривать за клеткой.

— Может, Дашка сумеет доступ к камерам получить? — предложил Санёк.

— Узнаю, — поддержал идею я. — Это был бы отличный вариант.

И, не откладывая в долгий ящик, отправил ей сообщение на визор.

Мы продолжили работать. Теперь двое возили, а один грузил. И чтобы всё было честно, каждые две тачки мы менялись местами.

Дашка ответила, когда пришла моя очередь спускаться в яму с навозом.

Она прислала краткую инструкцию, как пользоваться программой и как зачищать следы своего присутствия в системе. В работе лопатой как раз образовалась пауза, которая дала мне возможность потренироваться. Я несколько раз вошёл в программу слежения, отыскал нужную камеру, проверил страуса и вышел. Затем запустил скрипт, вбил в него нужную команду и убедился, что в логах не осталось ай-ди моего визора. Всё, теперь мы точно готовы.

Примерно в половине четвёртого Дашка снова вышла на связь. На этот раз сообщение содержало расчёты, исходя из которых, между магнитным замком и створкой достаточно подложить что-то из пластика толщиной от ноль пяти — до ноль восьми миллиметров. Этого должно хватить, чтобы удержать дверь от случайного открытия, но от приличного удара она распахнётся. Если сделать толще, дверь может открыться от порыва ветра. Тоньше — может не сработать так как надо. Осталось найти подходящий кусок мусора, с чем на этой планете большой дефицит. Дроны исправно убирают всю территорию.

Когда вернулись парни, я озадачил и их этим вопросом. И уточнил, что требуется именно мусор, который не привлечёт внимания, валяясь возле двери. Всё должно выглядеть максимально случайно.

Через полчаса возле ямы скопилась целая куча всевозможного хлама. Начиная от крохотных осколков и заканчивая огромным куском пластиковой панели, которую Мишка умыкнул возле теплиц. Она как раз была необходимой толщины. Это я определил при помощи визора. Ровно ноль целых и восемь десятых миллиметра. А отломать от листа небольшой огрызок труда не составило.

Вскоре явилась Дашка. Завершающий этап много времени не занял. Между делом Дашка заиклила изображение на всех камерах, ведущих к клетке со страусом. И теперь ничто на нас не указывало. Визоры она тоже почистила, как только мы выбрались из сельскохозяйственного сектора. Всё, с грязной работой покончено. Осталось лишь направить в ловушку Джонсона. И это тоже нужно было сделать так, чтобы след не привёл к нам. Требовалась личная встреча, желательно — через какого-нибудь посредника.

У себя на S-118 мы иногда передавали сообщения через записки. Не цифровые, а прям физические. В основном такое случалось, когда пропадала связь и нужно было срочно отдать приказ об окончании работ или аварийной ситуации. Но на этой планете цифровые технологии полностью вытеснили бумагу. И даже если бы я нашёл какой-то завалящий кусочек, писать на нём всё равно было бы нечем. Да и стрёмно это. Ведь Джонсон наверняка не догадается сжечь или уничтожить записку. Оставался только вариант с гонцом.

Я обвёл взглядом общежитие и остановился на мелком пацанёнке. Ему было лет восемь от силы. Такого старшие точно трогать не станут. Максимум — отвесят пару щелбанов. Но как заставить его сделать то, чего он не хочет? Угрозами? Так я только заострю на себе лишнее внимание. Подкупить тоже нечем.

— Эй, пойдёшь сюда, — поманил мелкого я и тот послушно приблизился. — Ты знаешь Джонсона из старших?

— Знаю, — уверенно кивнул он.

— Мне нужно ему кое-что передать.

— А ты мне чё? — тут же определил границы он.

— А чего ты хочешь? — зашёл с другого конца я.

— Велосипед, — мгновенно раскатал губу мелкий.

— А рожа не треснет? — Я офонарел от такого заявления. — Тебе всего-то и нужно пару слов передать.

— А ты сам чего?

— Я его боюсь, — соврал я. — А тебя он не тронет. Мелких бить — запаadlo.

— Это да, — криво ухмыльнулся пацан. — Ладно, завтра на ужине отдашь мне свой десерт.

— Замётано. — Я протянул ладонь.

Парень, состряпав крайне серьёзную рожу, ударил мне по руке, фиксируя сделку.

— Ну, чего ему передать?

— Скажи так: ночью работаем. Утром, во время завтрака, ждём тебя на месте, где встретились первый раз. Запомнил?

— Да.

— Повтори.

Пацан произнёс послание слово в слово, после чего умчался как ураган. А я наконец-то позволил себе расслабиться. Всё, процесс запущен, декорации расставлены. Зная характер Джонсона, психовать он начнёт так, что там не только страус с тормозов слетит. На него даже курицы с перепугу набросятся. Хан Золотой орды гордился бы мной. Я не просто превратил

сильные стороны противника в слабость, но ещё и психологический фактор использовал на всю катушку.

Вскоре вернулся пацан и украдкой кивнул мне, мол: всё сделано, шеф, с тебя десерт. Я в тон ему ответил сдержанным кивком, и пацан тут же умчался играть в какую-то виртуалку. А я развалился на кровати и уже в который раз перебрал в уме детали разработанного в спешке плана. Единственный изъян, который мы всё-таки после себя оставили, это слюна. Но я надеялся, что никому не будет до неё дела.

Утром мы блуждали по общежитию с выражением крайней сосредоточенности на рожах. На завтрак нам пришлось немного опоздать, чтобы не дай бог не попасть на глаза прихвостням Джонсона. Он обязан дойти до клетки со страусом, прежде чем узнает, что мы не спешим с ним на встречу. Я уже настроил визор и подключился к одной из камер, ожидая, когда клиент появится в кадре. И как только это произошло, мы с приятелями смело шагнули в общую залу столовой.

Нас зафиксировали тут же. Я понял это по удивлённому выражению лица кудрявого грома. Он незаметно провёл пальцем по горлу, намекая на то, что нас ожидает. На этот раз, я взгляд не отвёл и криво ухмыльнулся в ответ на угрозу. Это ещё больше ошарашило здоровяка. Его взгляд остекленел, говоря о том, что он сейчас строчит сообщение своему боссу.

И действительно, через пару секунд Джонсон замер у клетки. Я видел, как открылся его рот в безмолвном крике. Но это только на камере, в реальности его рёв должен был всполошить и без того нервного страуса.

Видимо, так и случилось, потому как Джонсон отвернулся к клетке и принялся махать руками. Уверен, что сейчас он в самой грубой форме предлагал птице заткнуться.

А следом произошло ровно то, чего я от него и ожидал.

Выбросив ногу, Джонсон ударил по двери. И кто бы мог подумать, что в этот момент она возьмёт да и распахнётся? Гроза интерната замер в недоумении, когда калитка плавно отошла в сторону, а на пороге возник разъярённый от голода и до усрачки перепуганный страус. Удар лапой был настолько молниеносным, что его не зафиксировала оптика камеры. Он слегка подпрыгнул и атаковал. Джонсона смело метра на два, и он сделал ошибку, которая стоила ему жизни.

Поднявшись с земли, он попытался убежать от птицы, которая способна мгновенно развивать скорость до семидесяти километров в час. Уворачиваться от этого монстра также бесполезно. Единственный способ остаться в живых — это оставаться лежать.

Но Джонсон этого не знал.

Очередной удар в спину был таким мощным, что парня отбросило вперёд на добрых три метра. А на спине осталась рваная рана от мощного когтя. И даже после этого страус не успокоился и какое-то время топтал поверженного противника.

Ситуацию усугубили работники живого уголка. Они сбежали на шум, чем ещё больше напугали огромную птицу. Люди махали руками, что-то кричали, пытаясь отогнать его от тела Джонсона, вынуждая страуса защищаться. В то время как каждая секунда работала против них. А всего-то и нужно было дать птице пространство, чтобы она получила возможность отступить.

Шоу затянулось минут на десять. И когда взрослым наконец-то удалось загнать «зверя» в клетку, Джонсон испустил дух. Я понял это по выражению лица работника, который помотал головой после того, как попытался прощупать пульс на шее школьного хулигана. Вскоре на территорию птичьего сектора ворвалась Василиса Ивановна с реанимационным чемоданчиком в руках. Она осмотрела тело, сделала Джонсону какой-то укол, но через пару минут опустила руки, уставившись в одну точку невидящим взглядом. Всё, дело сделано.

Я вышел из программы слежения, затёр логи своего присутствия и неспешно принялся доедать. Нет, никаких угрызений совести я не ощущал, как и душевных терзаний. Я только что выполнил работу, констатировал для себя это как факт и спокойно переключился на завтрак.

Ребятам я ничего не сказал. Они слишком эмоциональны и способны отчебучить что-нибудь эдакое, услышав хорошую новость. Может и нет, но рисковать я не стал. Хотя оба смотрели на меня с нескрываемым вопросом на рожах.

Когда мы покидали столовую, коридоры интерната наполнились нездоровой суетой. Взрослые металась в панике, не зная, за что хвататься. Ещё бы, такой инцидент в школе... Теперь им за глаза хватит проблем с проверяющими органами. И вряд ли за этой суетой они станут присматриваться к вчерашним жертвам малолетнего бандита, чтобы провести правильную параллель. Да и кому нужны такие скандалы? Одно дело несчастный случай, и совсем другое — тщательно спланированное убийство. После такой новости интернат закроют в тот же день, а всех воспитателей разгонят. И совсем не факт, что с подобной отметкой в резюме они смогут найти работу в другом месте.

Глава 8

Глава 8.

Интерлюдия 2

Исаев рвал и метал. Ещё в начале недели всё было хорошо. План идеально работал, конфликт обещал раскрыть потенциал объекта, как вдруг бац! — и всё полетело в чёрную дыру.

— Ну и какого хрена он попёрся в этот курятник?! — ревел полковник. — Как вообще так получилось, что птица смогла выбраться из клетки?!

— Судя по докладу... — начал было майор, но Исаев бесцеремонно его перебил:

— Срать я хотел на эти ваши доклады! Как? Вот скажи мне, как я теперь должен понять, на что способен этот Горячев? Все так идеально складывалось...

— Ну, он не единственный триггер. Насколько мне известно, четверо людей Джонсона всё ещё при деле. Можно попробовать сравнить их между собой, тем более что причина конфликта так и осталась неурегулированной.

— Серьёзно? Михеев, ты вообще как до майора дорос, а?

— В смысле? — опешил тот.

— В прямом! — Лицо полковника налилось краской от злости. — Вот скажи мне: как ты собираешься сравнить их с Горячевым, когда весь интернат кипит, как огромный чан с дерьмом?! Хочешь, чтобы «Зверинец» совсем закрыли? Да там с минуты на минуту столько всяких комиссий понаедет, что внутри даже пёрнуть без разрешения будет нельзя.

— Виноват, тащ полковник, не подумал.

— Не подумал, — передразнил подчинённого Исаев. — Ладно. Оставим пока пацана в покое. Наблюдаем издалека. Как только всё уляжется, начинай поднимать осадок.

— Какой осадок? — не понял формулировки майор.

— Пивной, ёпт! — Полковник хлопнул себя ладонями по ляжкам. — Михеев, не тупи. Четвёрку Джонсона к работе подключай. Но не сейчас, а когда шум уляжется. Я должен видеть, на что способен этот пацан.

— Так, может, нет смысла его испытывать? Почему бы сразу не вписать его в программу?

— Потому что я так сказал.

— Тащ полковник, разрешите идти?

— Свободен, — махнул рукой Исаев. — И вот ещё что, Михеев: разбери мне эту ситуацию по винтикам. Что-то мне в ней не нравится. Не понимаю я, за каким хреном этот Джонсон полез в клетку к страусу. Что ему там потребовалось, да ещё и во время завтрака?

— Сделаю.

Дверь за майором с тихим шелестом закрылась, и Исаев устало откинулся на спинку стула. Некоторое время он массировал виски, которые ощутимо пульсировали после приступа гнева. Заместитель директора по безопасности уже требовал результата от новой программы, на которую руководство корпорации выделило огромную сумму. А ему всё ещё нечего было им предложить. Материал, который поступал, на проверку оказался теми ещё задохликами. Они даже не могли пройти тест на физическую готовность ко второму этапу эксперимента.

Нет, Исаев понимал, насколько это важно. И если всё получится, если хотя бы один подопытный выживет, это будет такой прорыв, что все конкуренты обанкротятся от зависти, но не смогут его повторить. Но и вкладывать такие средства в тупого исполнителя тоже не хотелось. Да Исаев нашёл выход, смог отыскать на задворках галактики увядающую планету, которую корпорация выкупила за бесценок. И первые проверки препарата на одиночках показали положительный результат. Но руководство требовало от него элитных бойцов. Таких, что способны творить чудеса даже в этом насквозь пропитанном технологиями мире.

Полковник уже очень давно работал в системе подготовки кадров для службы безопасности. За эти годы у него выработалось звериное чутье на особенных, не похожих на других кандидатов. И Горячев был одним из таких. Нужно было лишь подтолкнуть его, чтобы раскрыть потенциал. И это почти удалось. Но противник объекта оказался конченым идиотом и не смог реализовать простейшую задачу. Мало того, подставился под этого вонючего страуса и едва не погубил всю работу.

Глава 9

Глава 9.

Мнимая свобода

Уроки отменили. Счастливые дети были отправлены по общагам, а кто-то и по домам. Интернат наполнился шумом незнакомых людей: в форме и без неё. Место происшествия оцепили, и там закипела работа, которую никто из нас не понимал, отчего мы дико нервничали. Да, я старался сделать так, чтобы не оставить даже малейшего намёка на участие человека в случившемся. Но это был первый опыт. К тому же я был ещё ребёнком и близко не понимал, на что могут обратить внимание криминалисты.

Мы сидели ни живые ни мёртвые, запертые в общежитии, в ожидании своей участи. Одно дело представлять смерть врага, и совсем другое — столкнуться с суровой реальностью. Никто из нас даже примерно не представлял, что будет твориться после. Мы привыкли видеть другое.

Когда в шахте погибал человек, на место происшествия приходил старший смены. Он осматривал тело и делал определённый вывод, мол: этот человек плохо следил за своим скафандром. В итоге тот лопнул вот в этом месте и убил своего носителя. Или: зря он решил бить породу в этом месте. Невнимательно осмотрел естественные трещины. Выбив вон тот кусок, он высвободил породу и спровоцировал обвал.

Всё. Никаких следователей с пинцетами и колбами, никаких оперативников, которые заваливали персонал каверзными вопросами. И видеть эту суету было по настоящему страшно. Впрочем, как выяснилось позже, мои эмоции и чувства очень сильно разнились с тем, что навалилось на моих друзей.

В отличие от них, я не испытывал страх перед будущим. Не боялся наказания и осуждений. Я волновался за то, насколько качественно мне удалось реализовать задуманное. Переживание было сродни тому, что чувствует студент перед экзаменом.

Но Мишку с Саней натурально трясло. Они рисовали в фантазии самые страшные сцены. Дошло до того, что Мишка гипотетически отправил себя на урановый рудник. Он уже фантазировал о том, как будет защищаться от радиации, как тщательно следить за костюмом и всё в таком духе.

Критический момент наступил, когда следователи вошли в общежитие и принялись вытягивать нас на допрос, одного за другим. Как при этом побледнели лица моих подельников, надо было видеть. И этот страх мог погубить нас быстрее, чем анализ ДНК, если его вообще догадаются сделать. Нужно было срочно вмешиваться, что-то предпринимать.

— Пацаны, — я перешёл на заговорщицкий шёпот, — хорош трястись. Вы себя этим только выдаёте.

— Ага, тебе легко говорить, — буркнул Санёк.

— Мы всё сделали чисто, — уверенно заявил я. — Они ничего не найдут. Если бы мы где-то ошиблись, за нами бы уже пришли.

— Так они и пришли. — Мишка кивнул на двух бойцов ШОКа, что застыли у двери.

— Они пришли не за нами. Никто из них не понимает, что произошло. Но если вы будете бледнеть от каждого вопроса, вас раздавят. Соберитесь и успокойтесь. Мы были в столовой вместе с другими, так что всё ровно.

— А ведь точно, — оживился Санёк. — Нас же вся школа видела.

Парни тут же подобрались. Мишка даже заулыбался. Правда, он быстро скис после того, как его позвали на допрос. Но болезненная бледность уже испарилась с его рож. Руки больше не тряслись, и в кабинет к следователю он шагнул уверенно. А когда вернулся, сиял, как начищенный самородок палладия.

— Ну чё там? — Саня тут же уселся рядом с ним.

— Да фигня, — отмахнулся Косой. — Их интересуется, за каким хреном Джонсон полез к страусу во время завтрака.

— Ну? А ты чё сказал?

— Ну как... правду, — приосанился Косой, нарочно действуя на нервы приятелю. — Всё как на духу.

— Ты дурак, что ли? — Саня слегка отстранился от него. — Какую ещё правду?

— Что это мы его туда заманили, чтобы убить, — зашептал Мишка.

— Ты что, совсем идиотина?! Да я тебя сейчас пришибу, дебил! — Саня подскочил и угрожающе навис над другом.

— Ха-ха-ха, — грохнул от смеха Косой. — Ты бы видел сейчас свою рожу! Ой, не могу, ха-ха-ха...

— Конченный, — буркнул приятель и устало отмахнулся.

— Давай серьёзно, — спросил я и без тени улыбки посмотрел Мишке в глаза.

— Да ничего я не сказал, — ответил он, утерев слёзы, которые выступили от смеха. — Ничего не знаю, ничего не видел. О случившемся узнал как и все: во время объявления, что уроков сегодня не будет.

— И всё? — Санёк с недоверием уставился на него.

— Не совсем. — Мишка сделался серьёзным. — Они в курсе, что у нас был конфликт.

— А вот это плохо, — будто действительно понимая, в чём беда, заявил Саня. — Они теперь за нас ухватятся.

— Чушь, — отмёл домыслы я. — У Джонсона со всей школой конфликт.

— Кстати да, — закивал Косой. — Об этом они тоже сказали.

— Прямо так и сказали? — не поверил Санёк.

— Короче, когда меня привели, я какое-то время сидел в коридоре. Там у двери двое в форме общались. Один так и сказал, что этот покойничек — тот ещё тип. Мол, от него весь интернат плакал. Никому прохода не давал. А ещё он его мудаком назвал. И сказал: наверняка этот придурок хотел выпустить страуса, чтобы устроить очередной переполох.

— Ладно, всё, — осадил приятелей я. — Не расслабляемся и не рассказываем ничего лишнего. Отвечаем только на тот вопрос, который задали. Ничего сами не придумываем и не добавляем. Ясно?!

— Да, да, — закивали оба.

Напряжение их точно отпустило. И даже не ясно, что в тот момент было опаснее. В расслабленном состоянии ещё проще сболтнуть лишнего. Так что я всячески старался держать их в тонусе. Единственное, что меня действительно напрягало, это отсутствие возможности сказать всё то же самое Дашке. Я даже понятия не имел, в каком она сейчас состоянии. Не исключено, что она уже вовсю сдаёт нас, выкладывая каждый этап проделанной работы.

Но время шло, а за нами никто не являлся. Значит, она либо ещё не побывала на допросе, либо всё прошло гладко.

Связь заблокировали тут же, как только явились первые представители власти, а потому выяснить напрямую я ничего не мог. Да и опасно это. Даже просто сам факт лишнего интереса может вызвать ненужные подозрения.

Меня вызвали только спустя два часа. Следователь выглядел уставшим. Глаза запали, взгляд расфокусирован. Оно и понятно: заниматься подобной рутинной работой мало кому доставит удовольствие. И вообще, мне показалось, что этот человек больше исполняет эдакую повинность, чем на самом деле работает. Его и послали сюда, чтобы уладить формальности, а никак не для расследования преступления.

— Сядь, — сухо бросил он, продолжая заполнять какие-то документы, используя для этого голографическую проекцию клавиатуры. — Фамилия.

— Горячев.
— Константин?
— Да.
— Где был в момент происшествия?
— В столовой.
— С пострадавшим знакомы?
— В какой-то степени.
— Так да или нет? — Он поднял на меня усталый взгляд.
— Знакомы.
— Хорошо. Не знаешь, зачем он пошёл в сельскохозяйственный сектор во время завтрака?
— Нет.
— У меня есть данные из медицинского корпуса. У вас ведь был конфликт?
— Он просто нас избил.
— За что?
— Может потому, что мы новенькие?
— У меня есть показания некоего Алексея Викульцева. Он утверждает, что вы задолжали потерпевшему крупную сумму корп-контрактов.
— Это неправда. — Я покачал головой. — Он вымогал у нас эту сумму.
— Ясно, — кивнул следователь, сверля меня немигающим взглядом. — Ты ведь понимаешь, что это — мотив.
— Мотив? — Я сделал вид, что не понимаю о чём речь.
— Викульцев также утверждает, что это ты назначил встречу Джонсону у клетки со страусом.
— Тогда я бы сейчас лежал рядом с ним.
— Ладно, свободен. — Он небрежно махнул рукой. — Но ты нам ещё понадобишься. Так что не вздумай бежать.
— Куда? — усмехнулся я.
Следователь ещё какое-то время внимательно меня рассматривал, а затем его взгляд снова расфокусировался, а пальцы запорхали над клавиатурой. Я спокойно поднялся и вышел в коридор. Сопровождающий, который вызывал нас из общежития, проводил меня в общую спальню и выдернул на допрос следующего.
— Ну чего там? — заметив мой озабоченный вид, накинулся с вопросами Саня.
— Не очень хорошо, — покачал головой я. — Этот кудрявый, который Мишку у столовки прижал, рассказал следаку, что это я назначил Джонсону встречу у клетки.
— Капец... — Он закатил глаза. — И чё теперь?
— Пока ничего, — пожал плечами я. — Возможно, вызовут на допрос ещё раз. Но я, кажется, под подозрением.
— Хреново, — выдохнул Мишка. — Ну это ничего. На рудники поедem вместе.
— Да задолбал ты уже со своими рудниками! — Санёк ударил приятеля в плечо.
— С-с-с, а-а-а... ты чё, офигел?! — тут же подорвался Косой. — Щас как закатаю в лобешник!
— Да тихо вы! Не привлекайте внимания.
— Чё делать-то будем? — Саня как-то сразу сник.
— Ничего. — Я развёл руками. — От нас сейчас ничего не зависит.
День тянулся, словно резиновый. Нас никуда не выпускали, и даже обед пришлось пропустить. Но к ужину все следственные мероприятия свернули, а самым удивительным было то, что вместе с представителями власти уехал начальник по технике безопасности.

После ужина интернат превратился в разворошённый улей. Слухи и сплетни о случившемся доносились из каждого угла. Дети делали собственные выводы и проводили расследования покруче самих законников.

Перед отбоем заявился бледный воспитатель. Вопреки привычной строгости, он просто погасил верхний свет и молча исчез за дверью, оставив после себя резкий запах перегара. День наконец-то закончился.

Уже укладываясь в кровать, я получил сообщение от Дашки.

«Ну как вы?», — спросила она.

«Нормально, — ответил я. — Ложимся спать».

«Хорошо. Завтра увидимся», — вернулся ответ.

«А ты как?» — поспешил поинтересоваться я.

«Всё хорошо. Меня не допрашивали», — ответила Дашка, и я окончательно успокоился.

К слову, Санька тоже на допрос не вызывали. А значит все из подозрения так и остались на уровне догадок без подтверждения. Хотя вопросы, которые задавал мне следак, проходили в опасной близости от правды. Не исключено, что после того, как они изучат материалы дела, за нами ещё вернутся.

Думать об этом не хотелось, но мысли настырно возвращались к допросу и тому, каким многообещающим взглядом провожал меня следователь. Уже в который раз я перебрал все этапы подготовки нашего плана, и пока слюна, была единственной зацепкой, способной привести ко мне. И если такое случится, я готов взять всю вину на себя. Портить жизнь Дашке или парням я не собирался.

Утро навалилось внезапно. Ещё мгновение назад я перебирал в мыслях события прошедшего дня, как уже над ухом завывала сирена подъёма. Я даже не понял, в какой момент уснул.

Поднявшись с кровати, я побрёл в туалет, где застал немую сцену. Крепыш, которого я недавно отправил на больничную койку, нависал над более слабым товарищем. В суть конфликта я не вникал, не моё это дело. Да и вмешиваться не собирался. Однако поймав на себе мой взгляд, задира сразу как-то сдулся и отступил. Отвернувшись к раковине, он принялся усердно умываться.

Я поступил так же. Плеснул в лицо холодной водой, смывая остатки сна. Выдавил на щётку немного пасты и принялся натирать ей зубы. А когда прополоскал рот и осмотрелся, крепыша в туалете уже не было.

Не переживая за сохранность своих вещей, я оставил их у раковины и направился в одну из освободившихся кабинок.

Завершив все утренние процедуры, мы дружным строем оправились в столовую, на завтрак. Сегодня уроки никто не отменял и, набив животы, мы окунулись в шумные коридоры школьного корпуса. Снова была ненавистная физика, следом за которой шла ещё больше нелюбимая математика. Однако я прилежно выполнял все задания, просто потому, что так надо. Да и хорошие оценки в дальнейшем не помешают, даже если я выберу военную карьеру.

На первой же перемене мы собрались полной компанией и в двух словах обсудили случившееся. При этом даже не прятались. Ну а смысл, если все вокруг говорят об одном и том же? Напротив, было бы более подозрительно, если бы мы начали обсуждать погоду и всячески избегать главной темы. Шума добавляло ещё то, что многих вчера после завтрака отправили домой, и они не были в курсе происходящего дальше. А потому из каждого угла доносились буквально одни и те же фразы.

День прошёл в знакомой рутине. Уроки, обед, снова учебные классы. Последним стояла биология, где рассказывали о том, каким образом происходило терраформирование планеты,

на которой мы сейчас живём. Именно по этой причине здесь настолько хрупкая экосистема. А наш интернат участвует в программе заселения животного мира.

Не знаю почему, но эта тема меня очень зацепила. Я пытался представить, как этот голый камень постепенно оживал, и у меня не получалось. Это казалось какой-то сказкой. Ведь я родился на подобном безжизненном камне. И как бы мы там ни старались, как бы ни ухаживали за гидропонными системами, планета так и не расцвела. А здесь — на тебе! Всего каких-то двести лет — и мы имеем терру, пригодную для жизни человека.

Когда закончились занятия, мы по привычке отправились в сельскохозяйственный сектор. Вот только на территорию нас не пустили. Дашка убежала на факультатив. А нам оставалось только слоняться без дела.

И этот момент меня не устраивал. В отличие от моих друзей. Эти со счастливыми рожами собирались уже бежать в жилой корпус, чтобы поскорее занять место в виртуальной консоли и как следует оторваться в какой-нибудь стрелялке.

Останавливать их я не стал, однако сам поступил иначе. И вместо того, чтобы предаваться безделью и развлечениям, направился к школе, чтобы изучить объявления о дополнительных занятиях.

Честно говоря, я даже не представлял, что собираюсь там найти. Покопавшись во внутренних ощущениях, я так и не отыскал нужного отклика. Меня мало заботили языки программирования, математика и конструкторское дело. Да и в инженерах я себя как-то не видел.

Я стоял у виртуальной доски, рассматривая то, что предлагала школа, и вдруг взгляд зацепился за объявление о наборе в секцию по смешанным единоборствам.

Память услужливо подкинула, что компания Джонсона, как раз посещала эти занятия, и я чуть было не отказался от этой затеи. Просто потому, что не хотел усугублять и без того не самое завидное положение. Но что-то внутри меня запротестовало.

Да, от нас отстали, денег больше не вымогают. Но как долго это продлится? Когда этот Викульцев поймёт, что слабые никуда не делись и их можно продолжать доить? К тому же теперь не придётся делиться с каким-то там Джонсоном. Может быть, у них больше не будет сильного покровителя в лице корпоративной шишки, но забитые дети будут ещё долго молча сносить издевательства хулиганов. Просто по привычке, потому что за все эти годы они успели уяснить: за них никто не заступится. И вряд ли мы станем исключением.

Я проанализировал все эти факты и прямой наводкой направился в спортивный корпус, на базе которого и занимались борьбой. Тем более что как раз успевал к началу тренировки.

Распахнув двери, я вошёл в просторное помещение. Запах застоявшегося пота тут же ударил в нос. Но мне он показался самым приятным ароматом в мире. От него веяло силой, уверенностью.

В центре зала вяло разминались спортсмены, и кудрявого детины среди них не было. Один из парней поочередно поднимал ноги прижимая колени к груди, второй размахивал руками. Третий отрабатывал удары по воздуху. В общем, пока не явился тренер, все болтались без дела, пытаясь хоть чем-нибудь себя занять. И да, рожи у всех были скорбные. Если для меня с друзьями смерть Джонсона выглядела как свобода, то для них это — потеря товарища.

— Ох, фигасе! Смотрите, кто явился! — раздался возмущённый возглас со спины, и за ним последовал мощный пинок в мягкое место.

Я даже по инерции пару шагов вперёд сделал, чтобы не пропахать носом пол. А когда обернулся, несколько не удивился оскаленной роже кучерявого приятеля Джонсона.

— Те чё здесь надо, камнеед?! — Он выдвинулся вперёд и угрожающе навис надо мной. — В рыло захотел?!

— Викульцев! — громогласно рявкнул крепкий мужичок, который появился на пороге спортзала. — Чего шумишь?!

— Да я это, Фёдор Михалыч... — замялся здоровяк. — Малышню воспитываю.

— А ну брысь на разминку, воспитатель хрёнов!

Кудрявый сразу потух, но, повернувшись ко мне, изобразил хищный оскал. Это говорило о том, что наш конфликт ещё не закончен. Однако при учителе продолжать его он не стал и послушно, лёгкой трусцой направился к остальным ребятам из секции.

Тренер громко хлопнул в ладоши и, сложив руки рупором у рта, рявкнул:

— Ну чего встали, как бабы на выданье?! Бегом по залу! Десять кругов. Вперёд, вперёд, беременные коровы, шевелитесь!

Масса, состоящая из людей, тут же пришла в направленное движение. Парни помчались по периметру зала. В первые минуты они ещё подначивали друг друга, подгоняя. Но вскоре их лица сделались сосредоточенными. А мне всё больше и больше нравилось то, что я видел. Ещё до начала основных занятий я уже понимал, что не уйду отсюда, пока тренер не впишет меня в эту группу.

— Ну а ты чего встал? — Фёдор Михайлович наконец обратил внимание на меня.

— Хочу записаться в вашу секцию.

— Хочешь — значит запишем, — криво ухмыльнулся он. — А теперь бегом по залу вместе со всеми! Давай, давай, шевели задницей! Здесь тебе не кружок танцев!

И я побежал. дождался когда мимо меня пронесётся табун пацанов, и пристроился позади них. Первые три круга дались мне легко, а вот затем начали появляться первые сложности. Воздуха катастрофически не хватало, ноги становились тяжёлыми, а сердце стучало так, что того и гляди покинет грудную клетку. Однако я не сдавался и пёр вперёд, несмотря на сложности.

После шестого круга внутри зародилось желание послать всё к чёртовой матери и просто лечь на пол. К восьмому кругу я уже мечтал сдохнуть...

Вот только это всё было лишь началом.

— Правым боком! — рявкнул Михалыч.

Вся группа одновременно развернулась и синхронно поскакала по залу. А вот я едва не навернулся, запутавшись в собственных ногах. И что удивительно, никто не засмеялся, не начал отпускать злые шуточки про косолапого новичка.

Я натурально задыхался, но продолжал выполнять все команды тренера. В какой-то момент мозг окончательно отключился, предоставляя телу возможность действовать самостоятельно. И вот тут я в полной мере ощутил, что означает фраза «открылось второе дыхание». Лёгкие словно раскрылись, в глазах прояснилось, а движения давались с невероятной лёгкостью.

Затем мы бежали эдакой спиралью, потом — подбрасывая ноги так высоко, что они хлопали нас по заднице. Следом нужно было выбрасывать вверх колени. Но самым лютым оказался гусиный шаг. Это когда тренер заставил всех сесть на корточки и, не меняя позы, пройти два круга по залу.

Вот здесь я не выдержал и на первом же круге неуклюже свалился. И снова никто не смеялся, хотя у некоторых ребят на лице проскочили глумливые ухмылки.

Впрочем, я не сдавался и завершил упражнение вместе со всеми.

Потом мы махали руками, поворачивали корпус, подпрыгивали и много-много ещё чего. От упражнений на растяжку у меня темнело в глазах от боли. Однако я терпел и старался не отставать от основного коллектива.

— Закончили! — рявкнул тренер, и я наконец смог выдохнуть.

Это же офигеть можно, если они вытворяют такое каждый день. Вот только я снова оказался неправ, а следующее слово вбило окончательный гвоздь. Оказывается, это была лишь разминка. А я уже готов вывесить язык на плечо и молить о пощаде.

— Разбились на пары, работаем двойка, нырок, левый хук. Так, новенький, ко мне.

Я покорно подошёл к тренеру. Тот уже ожидал меня с широкой раскрытой перчаткой на руке.

— Бей, — сказал он, кивая на странную рукавицу.

И я ударил. Вложил в этот выпад всю имеющуюся у меня силу. Но тренер лишь усмехнулся, получив жёсткий тычок в лапу. Хотя как — жёсткий... Таким он был только для меня, аж суставы занули. Михалыч даже не шелохнулся.

— Ясно. — Он криво ухмыльнулся. — А теперь смотри, как надо.

И я зажмурился. Хрен знает почему, но я вдруг подумал, что это самое «как надо» сейчас прилетит мне прямо в нос.

— Ты чё делаешь? — услышал я вопрос, полный недоумения. — Смотри, говорю.

Я распахнул глаза. Тренер стоял ко мне боком и намечал удар по воздуху.

— Вот отсюда энергия идёт, от бедра. Понял?

— Угу, — кивнул я.

— Показывай.

Я снова ударил. И по недовольной роже тренера понял, что снова сделал это неправильно.

— Так, стой на месте, — скомандовал он. — Руку вытяни. Вот так. — Он схватил меня за запястье и вытянул мою руку так, как она должна быть зафиксирована в конечной точке. Потом постучал лапой мне по бедру. — Расслабь. Вот так, чуть доверни колено. Стоп. Пятку от пола оторви, вес вот на эту ногу. Понял?

— Понял.

— Повтори.

И я повторил.

— Уже лучше. Ещё раз. Стоп! Корпус доверни. Ещё, ещё... Хватит. Вот так. Теперь давай сто пятьдесят ударов. Пошёл.

Я принялся взбивать рукой воздух. Казалось бы, смешное упражнение. После разминки это как водички попить. Но на двадцатом ударе зануло плечо. На пятидесятом там запылал пожар. А после сотого я вообще перестал его чувствовать. И не потому, что боль угасла, оно натурально онемело от напряжения.

— Хорошо. — Стоило мне остановиться, как тренер отошёл от основной группы, обратив внимание на меня. — Теперь то же самое на левую руку.

Пара минут возни — и тренер выставил моё тело в правильную стойку. Понаблюдая, как я бью воздух первые десять ударов, и снова вернулся к занятиям с опытными бойцами. Сейчас они вовсю кувыркали друг друга по матам, пытаясь воспроизвести болевой захват, который им показал Михалыч.

И я откровенно им завидовал. Мне почему-то казалось, что я занимаюсь какой-то ерундой. А вот они-то изучают то самое боевое искусство. Но также я понимал, что это база, и я обязан её усвоить. Тело должно двигаться правильно, только после этого я смогу продвинуться дальше.

А самое обидное, что больше ничего мне тренер так и не показал. Так я и махал всю тренировку руками по воздуху. Вначале одной рукой, затем другой, потом обеими поочередно и снова одной. Только прямые, только по воздуху. И всё равно, когда Фёдор Михайлович объявил, что на сегодня всё, я едва мог держаться на ногах от усталости.

— Кость, подойди. — Тренер поманил меня, когда все ребята потянулись на выход. — Ты молодец, — внезапно похвалил он. — Любой другой на твоём месте умер бы ещё в середине разминки. Думаю, из тебя выйдет толк. Твои данные я занёс в журнал, так что завтра жду тебя снова, в то же время. И вот ещё что. Один прогул — получишь предупреждение. За второй — выгоню к чёртовой матери. И не дай бог мне кто-то из учителей пожалуется, что ты замешан в какой-нибудь драке. Вылетишь у меня как пробка. Понял?!

— Понял, — кивнул я.

— Всё, иди отдыхай. Если будет желание, повторяй сегодняшние упражнения дома.

— Я здесь живу. У меня нет дома.

— Ты понял, о чём я. Всё, давай. Двигай в душ и в... общежитие, — тем не менее поправился он.

Я направился в раздевалку, в конце которой находился душ. Но как только передо мной распахнулись двери, понял: просто так мне помыться не светит. Кудрявый и компания троих мордovorотов уже встречали меня с ухмылками на рожах, и это не предвещало ничего хорошего.

Глава 10

Глава 10.

Усердие и труд

Нет, я не испугался. Напротив, мне даже стало немного забавно. А ещё очень хотелось понять, что собираются делать эти имбецилы? Неужели затеют драку прямо в раздевалке, когда тренер ещё даже не покинул спортивный комплекс?

Я не стал их провоцировать. Просто замер у двери в ожидании продолжения и молча смотрел в глаза Викульцеву.

Видимо, моё поведение выбивалось из рамок привычного, потому как он ступешался. И хотя внешне с ним ничего не происходило, я буквально на физическом уровне ощущал, с каким скрипом проворачиваются шестерёнки в его мозгах.

Остальные трое уже начали нервничать, так как пауза затянулась. Нужно было что-то сказать, но лидер молчал, и их это напрягало. Я тоже молчал, к тому же не молил о пощаде, не тряся от страха.

Наконец в голове кудрявого что-то щёлкнуло, и он сделал шаг вперёд.

— Ты, — выдохнул он. — Тебе что, жить надоело?!

— Думаешь, я вас боюсь? — спокойным голосом спросил я и тоже шагнул вперёд. — Бейте. Вы сильнее, и это факт, но что дальше?

— По-твоему, я тупой? — прищурился Викульцев. — Думаешь, я не понимаю, чего ты добиваешься? Если мы тебя здесь отмудохаем, завтра тренер с нас шкуру спустит. Поэтому я предлагаю тебе добровольно покинуть зал и больше здесь не появляться.

— А иначе что? — Я склонил голову набок.

— Иначе? — Кудрявый на секунду задумался, а затем оскалился, явно что-то придумав. — А всё просто, камнеед. Я тебя и пальцем не трону. Вместо этого я буду калечить твоих дружков. А если и этого будет мало, не побрезгую и подружкой. Как тебе такой расклад?

— Молодец, — кивнул я. — Правильный подход. А за своих дружков ты не переживаешь? В последнее время у нас происходят странные вещи. Говорят даже, люди гибнут.

— Это всё ты, сучонок! Я знаю, что это ты!

— Что — я? — Мне удалось без труда соорудить невинную рожу.

— Ты убил Джонсона!

— Разве? — Теперь я изобразил удивление. — Странно... А говорили, что это был страус.

— Думаешь ты самый умный?! Тот пацан, он передал сообщение от тебя. Это ты заманил его в ту клетку. И я это докажу.

Кудрявый уже напрочь забыл о том, что он сильнее. Инициатива перешла ко мне, и я не собирался её выпускать. Из равновесия я его уже выбил, оставалось окончательно уничтожить его уверенность. Посеять сомнение и страх.

— Хорошо, допустим. — Я выставил руки перед собой. — Чисто гипотетически, это вполне мог быть я. А теперь включи голову и подумай, как я поступлю с тобой. Ты ведь якобы знаешь правду, так? Выходит, для меня ты опасен. Иди, начинай бить моих друзей. А я пока подумаю, каким образом убрать с дороги тебя.

Картина, что творилась в раздевалке, настолько выпадала из нормального, что дружки Викульцева только и могли, что хлопать глазами. Буквально перед ними происходило то, что ломало всю картину их мира. Какой-то щенок, явившийся с задворок галактики, нищий, безродный, втапывал в грязь их вожака. Да что там говорить, они пропустили мимо ушей прямую угрозу в свой адрес.

— А теперь ходи и оглядывайся. — Я перешёл в наступление. — Потому что я могу ударить в любой момент. Кто знает, что случится на этот раз? Может, кирпич случайно упадёт из стратосферы, а может, в суп угодит ядовитый гриб. Или, может, ты подавишься во сне, так и не проснувшись.

Я медленно двигался вперёд, продолжая вбивать слово за словом в его тупую башку. И делал это максимально спокойным голосом, словно рассуждал о вечерней прогулке по саду.

Взгляд кучерявого забегал. Он попятился, что казалось ещё более странным. Ведь на фоне этих амбалов я выглядел натуральным задохликом.

— Да ты просто псих! — наконец взвизгнул он. — У тебя крыша поехала!

Вот оно, именно то, чего я ждал. Противник собирался отступить, при этом старался не потерять лица. И что может быть лучше, чем объяснить своё поведение полной неадекватностью оппонента? Ну кто в здравом уме станет связываться с тем, у кого крыша не на месте. А я сейчас выглядел именно таким.

— А вот здесь ты угодил в самую точку, — оскалился я.

— Пацаны, уходим. — Получив шанс ретироваться, Викульцев незамедлительно им воспользовался.

Четверо пацанов, способных в течение двух секунд сделать из меня отбивную, пятились к выходу, бросая на меня опасливые взгляды. Я не дёргался, продолжая стоять посередине помещения, с эдаким оскалом психа на лице. И как только двери за ними сошлись, я устало опустился на скамью.

Руки тряслись. Пришлось даже зажать их между коленей, чтобы хоть как-то успокоить. Некоторое время я так и сидел, запрокинув голову и прикрыв глаза. Правильно ли я сделал? Мои слова звучали на грани. Ещё немного — и я бы открытым текстом признался в убийстве. Но пока их можно трактовать в любую сторону. Главное, что Викульцев в них поверил и теперь будет обходить меня за километр. И нет, я почему-то не переживал за то, что он побежит докладывать о нашем разговоре в следственный комитет корпорации. А вот за его дружков я не был уверен. Впрочем, не убивать же их теперь?

Или...

Нет, это точно не выход. За ними нужно присматривать. И если кто-нибудь из них сделает необдуманный шаг — наказать. Как? Это уже другой вопрос. Но подход явно нужно сменить. Если в интернате начнут подыхать дети, сюда слетятся хищники совсем другого ранга. Они быстро пронюхают, кто виноват, и я проведу остаток дней на урановых шахтах. Максимум, что я сейчас могу себе позволить, — это травмы. Жёсткие, очень болезненные, но не более того. А остальное дожду угрозами и давлением на психику.

— Пф-ф-ф, — с шумом выдохнул я и поднялся.

Ледяная вода из душа быстро охладила голову и прочистила мозги. Следом я сменил её на горячую и так несколько раз, пока тело и разум не пришли в нужный тонус. Меня никто этому не учил, просто внутри возникло именно такое желание.

Выйдя из кабинки, я встал перед феном, который в считанные секунды согнал с меня всю влагу. В раздевалке, на скамье, вместо пропитанного потом комбинезона, лежал чистый комплект, запаянный в целлофан.

Разорвав упаковку, я бесцеремонно бросил её на пол и облачился в чистое. К тому моменту, как я застегнул молнию, дрон уже справился с мусором, и раздевалка сияла первозданной чистотой. Машины даже в душе уже успели навести порядок.

Выйдя из раздевалки, я вдохнул полной грудью. Вот он, истинный запах свободы. Больше ничто не мешает мне двигаться к цели. Кстати, Мишке с Саньком тоже стоит найти какой-нибудь занятый. Но об этом я подумаю завтра.

Я и не думал, что тело может так болеть. Утро принесло не сладкую истому отдохнувшего организма. У меня болело всё. При каждом шаге, при каждом движении. До туалета я ковылял, будто вместо ног у меня теперь два протеза. Почистить зубы оказалось той ещё задачей. Плечи отозвались острой резью, едва я поднёс щётку ко рту. А сидеть на унитазах было сродни средневековой пытке инквизиторов, о которых нам рассказывали на уроках истории.

Но я справился. И чем активнее двигался, тем меньше дискомфорта испытывал. Мышцы разогревались, и боль постепенно отступала. Но стоило оставить их в покое на какое-то время, всё повторялось по кругу.

Мишка и Саня, в отличие от меня, не переставали улыбаться. Их вечер прошёл в полном отрыве от реальности. Они всё утро только и обсуждали, кто сколько фрагов вчера набил в игре. Я слушал их вполуха, думая о своём. Дашка тоже жевала молча, бросая на меня задумчивые взгляды.

— А вы так и будете каждый вечер трагить время впустую? — Отодвинув тарелку, я уставился на приятелей.

— В смысле? — опешил Санёк.

— А чё не так-то? — Мишка округлил глаза, и его левый тут же сместился в сторону.

— В прямом, — продолжая смотреть на них, продолжил я. — Дашка постигает языки программирования. Я вчера в спортзал записался. А вы? Тупо играли весь вечер — и всё?

— А чё ещё делать-то? — нахмурился Санёк. — Ну хочешь, мы с тобой сегодня тоже в зал пойдём?

— Не хочу, — покачал головой я.

— Я тогда вообще ничего не понимаю, — скис Мишка. — Это тебе не так, то тебе не эдак... Ты можешь толком объяснить, что нам делать-то?

— Кем ты хочешь стать? — Я перевёл взгляд на Косого.

— Ну не знаю... — пожал плечами он. — А какие есть варианты?

— Любые, Миш. Перед нами вся жизнь. Но то, что вы сейчас делаете, смывает все перспективы в унитаз. Нет, я понимаю, что мы были лишены детства и развлечений. Но если вы сейчас забудёте на собственное развитие, то так и останетесь никем.

— Ну и что толку от наших развиваний? — включился в игру Санёк. — Ну допустим, я постигну какую-то науку — и что? Ты серьёзно думаешь, что в корпорации найдётся место для безродного сироты?

— В обычных обстоятельствах — нет, — честно ответил я.

— Ну и смысл тогда?

— Помолчи, Саш, дай Косте сказать, — перебила друга Дашка, и я с благодарностью ей кивнул.

— В общем, так, пацаны. Там, на посадочной площадке, когда нас усадили в минивэн, я кое-что слышал.

И я в двух словах пересказал им суть беседы полковника Исаева с сопровождающим. Оба выслушали меня, открыв рты. Рожи у них тут же стали серьёзными, а мысли побежали впереди обстоятельств.

— Так это чё получается, мы сможем в спецуру попасть?! — окрылился мечтами Косой. — Это же офигеть! Я стану самым крутым штурмовиком. Буду валить всех одной левой!

— Да кто тебя возьмёт, с твоим перископом? — расхохотался Санёк. — У тебя один глаз направо смотрит, а другой — налево.

— Да иди ты в жопу! — огрызнулся приятель. — Зато я сильный, понял? И вообще, я вчера больше тебя фрагов настрелял. Так что кого из нас ещё не возьмут?!

— Вас обоих не возьмут, — усмехнулся я. — Если продолжите хернёй страдать. Я уверен, что нас сюда отправили не просто так. И нам точно придётся доказывать свою компетентность. А для этого нужно хоть в чём-то быть лучше других. Вот ты, Сань. В чём твоя сила?

— Даже не знаю, — задумался он. — Наверное, нет такого.

— Ошибаешься, — вмешалась Дашка. — Ты общительный. Тебе легко даётся контакт с другими людьми.

— Одним словом: балабол, ха-ха-ха, — подначил приятеля Мишка.

— Да помолчи ты, — отмахнулся от него Санёк и уставился на меня. — Ну допустим. И что мне с этим делать?

— Развивать, — ответил очевидное я.

— Как? Ходить и знакомиться со всеми подряд?

— Ой дура-а-ак, — вздохнула Дашка. — У нас в интернате есть факультатив психологии и развития речи. Запишись туда.

— Думаешь, я смогу? — засомневался Санёк.

— А почему ты вдруг решил, что ты глупее остальных? — Я внимательно посмотрел на него.

— И чем это пригодится мне в будущем? Разве военным нужны психологи?

— Ты что, никогда не слышал о переговорщиках? Иди ты думаешь, шпионов не учат психологическим приёмам? — подсказала Дашка.

— А мне что делать? — Мишка скуксился, пока Санёк обдумывал и укладывал по полочкам новую информацию. — У меня, кроме косога глаза, больше ничего нет.

— Но ты ведь как-то настрелял больше фрагов? — спросил я.

— Ну то ведь игра...

— Это да, но как у тебя это получилось?

— Не знаю... — задумался он. — В виртуальном пространстве моё зрение работает иначе. Я как будто вижу больше, чем в реальности.

— Именно, — кивнул я. — Я об этом читал.

— Когда успел-то? — с эдаким недоверием спросил Мишка.

— Вчера ночью, когда думал, чем вас занять, — честно ответил я. — В твоём недуге есть плюс. В реальности твоё косоглазие ухудшает зрение, и мозг периодически отключает обзор с твоего отклонённого глаза. Это называется «амблиопия» или «ленивый глаз». Но в виртуальном мире изображение подаётся иначе и транслируется сразу в оптические волокна. Больше того, сейчас есть экспериментальная программа, которая позволяет разделить твоё восприятие зрения. То есть твой левый глаз будет фиксировать одну картинку, а правый — другую. Идеальный вариант для оператора дронов или военного лётчика. Это если на пальцах.

— Круто! — Мишка аж подскочил, а через какое-то время сел обратно с кислой рожей. — Да, но у нас в интернате нет дополнительных занятий по пилотированию.

— Нет, согласен, — не стал спорить я. — Но у нас есть общеобразовательные предметы, которые требуются для поступления в лётную школу. И если ты начнёшь изучать их углублённо...

— Я понял, — закивал Косой. — Я обязательно буду. Ты только скажи, какие.

— Это точно физика и геометрия, — с ухмылкой ответил я, и Мишка сморщился, как вялый помидор.

— А это точно обязательно? — уточнил он. — Я не хочу быть заучкой, как эта. — Он кивнул на подругу.

— Миш, я всего лишь предлагаю, не настаиваю. — Я развёл руками. — Делать или не делать — решать только тебе. Но я бы очень хотел, чтобы мы оставались вместе.

— Я всё сделаю, — потупив взгляд, ответил приятель. — Буду зубрить, всё что угодно буду делать. Я не хочу быть никем.

— Вот и отлично. А теперь пошли на занятия. Скоро звонок.

Дашка подскочила первой. Столовую мы покидали под тяжёлый взгляд компании Викульцева. Наверняка они уже не раз обсудили мою персону и даже разработали кучу схем, как меня наказать. Однако, скорее всего, дальше слов они уйти не решатся. А если их больше не провоцировать, постепенно они забудут нанесённое мной оскорбление, как страшный сон. И я как раз не собирался напоминать им о себе, надеясь на благоприятный исход.

Как же я ошибался...

Время шло. Наша жизнь превратилась в сплошную рутину. Мы учились, спали, ели, посещали дополнительные занятия. Спустя всего полгода Санёк уже владел словом так, что в считанные минуты становился душой любой компании. Он очень ответственно подошёл к делу и изучал всё, что задавали ему на дом. Плюсом умудрялся брать дополнительные материалы.

Мишка не отставал, хотя ему приходилось гораздо тяжелее. Точные науки не желали ему поддаваться, но Дашка взяла на себя роль репетитора и всячески помогала другу. Притом не так, что решала задачи за него, а терпеливо, иногда по несколько часов к ряду объясняла, что из чего выходит и почему именно так, а не иначе. И это приносило свои плоды. Оценки Косого выросли до высшего балла. Его даже собирались отправить на какую-то олимпиаду по геометрии. Правда, лишь планетарного масштаба.

Про Дашку вообще молчу. Она поглощала знания, как сухая почва — долгожданный дождь. Типичные коды школьных девайсов уже давно перестали быть для неё проблемой. А в паре с Саньком она умудрилась взломать даже центральную систему безопасности интерната. И теперь у нас имелся собственный доступ в любую его часть.

Я не отставал и тоже пахал как проклятый, только в зале, постигая возможности собственного тела. Тренер радовался, глядя на мои успехи, и постепенно я стал его любимчиком. Нет, другие тоже тренировались на полную, но моя природа, тот факт, что я родился и вырос на планете с повышенной гравитацией, давал мне неплохую фору.

Вскоре моё тело сделалось сухим и жёстким. Кулаки больше не болели после множества тысяч ударов по груше. Мышцы перестали ныть уже после десятой тренировки. А я всё продолжал выкладываться, повышая темп и нагрузки. И каждый раз, доходя до предела физических возможностей, заставлял организм сделать ещё немного, переступая через психологический барьер. Так я становился сильнее.

Однако за всем этим я упустил из виду своего врага. А тем временем он не спал и готовился нанести ответный удар.

Это был самый обычный день. Точно такой же, как все предыдущие. Подъём, построение, завтрак, похож в школу, обед и снова уроки. По окончании всей этой рутины мы разошлись каждый по своим углам. Друзья на дополнительные занятия, а я — в спортзал, на тренировку.

Я даже не успел приступить к разминке, когда двери распахнулись, и в зал влетела взъерошенная Дашка. Её губы тряслись, а слова путались. Я даже не сразу понял, что она пытается мне сказать.

— Там... — махая руками на выход, выдохнула она. — Беда, Кость... Мишка!

— Что с ним? — всё ещё не понимая, что происходит, спокойно спросил я.

— Плохо. — Она замотала головой. — Очень плохо.

— Он жив? — Я незаметно начал заражаться паникой от подруги. — Да говори ты толком: что случилось?!

— Мишка, — снова повторила она. — Его в туалете нашли. Он изуродован.

— В смысле? Как? Где?

— Не знаю, — чуть ли не плача, выдохнула она. — Василиса Ивановна его в медкорпус увезла. Говорит, всё плохо.

— Твою галактику! — выругался я и посмотрел на тренера, который тоже выслушивал весь этот бред.

— Иди, — с пониманием кивнул он.

Я даже в душ заходить не стал. Да и смысл, если я и вспотеть-то не успел. Мы выскочили на улицу и стремглав понеслись в сторону медкорпуса. Точнее, это я понёсся, Дашка сильно отстала. Но ждать я её не стал, тем более что она и без меня дорогу знает.

Я влетел в лазарет, едва не сбив с ног санитарку. Ту самую, которая в своё время рассказала нам про Джонсона.

— Куда летишь?! — ругнулась она. — Шею свернёшь.

— Не сверну, — бросил я на ходу, но вдруг остановился.

Просто потому, что не знал, куда идти дальше. Мне не известны ни номер палаты, ни даже то, где сейчас мой друг? Может, он ещё в медкапсуле, или ещё хрен знает где.

— Простите. — Я обернулся к санитарке. — А вы, случайно, не знаете, куда направили моего друга? Косой такой парень моего возраста.

— Знаю, — уверенно ответила она. — На операции он сейчас.

— А что с ним случилось?

— Да кто ж его знает? Травма у него, сложная очень. Локоть он сломал.

— Как это? — удивился я. — Сам сломал?

— Этого я не знаю. Когда его привезли, он был без сознания. Так что ничего не рассказывал.

— А как долго продлится операция?

— По-разному бывает, но минут сорок, думаю, точно займёт. И это если без импланта дело обойдётся. Да ты не суетись, вон там, на скамейке посиди.

— Спасибо, — кивнул я, и в этот момент в медкорпус ввалилась Дашка.

— Где он? — сразу с порога накинулась на меня она. — Что с ним? Его вылечат?

— Вот, ещё одна. — Санитарка упёрла руки в бока. — Да ты присядь, дочка, успокойся. Отремонтируют твоего жениха. Будет лучше прежнего.

— Он мне не жених! — Подруга тут же налилась краской.

— Все они... Эх, молодость... — Санитарка махнула рукой и скрылась за дверью.

— Ничего не поняла, — помогала головой Дашка.

— Всё с ним нормально, он сейчас на операции, — успокоил подругу я. — Пойдём сядем. Всё узнаем, как его в палату переведут.

— Блин! — Дашка подскочила, едва её зад коснулся скамейки. — Надо же ещё Саньке сказать! Я сейчас!

Она выскочила на улицу и умчалась к учебному корпусу. А я остался сидеть на скамье. Мысли текли плавно, несмотря на то, что мой друг оказался в операционной капсуле. Ну а смысл нервничать и трястись, если я всё равно уже не способен повлиять на ситуацию. Мишка жив, находится под наблюдением специалистов, а значит, его выйдут и через какое-то время поставят на ноги.

Но одно не давало покоя. Я всё не мог понять: каким образом Косой на ровном месте умудрился сломать локоть? Это как нужно было упасть? Я даже со скамьи встал и попробовал прикинуть траекторию. Ну допустим, он упал на спину и попытался амортизировать падение локтем. Это гарантированный ушиб, не более. Он же не с пятого этажа летел, а с высоты собственного тела.

Тогда как? Ему где-то зажало руку? Тоже не выйдет. Таким образом скорее вывих плечевого сустава заработаешь, но никак не перелом локтя. А ведь санитарка сказала, что там ещё и имплант маячит. Выходит, травма очень серьёзная, и обычным падением такую не получить. Неужели подрался? Впрочем, ладно. Придёт в себя — сам всё расскажет.

Вскоре в медкорпус явились Дашка с Саньком. Они зачем-то вывалили на мою голову огромную кучу вопросов, на которые у меня не было ответов. О чём я им честно и заявил. Но они почему-то обиделись. Хотя бы замолчали. Первый адреналин схлынул, и теперь на них навалилась усталость. Санёк развалился на стуле, вытянув ноги на весь проход. Дашка, напротив, вся скукожилась и сидела на скамье, поджав под себя ноги. Мы ждали новостей.

Примерно через час в коридоре появилась Василиса Ивановна. Следом за ней, на электрическом приводе двигалась каталка с нашим героем. Мишка всё ещё спал, а под шиной, закрывающей чуть ли не половину руки, ничего не было видно.

— Сидите? — спросила Василиса Ивановна. — Всё с вашим другом нормально. Сделали операцию, поставили имплант. Теперь нужно ждать, когда заживёт.

— А он сам как, в порядке? — задала глупый вопрос Дашка.

— Жить будет, — кивнула доктор. — Но подвижность, скорее всего, пострадает. Для обычно жизни это не критично, но вот лётчиком ему уже не стать.

— Капец, — выдохнул Санёк. — Вся работа псу под хвост.

— А с этим можно что-то сделать? — уточнил я.

— Разве что новую руку пришить, — пожала плечами Василиса Ивановна. — Или дорогой имплант ставить. У нас, увы, варианты только бюджетные.

— Я вас понял, спасибо, — поблагодарил докторшу я. — А когда к нему можно? Ну, чтобы навестить, поговорить...

— Проснётся он не раньше, чем через час, — пожала плечами Василиса Ивановна. — Но соображать будет ещё очень туго. Наркоз — дело такое. Приходите лучше завтра, сразу после уроков. Наговориться успеете хоть до посинения.

Естественно, что до завтра мы ждать не собирались.

— Ночью, как только объявят отбой, проберёмся к нему в палату, — произнёс я, как только мы оказались на улице. — Даш, нужен слепой коридор.

— Сделаю, — без лишних вопросов согласилась она. — Как думаешь, что с ним случилось?

— Не знаю, — покачал головой я. — Но мы это выясним.

Глава 11

Глава 11.

Новые правила

— На факультатив спешил, — начал свой рассказ Мишка.

Мы стояли возле его кровати, всматриваясь в бледное лицо приятеля. Он, конечно, пытался держаться героем, но выглядело это жалко. Лицо бледное, словно восковая маска, на лбу бисеринки пота, а любое неосторожное движение вызывает боль. Это заметно по тому, как он морщится, стискивая зубы. Вот и сейчас, начав рассказ, он хотел приподняться, но вместо этого замолчал, пережидая, когда стихнет боль.

— Там время так тупо поставили, едва в туалет сходить успеваешь. Я в один сунулся, а там народа — больше чем людей... Короче, я на второй этаж бегать повадился. После уроков там обычно нет никого. Но на этот раз меня там ждали.

— Кто? — сквозь зубы прошипел я.

— Викул со своими громилами. Я даже сделать ничего не успел. Только вошёл, а он мне сразу в живот ударил. Я согнулся, Бирин меня за шею схватил, а Сысой руку выкрутил и к столешнице с раковинами прижал.

— Уроды вонючие, — не сдержался Санёк. — Трое на одного. Твари!

— Викул приблизился так и в ухо мне прошептал: «передай привет своему дружку», а потом хрясь! — и всё, очнулся я уже здесь. Боль была такая, что я сознание потерял. Он мне прям в локоть ударил, в другую сторону руку согнул. — Мишка хлюпнул носом. — Простите, пацаны, я кажись всё. Не смогу за вами дальше пойти.

— Прекрати ныть, — сухим голосом произнёс я. — Ты поправишься.

— Да, но... Василиса Ивановна сказала, что лётчиком мне теперь не быть.

— Да много она понимает, — отмахнулся я. — В истории полно прецедентов, когда люди добивались поставленной цели вопреки мнению всех окружающих. Есть такая книга, называется «Повесть о настоящем человеке». Написана очень давно, ещё в прошлом тысячелетии, но там как раз о таком человеке. Он тоже был лётчиком, а потом его самолёт подбили. Он зимой через лес полз, ноги отморозил. В то время это был приговор, и ему их ампутировали, то есть отрезали. И что думаешь, он сдался?

— Наверное, нет, раз о нём книгу написали, — предположил Мишка.

— Вот именно. Он снова сел за штурвал и продолжил летать. Кучу врагов подбил. Так что не ной, продолжай работать и всё получится. Мы тебя не бросим, поможем. Если потребуется, найдём денег на хороший имплант, и будешь как новенький.

— Правда? — Друг с надеждой уставился на меня.

— Слово тебе даю. В лепёшку расшибусь, но всё сделаю, — пообещал я. — А теперь отдыхай. Тебе поправиться для начала нужно.

— Спасибо, друзья. — На глазах приятеля навернулись слёзы. — Я за вас... Да я любому... И Викула этого...

— Лежи уже, герой. — Дашка погладила его по щеке. — Спи, отдыхай, сил набирайся.

— Вы ещё побудете?

— Не, Мих, нам пора, — отрезал Санёк. — Мы завтра ещё придём, обещаю. Тебе чего-нибудь принести?

— Да не надо... Хотя, — задумался он. — Если будет возможность, загляните к ректору по физике, пусть он мне материал скинет. Не хочу отставать.

— Вот это правильно, — одобрил я. — А теперь отдыхай.

Друг за другом мы вышмыгнули в окно и двинули к корпусу общежития. Вначале проводили Дашку, чтобы быть уверенными, что с ней ничего не случится. Произошедшее с Мишкой мы не обсуждали, но на наших лицах отобразалось всё, что мы думаем на сей счёт. Как только наша подруга исчезла в окне, мы поспешили к себе. По пути Санёк пытался поднять тему, задав закономерный вопрос:

— Что теперь делать будем? Опять несчастный случай?

— Завтра, — отрезал я. — Всё завтра, Сань. Мне нужно подумать.

Как только я оказался в кровати, тут же маякнул Дашке, чтобы она вернула камеры в рабочее состояние. А сам погрузился в тяжёлые мысли. И основная звучала примерно так: «Что изменилось?»

Не мог Викульцев ни с того ни с сего начать действовать спустя целых полгода. Он не из тех людей, кто выжидает, чтобы отомстить с холодным расчётом. Да и вряд ли он забыл наш разговор в раздевалке, а значит, точно понимает: ответ будет.

Заявил он о себе нагло, жёстко, явно провоцируя меня к действию. Но чего он ждал? Что я тут же брошусь на него с кулаками? Да, за это время я сильно вырос в боевых навыках, но тягаться с ним на равных всё равно не смогу. Он занимается дольше, тяжелее меня, превосходит в скорости и технике. В честной драке я проиграю. А значит, он должен понимать, что ответ не будет прямолинейным.

Мысли роились, насакаивая друг на друга, но во всей этой мешанине постепенно зарождался план. Сильно мешал гнев. Хотелось плюнуть на всё, подняться на четвёртый этаж и переломать этому ублюдку все кости. Бить по его кудрявой башке до тех пор, пока из ушей не потекут мозги. Но я сдерживался, постепенно превращая бушующий пожар в спокойную ледяную пустошь.

Вскоре бушующая в душе буря улеглась, и я наконец смог уснуть.

Пробуждение вышло тяжёлым, тягучим. Сигнал к побудке проникал в мозг пульсирующей болью. Даже не возьмусь сказать, на какое время мне удалось забыться: час, может быть — два. Помню лишь то, что за окном уже брезжил рассвет, а я всё ещё выстраивал схему мести.

И нет, на этот раз я не собирался действовать скрытно. Напротив, план был составлен так, что Викульцев точно поймёт, от кого прилетит удар. Максимально жёсткий и бескомпромиссный. Я сломаю этого ублюдка так же, как он поломал моего друга. Нужно лишь всё тщательно подготовить.

Санёк выглядел не лучше меня. Я слышал, как он ворочался всю ночь и тоже не мог заснуть. В туалете мы обменялись многозначительными взглядами, и я понял, что он тоже ворочался не просто так. Уверен, что и Дашка принесёт на завтрак свой план.

В столовой царил шум и суета. Мелюзга с визгом носилась друг за другом. У стойки с раздачей скопилась толкучка. Идеальное место, чтобы пообщаться на щекотливые темы. Подслушать спокойный разговор в таком гвалте голосов — это нужно постараться. Да и нет здесь шпионских устройств. Никому не сдался интернат с кучкой безродных сирот, которым требуется коррекция поведения.

Мы заняли столик в углу и первым делом набросились на еду. Сказывался стресс и бессонная ночь. Организму требовалось топливо. Дашка сосредоточенно жевала, а её взгляд был направлен куда-то в бесконечность. Под глазами залегли тёмные круги, но несмотря на это, она всё равно старалась выглядеть безупречно. Уложенные волосы, опрятная, выглаженная форма. Санёк смотрелся рядом с ней, словно пугало. Волосы торчком, бледный, движения рваные, дёрганные, на форменном комбинезоне уже появилось пятно от каши, которую он не смог донести до рта.

— Я тут подумал... — начал он. — И у меня есть предложение. Я знаю, как уничтожить этого мудака, даже пальцем его не трогая.

— Выкладывай, — кивнул я.

— Я могу уничтожить его репутацию, — выдохнул Санёк. — Человеческая психология — очень гибкая вещь, и ей можно управлять. Самого Викульцева мы не трогаем, вообще никак. Работать я буду с его окружением и общественным мнением. Схема делится на несколько слоёв. Первый: мы выпускаем информацию о том, что он со своими друзьями изувечил младшего. Напали втроём, как крысы. И это факт, который никто не сможет опровергнуть. Тем более шёпот уже пошёл, и многие в интернате знают, на что способен этот урод.

— И какой в этом смысл? — не понял захода я.

— Такой, — ухмыльнулся Санёк. — Это даёт моим словам вес. Я что-то знаю, я говорю правду. Второй слой. Мы запустим информацию на уровне слухов о том, что Викул тебя боится. Расскажем о том унижительном случае в раздевалке, когда он зассал идти с тобой на прямой конфликт. Дашка поможет в этом.

— Каким образом? — заинтересовалась подруга.

— Да всё просто. Сообразим какой-нибудь ролик, где Викульцев позорно отступает, и распространим его по школе. Это тоже правда, но она будет витать в воздухе на уровне слуха, а заодно поднимет твой авторитет. — Санёк бросил взгляд на меня. — Третий слой: снова слух, но на этот раз полностью лишённый правды. К этому моменту в теорию будут верить все, от младших классов до старшаков. Мы запускаем легенду, что это Викульцев причастен к смерти Джонсона. Он хотел занять его место, стать вожаком. Триггер как раз будет крыться в этом, мол: а вы заметили, как он быстро стал главным? Плюс, насколько мне известно, ни Бирин, ни Сысоев на допросе не были. А тебя сколько раз потом вызывали? Три, четыре?

— Три, — ответил я.

— Отлично. На этом мы и будем играть. Викульцев тебя боится, поэтому сливал тебя следствию. То есть стучал.

— Допустим, и что нам это даст?

— А здесь мы запускаем четвёртый слой. — Санёк хитро прищурился. — Начинаем игру внутри его стаи. Подкидываем периодические слухи, что он хочет подставить одного из своих. Например, того же Бирина. Накидываем информацию, что деньги, которые он вымогает у младших, оседают в его кармане, а остальным достаются крохи. На фоне всего остального это породит паранойю среди его приближённых.

— Мне нравится, — поддержала идею Дашка. — Такими темпами мы сможем выбить его из колеи в течение месяца, максимум — двух. Я со своей стороны окажу информационную поддержку. У меня есть доступ к журналам педсовета и к личным делам учеников. Изучим, найдём слабые места. Плюс могу создать различные записи с помощью нейросетей. Но такие, нечёткие, снятые или записанные якобы случайно. Кстати, у меня тоже есть план.

— Выкладывай, — попросил я.

— А с моим что? — Санёк нахмурил брови.

— Берём в работу, — усмехнулся я. — Дезориентированный противник — это хорошо.

— Ну, вообще-то, я хотела обрушить на его голову один из дронов, — смущённо произнесла Дашка.

— Нет, — отрезал я. — У меня план получше. Я хочу, чтобы он знал, с какой стороны прилетел удар. Никаких несчастных случаев. Действовать будем максимально жёстко. Через полтора месяца у нас планетарные соревнования. Проводиться будут в «Палантина-сити», в центре. Михалыч уже заявил Викульцева в старшей возрастной категории. И меня, кстати, тоже. Даш, тебе нужно достать план здания, сможешь?

— Постараюсь. — Она задумалась. — Но это очень непросто. Там стоит серьёзная защита, и без живого контакта туда не войти.

— Сань, этот вопрос на тебе. Найди кого-нибудь. Сгоняй до центра в выходные, присмотришься к людям. Нам нужен проводник.

— Сделаю, — кивнул приятель.

— Дальше, — продолжил я. — Даш, помнишь, ты говорила, что написала какой-то скрипт для визора и с ним можно видеть в темноте?

— Это не совсем так, но да, есть такой. Я его в качестве экзамена за полугодие сдавала.

— Отлично. Он мне нужен.

— Зачем?

— Потом объясню, когда у нас на руках будет план комплекса. И ещё кое-что, снова к тебе, Даш. Хотя Сань, возможно, ты тоже сможешь помочь. Я хочу знать, почему Викульцев атаковал сейчас?

— Может, потому, что он козёл? — предположил приятель.

— Ты ведь изучаешь психологию, — усмехнулся я. — Должен понимать, что козлом он был всегда. Нужно найти фактор, который повлиял на его решение. Он точно есть. Не мог Викул наброситься на Миху ни с того ни сего. Что-то в его жизни изменилось, и я хочу знать — что.

— Поняла, — кивнула Дашка. — Тем более мне всё равно придётся взламывать его соц-сети и почту.

— Я тоже закину удочки по младшему персоналу. Ну и парней тоже напрягу, чтоб слушали там, где надо.

— Добро, — поставил точку в переговорах я. — Запускайте психологический пресс, начнём выбивать у него почву из-под ног. Всё, погнажи грызть гранит науки.

Уже через пару дней стратегия Санька начала показывать первые результаты. Новость о том, что Викульцев с друзьями напали на младшекласника, распространилась по интернату со скоростью пожара. И это принесло плоды не только против нашего врага, но и сыграло на пользу другу. К нему в палату потянулась вереница паломников, желающих высказать сочувствие и показать сопереживание. Мишка перестал быть парнем, которому сломали руку. Он превратился в человека, которого «Викульцев со своими бандитами изувечил просто потому, что побоялся выйти с Горячевым один на один».

Санёк действовал тонко. Он никого ни в чём не убеждал, не спорил. Просто затрагивал нужные струны и выслушивал людей с сочувствующим видом. А потом как бы невзначай ронял фразу: «Вот-вот, он и с Джонсоном так». И замолкал, давая людям возможность додумывать самим.

Это производило эффект разорвавшейся бомбы. Слухи мгновенно обрастали новыми фактами. А потом кто-то внезапно нашёл видео во внутренней сети, где герой слухов с самодовольной рожей рассказывал, как «сладко хрустели кости у того сосунка».

Учителя и воспитатели не остались в стороне. Они попросту не могли игнорировать слухи и начали включаться в игру один за другим. И это моментально отразилось на успеваемости школьного хулигана. Нет, напрямую с ним никто не связывался, кому охота валяться в лазарете со сломанной рукой. Однако круг друзей возле персоны *pop grata* постепенно редел.

А ведь прошла всего лишь неделя.

Как-то вечером Дашка скинула мне любопытную информацию, которая в очередной раз заставила меня задуматься. Она касалась моей просьбы о Викульцеве. Наша подруга рассталась и собрала на него целый файл, где систематизировала все слабые и сильные стороны его жизни.

Лёха вырос в бедной семье. Отец работал на верфях, где разбирал списанные шаттлы. Мало того, что труд тяжёлый и грязный, он ещё и низкооплачиваемый. Да и уважения чумазый демонстражник не вызывает. А потому будущее Викульцеву светит не самое завидное. Либо учиться так, чтобы на него обратили внимание, либо идти по стопам отца.

С первым большие сложности, не просто так он загремел в интернат для трудных подростков. Проблемы с поведением у него наметились ещё в младшей школе, когда умерла мать.

Отец в воспитании сына почти не участвовал, так как пахал на сверхурочных, чтобы обеспечить ему относительно сытую жизнь.

И тогда Алексей выбрал единственно верный путь, чтобы покинуть порочный круг семьи. Он подал заявление в военную академию, в надежде найти своё место в рядах ШОК. И вот с этого момента начинаются странности.

Об умственных способностях Викульцева говорить не приходится. Там всё ясно. Если получится вытянуть средний балл в аттестате — уже хорошо. Поэтому он сделал ставку на физическую подготовку, а именно — записался в секцию единоборств. Но приёмная комиссия военной академии почему-то заморозила его заявление. Нет, ему не отказали, но и твёрдого «да» так же не прозвучало.

Однако две недели назад ему пришло уведомление, что он принят в ряды академии. И это наводило на определённые мысли. Кто-то постарался, чтобы это произошло. И вот вопрос: в обмен на что? Неужели на сломанную руку Мифона? Нет, вряд ли ему дали чёткие инструкции, в которых было прописано, что и как нужно делать. Скорее всего, он просто должен был выступить в качестве триггера для меня. А путь, по которому он пошёл, — исключительно его выбор.

Но всё это навело меня на определённые мысли. Я сопоставил полученную информацию с той, которой уже владел. И вывод напрашивался неутешительный: мы точно находимся под контролем полковника Исаева. Возможно, даже Джонсон со своей схемой вымогательства появился не сам по себе. Да, всё это притянута за уши и выстроено исключительно на гипотезах, вот только зерно истины в них точно есть. Нас провоцируют и ждут ответных действий. Хотят понять, что мы из себя представляем. Игра перешла на новый уровень.

Незаметно пришли выходные. Санёк слился в город, выстраивать мостик с обслуживающим персоналом «Палантина-сити». Это строение представляло собой небольшой город с развлекательной инфраструктурой на любой возраст и кошелёк. Собственно по этой причине и носило такое название. Здесь имелись и аттракционы, и кинотеатры, и фудкорт, а также огромный фитнес-центр с тремя бассейнами, спортивными и тренажёрными залами. В одном из них и будет проводиться ежегодное состязание по смешанным единоборствам.

Естественно, народу в обслуживании такого огромного строения работало немало. И среди всего этого месива другу предстояло отыскать того единственного человека, через которого мы сможем проникнуть во внутреннюю систему комплекса.

Вернулся он под вечер, уставший, но довольный.

Покинув общагу, мы отправились в слепую зону интерната, которую нам заботливо организовала Дашка. Для всех остальных мы просто гуляли по территории, но на самом деле у нас кипела работа. Санёк не стал рассказывать то, что он проделал, а просто дал нам доступ к буферной памяти визора, чтобы мы воочию смогли оценить его таланты.

Он явился к «Палантина-сити» ближе к обеду и первым делом отправился в зону фудкорта. Некоторое время бродил, оценивая меню и стоимость обеда. Выбрал несколько бюджетных вариантов и, усевшись за столик со стаканом лимонада, принялся наблюдать.

В течение часа в кафе начали забредать работники развлекательного комплекса. Да, большую часть профессий человечество уже давно отдало на волю автоматизации. Уборкой занимались роботы, тяжести переносили тоже машины, они же выдавали еду, а во многих заведениях даже готовили. Но всё равно без присмотра живого человека система работать не может. Случаются казусы, программные ошибки... да и от замыканий в сети никто не застрахован. А потому основной обслуживающий персонал подобных строений носил гордое звание

«техники». Эти люди занимались всем, начиная от проводки и заканчивая проблемами с зависанием программ на всём многообразии терминалов.

Седого техника Санёк заметил почти сразу. Даже не знаю, чем он так зацепил моего друга, но тот буквально не сводил с него глаз. Судя по внешнему виду, этот мужик был одиноким человеком. С коллегами почти не общался, разве что короткими фразами. Но главное, обедать он пришёл в гордом одиночестве. В то время как другие техники делали это небольшими группами по пять-шесть человек.

Его обед был скромным, под стать самому технику. Покончив с ним, он снова отправился на свой пост, где стал ковыряться с какими-то проводами. Санёк плотно сел ему на хвост и какое-то время наблюдал за его действиями. Ловил разговоры, то, как он отвечает на просьбы, как реагирует на приказы начальства. На контакт друг решился спустя четыре часа слежки.

Он подошёл к технику скромно и, не побоюсь этого слова, заискивающе.

— Добрый день, — произнёс Саня, замерев в паре метров от техника. — Сложная у вас работа.

— Да уж непростая, — проскрипел тот. — Тебе чего, малец?

— Да я так, посмотреть, — вздохнул Саня. — Мой отец тоже техником работал.

И здесь он не врал. Его батя действительно был техником, и очень хорошим, пока его не завалило в одной из шахт.

— А почему был? Уволили его, что ли? Чёртовы корпораты... — едва слышно выругался старик.

— Погиб. В шахте завалило, когда он вагонетку чинил.

— Ясно, — вздохнул старик, но его взгляд сразу изменился. — Так ко мне-то ты чего пришёл? Сломалось что?

— Да нет... — Санёк явно изобразил смущение, это было слышно по голосу. — Так я батю вспомнил, когда вас за работой увидел. Что, поломойка сломалась?

— Да её уже давно на списание пора, — буркнул техник. — Я в ней, считай, раз в неделю строго ковыряюсь.

— Поня-а-атно, — протянул приятель. — Я вас вот о чём попросить хотел...

— Да ты говори, пацан, не стесняйся, — окончательное оторвался от дела техник.

— Ну, я даже не знаю... вы мне, наверное, откажете.

— Ну? А чём дело-то?

— Да у меня друг... он, в общем, спортсмен. Мы с ним из интерната. А скоро соревнования. Он меня попросил зал посмотреть, где бои проходить будут.

— Так, — кивнул техник. — И в чём проблема-то?

— Ну, меня туда не пускают, — заканючил Санёк. — Говорят, что без абонеента нельзя. А я где им его возьму? Вы видели, сколько он стоит? А друг первый раз выступать будет, волнуется очень. Хотел на помещение посмотреть, на свет, на то, где зрительские места расположены.

— Чёртовы корпораты, — снова выругался старик. — Всё бы им только деньги считать! Пойдём, проведу тебя тайными тропами.

Техник поднялся, вытер руки о штаны и, подмигнув Саньку, повёл его в сторону служебного хода.

А дальше я получил то, чего хотел от Дашки. Чёткое расположение помещений, в том числе и технических. Раздевалки, душевые, коридоры, все повороты плюс даже количество шагов между дверями. Это было сродни тому, чтобы найти самородок палладия величиной с кулак.

— Ну Саня, ну ты красавчик вообще! — похвалил приятеля я. — Значит так: контакт не теряй, бери его в разработку. Нам всё ещё нужно получить доступ системе. Меня интересует вторая раздевалка, та, из которой выход сразу в спортзал. Скорее всего, мы будем именно там.

— Будем что? — уточнил Саня.

— Наказывать Викульцева. Даш, если получишь доступ к системе, сможешь отключить в ней весь свет. Вообще весь, чтобы она в полную темноту погрузилась. Камер там нет, они запрещены законом, так что это идеальное место. Кстати, что с тем скриптом, который позволяет видеть в темноте?

— Почти готов, — ответила Дашка. — Но я его под свои нейроны настраивала, нужно будет кое-что переделать под тебя.

— Да хоть прям сейчас.

— Кость, я и так с ним по ночам работаю. Потерпи. До соревнований ещё полтора месяца. Всё успеем.

— Ладно, не тороплю, — не стал давить я. — Сань, завтра дуй опять в центр. Налаживай контакт. Узнай, как его зовут, вотрись в доверие. Даш, тебе нужно подумать, как спрятать код, который поможет проникнуть в систему.

— Да что там думать? — пожала плечами она. — Спрячу его в видеофайле. Пусть Саня похвалится, какой у него крутой друг-боец.

— Хорошо, работаем. Сань, когда приступим к третьему слою слухов?

— Думаю, на следующей неделе уже можно запускать. Нужно ещё одну аудиозапись слить, чтобы наверняка закрепить усвоенный материал. Ты лучше скажи нам, что ты задумал?

— Я ещё не окончательно всё сформировал, — отмахнулся я. — Я ещё отсмотрю материал, прикину, что к чему. Потом всё скажу. На сегодня хватит, давайте отдыхать. У нас, как никак, выходной.

Глава 12

Глава 12.

Настройки и проверки

По уже устоявшейся традиции, после завтрака мы первым делом завалились в палату к Мишке. Выглядел он сейчас гораздо лучше. Мы застали его с глуповатой улыбкой на роже, которую он тут же поспешил сменить на многострадальную маску.

— Привет, — поздоровался он. — А тут от скуки уже с ума схожу.

— Ага, мы заметили, — хмыкнул Санёк. — От тебя только что толпа девчонок вывалилась. О-очень скучно было, верим.

— Да ну их, — смущённо отмахнулся приятель. — Прилипалы. Ещё и целовать лезут. Всю морду облизывали. Фу, мерзость.

— Какой же ты всё-таки придурок! — внезапно агрессивно отреагировала Дашка.

Её лицо налилось краской. Развернувшись на каблуках, она нервно выскочила за дверь, оставив нас в полном недоумении.

— Чего это она? — Мишка растерянно посмотрел на нас. — Я же ей ничего даже не сказал.

— Эх ты. — Санёк ощерился и, усевшись на край кровати, приложил ладонью приятеля по ноге. — Ничего-то ты не замечаешь. Нравишься ты ей.

— Кому? — Приятель ошалел ещё больше.

— Мне! — выдал Санёк и расхохотался в голос.

— Ой, да иди ты в жопу, — огрызнулся Мишка. — Сочиняешь всякую ерунду.

— Я сейчас, — бросил я и поспешил за подругой.

Её я обнаружил у входа в медкорпус, на скамье. Совсем она не ушла, но и возвращаться не спешила. Видимо, сама до конца не поняла, отчего психанула, и теперь пыталась собрать мысли и проанализировать своё поведение.

— Даш, — окликнул подругу я. — Не злись на него.

— Да я не... — начала было она, но осеклась на полуслове. — Да ну его на фиг, дурака! Мы к нему... А он... Можно я здесь посижу?

— Я бы хотел, чтобы ты присутствовала. — Я почесал переносицу. — У нас проблема наметилась.

— Серьёзная? — Она с надеждой посмотрела на меня.

— От неё зависит весь план, — ответил я, не озвучивая ничего конкретного.

— Пф-ф-ф, — вздохнула Дашка и почему-то снова покраснела. — Ладно. Но если этот мне хоть слово скажет...

— Не скажет, — пообещал я.

— Хорошо, дай мне минутку, — попросила подруга. — Сейчас подойду.

Я молча кивнул и вернулся в здание. Миновал коридор, ввалился в палату и застал обоих приятелей за диким хохотом. Мишка даже выступившие слёзы вытирал, промакивая их краем пододеяльника.

— Я ему рассказывал, как мы видео с тобой и Викулом в сеть слили. Ну и о последствиях немного, — доложил Санёк.

— Кстати, о последствиях, — совершенно спокойным голосом произнёс я и посмотрел на Мишку. — Сейчас Дашка вернётся, не вздумай что-нибудь ляпнуть.

— Да я чё? Я вообще молчу, — продолжая лыбиться, буркнул приятель.

— В общем, у нас проблема, — заявил я, когда молчаливая, смущённая своей недавней выходкой Дашка прошмыгнула в палату. — До Михалыча дошли слухи о том, что он тебя

покалечил. Короче, завтра, когда Викул вернётся с выходных, тренер объявит, что в секции ему больше не место. Теперь наш план с соревнованиями неактуален. У кого какие идеи?

— Опа, — нахмурился Санёк. — Кажется, мы переиграли сами себя. Может, как-то получится спустить всё на тормозах? Мы можем остановить процесс, третий слой слухов мы пока не запускали.

— Нет, — покачал головой я. — Работаем, как работали. Исправить уже всё равно ничего нельзя, будем подстраиваться под обстоятельства.

— М-да, задача... — Мишка почесал макушку.

— А вы правила чемпионата читали? — подала голос Дашка, и мы все зафиксировали внимание на ней. — Просто там ничего не сказано о секциях или школах. Заявки принимаются от всех участников, получивших допуск от медицинской комиссии.

— Хочешь сказать, что ему не обязательно при этом быть с тренером? Михалыч ведь может снять или заменить его кандидатуру.

— Может, — кивнула подруга. — Но Викульцев может самостоятельно заявиться на участие в чемпионате. Правилами это не запрещено. Хотя нет, стоп. — Её взгляд остановился, изучая информацию в визоре. — Вот есть сноска: несовершеннолетним требуется письменное разрешение наставника или родителя. В любом случае выход есть.

— Согласен. — Я задумался. — Как нам донести эту информацию до Викульцева?

— Да легко, — пожал плечами подруга. — Я смогу бросить ему исчезающее сообщение.

— Это как? — тут же заинтересовался Санёк.

— Направлю его со школьного сервера, и как только он его прочитает и свернёт, специальный скрипт удалит его и почистит логи. Для Викульцева оно вообще будет выглядеть как от неизвестного отправителя.

— И ты так любому сможешь? — продолжил допытываться Санёк.

— Ну естественно, — подтвердила Дашка. — А тебе зачем?

— Смотрите. — Приятель аж подался вперёд и перешёл на заговорщицкий тон. — На Мишку напали трое: Викул, Сысой и Бирин, так?

— Ну, — ответил за всех Мишка.

— Архипова с ними не было. — Саня хитро прищурился. — А значит, он либо не поддержал эту идею, либо они не взяли его с собой по другой причине. В любом случае его можно сделать целью.

— Я ничего не понял, — помотал головой Мишка. — Целью для чего?

— Выбить его из банды, — пояснил Санёк. — Дашка скинет ему сообщение типа: «У Викула проблемы, и он хочет повесить всё на тебя». Ну или что-то в этом духе. Нужно закинуть в его голову сомнение по поводу адекватности босса. Заставить его уйти.

— Идея хорошая, проработайте, — кивнул я. — Даш, ты тогда займись правилами чемпионата. Сделай скрины нужных мест и прикрепи их к анонимке. Сань, ты сможешь как-то повлиять на Михалыча, чтобы он вместо Викула Архипова на чемпионат записал? Боюсь, Бирин с Сысоем сегодня вечером тоже из секции вылетят.

— Идея хороша. — Приятель хищно оскалился. — Столкнём их лбами и посмотрим, что из этого выйдет.

— Так сможешь?

— Не знаю, — честно признался он. — Это не так просто. Я, конечно, изучал технику когнитивного программирования, но ещё ни разу её не испытывал. Нужно сделать так, чтобы Архипов в течение всего дня попадался на глаза тренеру. В виде имени, лично, в каких-то сообщениях... Может, кто-то о нём вопросы чтобы задавал. Короче, сделать так, чтобы тренер подсознательно сделал выбор в его пользу.

— Я смогу в журнале его имя другим шрифтом вписать, — предложила Дашка. — Тогда он весь день будет у всего педсостава на языке. Можно будет даже пару ложных вызовов организовать, чтобы они в коридоре столкнулись.

— Подходит, — кивнул Санёк. — Я со своей стороны тоже что-нибудь запущу. Может, разговоры какие об Архипе, или ещё чего. Нужно его фотку на голографическую панель у спортзала повесить, что-то типа шутки устроить, с приколом. Такие вещи хорошо в голове откладываются.

— Рискованно, — отмела вариант Дашка. — Могут начать проверки в системе безопасности. Лучше не лезть на глаза так нагло.

— Согласен, — кивнул я. — Я попробую тренеру косвенно на Архипа намекнуть. Ладно, работаем. Сань, не забудь: у тебя сегодня ещё контакт с техником.

— Успею, — отмахнулся приятель.

Мишка слушал нас и с каждой минутой становился всё мрачнее. И это не ускользнуло от моего внимания.

— Дружище, а ты чего такой кислый?! — спросил его я.

— Да ну, — поморщился он. — Лежу здесь, как этот... А вы вон чего. Так круто всё придумали, аж завидно.

— Не ссы, — прихлопнул его Санёк. — Будет и на твоей улице праздник.

Несмотря на то, что сегодня был выходной, время утекало сквозь пальцы, как вода. Мы взвалили на себя такую кучу обязанностей, что едва успевали за всем уследить. Дашка даже таблицу создала, в которой мы могли отмечать уже реализованные этапы, чтобы не запутаться. Помогало здорово.

Её системный подход к любому делу вообще очень сильно нас выручал. На данном этапе жизни она стала незаменимым членом команды. Даже не знаю, чтобы мы без неё делали бы. Наверняка до сих пор возились бы с Джонсоном.

Ближе к вечеру я убежал на тренировку. Война войной, а к соревнованиям готовиться нужно. Тем более они у меня впервые, и я очень хотел победить. Да и Михалыч говорил, что у меня на это есть все шансы. По крайней мере в нашей секции, среди моего возраста, все спарринги оставались за мной. Со старшими, конечно, все выглядело иначе, однако двух парней, которые учились на два класса выше, я всё-таки умудрился отделать. Дальше — потолок. Слишком велика была разница в массе и физической силе.

Сегодня занимались в меньшинстве, так как на выходные многие ребята разъехались по домам. Остались только те, кто проживал в интернате на постоянной основе. Михалыч был крайне задумчив, а иногда вообще выпадал из жизни, витая где-то далеко. Было заметно, что он переживает. Как ни крути, а именно его воспитанники нанесли травму младшему ученику. И, скорее всего, проблемы из-за этого у него тоже будут.

Этот фактор я не учёл, когда позволил Саньку начать информационную войну. Не думал я, что рикошетом может зацепить других людей, лишь косвенно причастных к случившемуся. Впрочем, откатывать я тоже ничего не собирался, о чём честно и заявил друзьям.

С другой стороны, неужели тренер не знал о том, что творит Джонсон с друзьями? Само собой, это не так. И только сейчас, когда ситуация получила резонанс, у него вдруг проснулась совесть. Нет, часть вины также лежит на нём. Пусть впредь тщательнее фильтрует тех, кто желает учиться драться.

Несмотря на тяжёлые мысли, свою программу я отработал от и до, и даже немного сверху накинул. Как всегда, доведя организм до предела, заставил его перешагнуть барьер и сделать

чуть больше, чем требовалось. Так же, по привычке, принял контрастный душ, чтобы немного взбодриться. Переделся в чистое и вышел на улицу.

Дневная жара постепенно спадала, уступая место вечерней прохладе. Я немного постоял у входа в спортивный комплекс и неспешной походкой отправился в общежитие. Примерно через час мы собирались устроить первую репетицию нашего представления.

Дашка должна была сделать расчёты коридоров и раздевалки. Я планировал воссоздать эти помещения (схематично, конечно) и проверить, сколько времени мне потребуется на то, чтобы подобраться к Викулу, нанести ему травму и вернуться обратно к шкафчику.

В идеале, нам бы ещё в реальности попробовать. Нет, не сам рывок и удар, а выключение света в «Палантина-сити». Там наверняка есть аварийное освещение, плюс генераторы. Хочется понимать, как отреагирует система в подобной ситуации и сколько времени она мне даст? Понятно, что действовать придётся быстро, но лучше знать точно, чем облапошиться в самый ответственный момент. Представляю, как будут выглядеть рожи окружающих, когда включится аварийное освещение и застанет меня за тем, как я ломаю руку другому бойцу.

Кстати, надо бы поинтересоваться, какой срок мне светит за тяжкие телесные.

Над головой прошуршал дрон. Заметив меня, он немного замедлился, чтобы считать данные с моего чипа. Убедившись, что я не посторонний, он упорхал дальше, на плановый облёт территории. А я остановился, почуяв пристальный взгляд в спину.

Так бывает, когда идёшь себе спокойно, и вдруг словно затылком ощущаешь, что на тебя кто-то смотрит. Остановившись, я обернулся и встретился взглядом с Викульцевым. Он уже вернулся с увольнительной и, судя по выражению лица, уже всё знал. И то, что тренер завтра выпрет его из секции, и то, чьих рук это дело.

— Ты! — прошипел он. — Я знаю, это всё ты, пададь!

Кудрявый прямой наводкой двинулся ко мне. Мне оставалось всего с десяток шагов, чтобы прошмыгнуть в дверь общежития и оказаться в безопасности. Но я не сдвинулся с места. Плевать. Даже если я проиграю в драке, отступить я не стану.

Когда Викульцеву оставалось до меня всего пару шагов, он резко ускорился и атаковал. Прыгнул вперёд, выставив перед собой колено. Попади он мне в грудь — всё, бой можно считать законченным. Дыхание собьётся, а я превращусь в грушу. Блокировать такой выпад тоже смысла нет, слишком велика разница в росте и массе. Он всё равно собьёт меня с ног. По этому я принял единственно верное решение: шагнул навстречу и сместился немного вправо. Ровно на столько, чтобы пропустить атаку мимо себя всего на пару сантиметров. И как только тело противника поравнялось с моим, выбросил вперёд руки, просто отталкивая соперника от себя.

Человеческое тело не приспособлено к тому, чтобы управлять полётом, и Викульцев предсказуемо полетел на землю. Однако координация движений у него была на высшем уровне. Иначе тренер бы ни за что не заявил его на соревнования. Вместо того, чтобы нелепо растянуться на газоне, кудрявый ушёл в перекат и в следующее мгновение уже стоял на ногах. И всё же на исполнение этого кульбита ему потребовалось время, которое я не стал растрчивать даром.

Пока противник перекатывался через спину, я сорвался с места, сокращая дистанцию. А когда он выходил из кувырка, атаковал его боковым ударом ноги в лицо. Удар прилетел точно в ухо, но сильного вреда не причинил. Викульцев спокойно стерпел боль, распрямился и нанёс мне сокрушительный удар в голову левой. Меня повело. Из глаз брызнули искры, а изображение на секунду поплыло. Однако второй боковой, с правой я успешно заблокировал, прикрыв голову локтем.

В отличие от кудрявого, я только что вернулся с тренировки. Моё тело было разогретым, хоть и усталым, и всё же готовым к схватке. А потому я быстро сорвал дистанцию, поднырнул под очередной выпад и оказался за спиной у противника. Пнул его под колено, заставляя при-

пасть, и тут же сунул кулаком в уже отбитое ухо. На этот раз удар вышел очень жёстким. Хрящ не выдержал и сломался, а по щеке старшеклассника потекла кровь.

Но он не был бы собой, если бы тут же сдался. Да и чего греха таить, боец он хороший. Я не видел в деле Джонсона, не довелось. Но что-то мне подсказывает: в честном бою Викул бы его уделал. Скорее всего, Джонсон и фаворитом считался только потому, что его папаша занимал высокий пост в корпорации.

Кудрявый быстро разорвал дистанцию. Его взгляд сделался сосредоточенным. Он больше не рвался в бой бездумно, на эмоциях, а предпочёл играть по правилам техники. Я меньше ростом и слабее физически, плюс уступаю по весу. А потому вполне логично начать расстреливать меня издали. Что и принял за основную тактику Викульцев.

Первый лоу-кик я пропустил. Опорную ногу тут же свело болью. Стиснув зубы, я отступил, глядя на противника поверх кулаков. Второй выпад прошёл мимо. Мне удалось прочесть намерения и отступить. Была надежда, что Викульцев провалится, но нет, поняв, что удар идёт мимо, он лишь сменил стойку на левостороннюю и тут же отогнал меня молниеносной двойкой прямых.

Пришлось отступить, чтобы не угодить под эти ядра. Любая моя попытка сорвать дистанцию наткнулась на контратаку ногами. Здесь нужно либо жертвовать собой, чтобы перейти в борьбу, либо ждать ошибки. С другой стороны, не будем же мы вечно танцевать друг против друга. Рано или поздно кто-то должен начать развивать бой, а иначе в нём нет никакого смысла.

И противник дёрнулся. Выстрелил прямым ударом ноги, метаясь мне в грудь, и тут же, срывая дистанцию, добавил молниеносную двойку в голову. Самая классическая связка и, надо признать, очень быстрая. Не проводи я в зале эти полгода, сейчас бы уже корчился на тротуаре, заливая его кровавыми соплями.

Но я сумел предугадать его манёвр и выстроил контратаку.

Снова уклонился от удара ногой, но на этот раз не просто ушёл в сторону, а шагнул чуть вперёд и вонзил ему локоть прямо бедро. Я уже попадал на такой приём и даже при шадящем варианте удара боль адская. Мышцы буквально сводит, и нога превращается в непослушный протез.

Это и случилось с Викулом. Он даже второй удар из запланированной двойки руками до конца не довёл. Первый я сбил в сторону, поставив блок, а второй попросту проигнорировал. И это дало мне возможность подобраться к нему вплотную.

О большем я и мечтать не мог.

Что было сил, я выстрелил ему правой в челюсть. Короткий удар, рука словно рычаг, при этом тело толкает опорная нога, чтобы участвовала вся масса тела.

Тычок вышел настолько плотным, что у меня заныли кости. Викула повело. Он сделал шаг назад, глаза подёрнулись пеленой. Нужно добивать, пока есть шанс. И я выпрыгнул ему навстречу, метаясь локтем в переносицу. Если попаду, бой будет окончен.

Но нет, противник успел отреагировать. Мне всё ещё не доставало сил, чтобы уложить такого кабана. Когда в его взгляде промелькнула ясность, я понял, что совершил ошибку, посчитав своё попадание нокдауном. Добивать было рано.

Викул встретил меня пушечным ударом в живот. Плюс в этот момент я находился в полёте, разгоняя массу инерцией. В итоге нарвался на очень жёсткий ответ. Каким бы упёртым я ни был, как бы ни крепился, стерпеть такую боль невозможно. Мозг просто поверг моё сознание в шок. Я даже не почувствовал момент падения, но всё же успел сгруппироваться и свернуться калачиком.

И это спасло меня от окончательно поражения. На меня посыпался град ударов ногами. Викульцев не думал о чести и правилах, пытаясь натурально втоптать меня в тротуар. Он лупил футбольными пинками и накидывал пяткой по рёбрам.

Если бы не интенсивные тренировки, примерно на третьем выпаде я бы закончился. Но Михалыч учил не только приёмам, которые применимы лишь в зале или на ринге. Он также вбивал в нас науку уличных драк, в том числе и вот о таком бесчестном добивании противника ногами.

Постепенно мозги прочистились от тумана боли, и я осознал себя лежащим. Пару ударов я уже пропустил, и, скорее всего, именно благодаря им сознание включилось в надежде, что его владелец сможет защитить тело от смерти. То, что я сделал дальше, было скорее проявлением рефлексов. Потому как я даже не думал о сопротивлении, только о глухой обороне. Но когда ты ежедневно посещаешь тренировки и до отключения мозга повторяешь один и тот же удар тысячи раз, тело начинает работать самостоятельно.

Очередной удар в живот я пропустил, но уже намеренно. Мало того, я ещё и тело вперёд выбросил, чтобы не дать противнику вложить всю энергию размаха. А как только нога врезалась в тело, обхватил её, продолжая давить и двигаясь на противника. Каким бы амбалом он ни был, биомеханика одинакова у всех, и Викульцев не стал исключением. Равновесие он потерял. К тому же гнев и ощущение близкой победы затмили ему разум. Иначе я ничем не могу объяснить данный способ добивания. Любой более-менее опытный боец знает: лучше лечь, навалиться всей массой на поверженного противника и вбивать в его рожу кулак до полной отключки. В любом другом случае всегда есть шанс.

Нелепо взмахнув руками, Викульцев полетел на тротуар. И на этот раз его падение не было контролируемым. Как щёлкнул его затылок о брусчатку, наверняка слышали даже внутри общежития. И такое приземление, пожалуй, даже опаснее, чем перелом локтевого сустава. С основанием черепа шутки плохи.

Но в тот момент я об этом не думал, а как был, так и перекатился поближе к его наглой кудрявой роже, в которую и принялся накидывать удар за ударом. Вначале кулаками, а затем ещё и с локтя пару раз приложил. Только поняв, что бью уже бессознательное тело, я заставил себя остановиться.

Тяжело, буквально из последних остатков сил, я отвалился от противника и развалился у входа в общагу, раскидав руки по сторонам. Я победил. И от осознания этого на меня навалилась такая слабость, что едва удавалось заставлять себя дышать. Вокруг нарастал гомон голо-сов, кто-то закричал: «Убили!», а затем меня начали тормозить...

Глава 13

Глава 13.

Интерлюдия 3

Кабинет был заполнен кучей отчётов, фотографий и видеофайлов, которые парили в воздухе в виде голографических проекций. У стола расположился Михеев и с горящими глазами докладывал о том, что ему удалось нарыть.

— Уверяю, тащ полковник, это не случайность, а настоящая система. Понятия не имею, кто всем этим руководит, но он определённо гений. Вот смотрите. — Майор махнул рукой, и к начальнику подлетело несколько документов. — Вот заключение криминалистов. Здесь всё чётко прописано: несчастный случай ввиду халатности персонала. Но... Я копнул чуть глубже. Смотрите.

— И что я должен здесь увидеть? — Тем не менее полковник внимательно посмотрел на фотографию датчика, который перекрывал жирный мазок навоза.

— Датчик наполнения кормушки кто-то намеренно замазал страусиным дерьмом.

— И что? Может, это сам страус?

— Этого просто не может быть. Во-первых, его помёт сухой, по консистенции больше напоминает пластилин или глину для лепки. Его кто-то размочил, прежде чем замазать глазок.

— Допустим, — кивнул Исаев и смахнул фотографию.

— Дальше смотрите сюда. — Михеев поманил следующий файл. На этот раз им оказался фрагмент видео, где пострадавший бьёт ногой по калитке.

— Я уже сотню раз это видел.

— А вы смотрите внимательнее, — вежливо улыбнулся майор.

— Михеев, драть твою галактику! Я тебе что, в угадку здесь играть должен?

— Смотрите под ноги, — посоветовал тот.

— Что это? — Полковник наморщил лоб, заметив небольшой фрагмент, который появился на видео уже после удара по створке.

— Не знаю, — пожал плечами Михеев. — Но могу предположить, что это кусок какого-то пластика. Возможно, оторванного от сэндвич-панели. Кто-то подложил его между магнитным замком и створкой, тем самым ослабив прижимную силу. И пока все суетились вокруг жертвы, явился дрон-уборщик и замёл следы. Боюсь, теперь, спустя полгода, мы об этом уже не узнаем. Дальше...

Майор подвёл к начальнику очередной видеофайл, но на этот раз на нём ничего не происходило. Просто вид с камеры на пустое пространство перед ней. Здесь Михеев не стал включать умника и просить полковника отыскать нестыковки, а сразу пустился в объяснения.

— Виде снято за двое суток до случившегося. Естественно, следствие даже не попыталось обратиться к прошлому. Это моя личная инициатива.

— Это ты так премию выпрашиваешь?

— Было бы неплохо, — улыбнулся майор, но, встретившись с суровым взглядом начальника, тут же состроил серьёзный вид. — Вот сейчас смотрите на птицу.

Полковник сосредоточился и приметил, как изображение словно вздрогнуло. А затем перевёл вопросительный взгляд на подчинённого.

— Я тоже вначале подумал, что это какой-то сбой, — поспешил объяснить Михеев. — Но это не так. Кто-то намерено подложил зацикленную запись, чтобы что-то сделать. Я полагаю, что именно в этот момент кто-то замазал дерьмом датчик наполнения кормушки.

— Так... — Полковник откинулся на спинку кресла, сцепив руки на груди. — Думаешь это наши подопечные?

— Сомневаюсь, что это был кто-то из работников. А исходя из этого документа, — Михеев снова подтянул к столу одно из голографических изображений, — Горячев, Замотаев и Литвинов отбывали трудовое наказание в сельскохозяйственном секторе. По камерам также видно, что к ним каждый вечер являлась Дарья Пересветова. К слову, девчонка очень успешно изучает языки программирования.

— Любопытно, — криво ухмыльнулся Исаев. — Выходит, наш Горячев устроил своему врагу несчастный случай прямо у нас под носом, а мы при всём желании не сможем это доказать?

— В суде — точно нет, — заверил Михеев. — Но вы же понимаете, что дыма без огня не бывает. А теперь по недавнему происшествию: драка подопечного со вторым триггером. Накануне в интернате снова произошло ЧП. Литвинов получил серьёзную травму локтевого сустава. Сам он ни в чём не признался, но... Спустя всего двое суток в интернате начал разгораться пожар слухов, в которых виновником произошедшего выставили некоего Викульцева. Это наш триггер два.

— Я в курсе, кто это.

— Так вот, — не обращая внимания на замечание, продолжил майор. — Это были не просто слухи, а целенаправленная информационная война. Честно говоря, я не знаю, на что рассчитывали наши подопечные, но результат их действий явно превзошёл их ожидания. Главного злодея интерната затравили толпой. Учителя начали занижать оценки успеваемости, а накануне планетарных соревнований по смешанным единоборствам его отчислили из секции. Также начали ходить слухи, что это он причастен к смерти бывшего главаря школьной банды, Джонсона. Это заставило меня пересмотреть материалы по делу о несчастном случае.

— Не понял? — Исаев уставился на майора. — Так это Горячев всё устроил или Викульцев?

— Точно не Викульцев, — покачал головой Михеев и подтянул к полковнику очередной видеофайл. — Вот здесь видно, что на момент сбоя камер наблюдения у клетки со страусом наш триггер два спокойно сидит у себя в общежитии. Но всё это сделано не для того, чтобы навести на него подозрения. Это тонкая психологическая игра. Им удалось поместить Викульцева в изолированную среду. От него отвернулись все: учителя, наставники, друзья. Они обезоружили его и лишили поддержки, превратили страх перед хулиганом в презрение. Своими действиями они попросту уничтожили наш триггер, превратив его в пустое место.

— Волчата, — криво ухмыльнулся Исаев. — Продолжай.

— Я проверил и перечитал доклады от наших людей внутри системы. Все они заявляют, что слухи появлялись внезапно, один за другим, подтверждались видео- и аудиофайлами, при этом не все из них фейковые. Нашим подопечным удалось разработать схему информационной атаки всего за неделю. Каждый слух, каждая сплетня били точно в цель. Это, скажу я вам, высший пилотаж. Даже у нас на разработку подобного уходят месяцы.

— Ну ты не ровняй жопу с пальцем, — небрежно отмахнулся полковник. — Мы сейчас говорим о школьниках, а не о внутренних войнах корпораций.

— Однако вы сами видите: уровень у них очень серьёзный, даже для школьников.

— И не поспоришь, — кивнул Исаев.

— Теперь — драка. — Михеев приблизил следующее изображение и запустил видео.

Бой был коротким, но очень жёстким. Эти двое дрались так, словно от победы зависела сама жизнь. Полковник несколько раз перематывал видео к началу, внимательно рассматривая каждое движение, каждый выпад. И ему определённо нравилось то, что он увидел.

— А он сильно вырос, — не удержался от комментария Исаев. — Смотри, как расчётливо подбил ему ногу и атаковал в подбородок. Будь он чуточку старше, этот Викульцев сейчас бы уже лежал.

— Это ещё не всё, — покачал головой майор. — Не знаю, что они задумали, но Замотаев был замечен в развлекательном центре «Палантина-сити». И он явно ошивался там не просто так. На камерах видно, что он завязал отношения с одним из техников. Подозреваю, что их целью является внутренняя система безопасности. Но я ума не приложу: зачем им это нужно? Они что, собираются саботировать соревнования? Так в этом нет смысла, так как Горячев заявлен в качестве участника.

— А кто ещё был заявлен? — уточнил полковник.

— Порядка шестидесяти участников от разных школ и интернатов.

— Нет, кто ещё из их школы?

— А, вы об этом. Вот список. — Михеев толкнул нужный документ к столу начальства.

— А это что? — Исаев указал на пустые места.

— Тренер школы снял с участия кандидатов в качестве дисциплинарного наказания. Там находились Викульцев, Бирин и Сысоев. Все трое вылетели из секции единоборств и из списка участников соответственно.

— Вот тебе и ответ, — усмехнулся полковник. — Они не соревнования саботировали, они готовили план наказания. Приставь пригляд за этими Бириним и Сысоевым. Что-то мне подсказывает, Горячев с ними ещё не закончил.

— Уже, — кивнул майор. — Но у меня другой вопрос: что дальше? Судя по всему, вы оказались правы, и этот Горячев действительно уникал. Какие наши дальнейшие действия на его счёт?

— Медицинские данные у нас?

— С первых дней пребывания подопечных в интернате.

— Хорошо, готовьте лабораторию. Насколько мне известно, после чемпионата во всех учебных заведениях объявляют день открытых дверей.

— Есть такое.

— Вот и отлично. Направь в «Зверинец» вербовщиков.

— Есть, — кивнул Михеев.

— Ладно, что там ещё у тебя?

— Теперь неприятные новости, — объявил майор, хотя в лице не изменился. — Корпорация «Рудкофф» забросила в «Зверинец» крота. Как вы знаете, по делу о несчастном случае козлом отпущения сделали инженера по технике безопасности. На его место недавно в интернат явился новый кандидат. Мои люди пробрили его, и ниточки тянутся к рудокопам. Думаю, имеет место промышленный шпионаж. Они давно копают под наши разработки.

— Пусть копают, — отмахнулся Исаев. — Здесь они ничего не найдут. Основные испытания проходят на Монолите. Ладно, присматривайте за ними. Если потребуется — закиньте какую-нибудь дезу. У нас ведь есть заготовки?

— Естественно.

— Иди, работай.

— Слушаюсь, тащ полковник, — козырнул Михеев и не удержался от шутки: — Так что там насчёт премии?

— Я тебе сейчас выпишу, — хищно оскалился Исаев, и его шрам побелел. — Мало не покажется.

Глава 14

Глава 14.

Пересмотр дела

Я сидел на кушетке в ожидании своей очереди, так как медицинская капсула сейчас была занята моим врагом. Я наградил его сотрясением третьей степени, трещиной в челюсти, переломом хрящей уха и носа, а также лишил парочки зубов. Впрочем, у меня без последствий тоже не обошлось. Правая рука распухла так, что я не мог сжать пальцы. Сейчас они напоминали колбаски, которые нам дают на обед по четвергам. В районе диафрагмы, на груди, налился огромный синяк величиной с футбольный мяч. Каждый вдох отдавался отстрой болью, а когда я чихнул, думал, вообще потеряю сознание. Но обошлось.

Василиса Ивановна сделала укол обезболивающего, и теперь острая режущая боль сделалась ноющей, тягучей. Даже не знаю, что лучше.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я пытался сосредоточиться на чем-нибудь другом. Получалось слабо. Общее самочувствие выматывало, не позволяло переключиться.

Наконец из кабинета выкатили Викульцева, и Василиса Ивановна пригласила меня.

Я забрался в капсулу, которая успела провонять потом и кровью моего врага. Запахи пробивались даже сквозь едкие ароматы дезинфицирующего раствора.

Медичка закрыла крышку и принялась манипулировать панелью управления. Внутри загудели кулеры охлаждения, а нутро подстроилось под моё тело. Зашелестели приводы сканера, что-то защёлкало...

— Лежи спокойно, воин, — прозвучал строгий голос Василисы Ивановны. — Не школа, а какой-то бойцовский клуб. Устроили здесь чёрт-те что!

— Я всего лишь защищался, — буркнул в своё оправдание я.

— Видели мы, как ты защищался, — добавила она. — Ещё бы чуть-чуть — и вместо капсулы пришлось бы заказывать труповозку.

— А что мне было делать? Стоять сложа руки и получать по морде?

— Я этого не говорила.

— Он первый начал, — повторил я.

— Да, — не стала спорить медичка. — И за это его исключат.

— Как — исключат? — Я дёрнулся.

— Да чтоб тебя, Горячев! Лежи спокойно и желательно — молча! Из-за тебя придётся сканирование по-новой запускать.

— Простите, — повинулся я. — Что вы имели в виду?

— О чём ты?

— О том, что Викульцева исключат.

— Ровно то, что сказала. Педсовет уже готовит документы.

— Но... Это же интернат для трудных подростков.

— Всё так. Викульцев вылетит во взрослую жизнь со справкой. Он сам это выбрал, никто его не заставлял. Нужно уметь отвечать за свои поступки. И тебя это тоже касается.

— В смысле? — Я снова дёрнулся, чем вызвал очередную волну ругательств от Василисы Ивановны. — Меня тоже исключат?!

— Нет, но в твоём деле будет отметка о дисциплинарном взыскании. Тебе запретят покидать территорию интерната сроком на один год. Эдакий домашний арест.

— Да я и так никуда не собирался.

— Хочешь сказать, для тебя это не достаточно суровое наказание?

— Нет, я не об этом...

— А кажется, что об этом. Так, всё, помолчи две минуты. Дай закончить сканирование. Я замолчал, обдумывая услышанное. И тут в голове щёлкнуло осознание того, что мне сейчас озвучили. Мне запрещено покидать интернат в течение года!

— Стойте, а как же соревнования? Ведь я должен выступить на чемпионате!

— Да твою же галактику! — откровенно взвыла Василиса Ивановна. — Ты можешь две минуты полежать спокойно?! Всё, забудь о своих соревнованиях.

— Капец... — буркнул я.

— Сам виноват.

Я замолчал, так как противопоставить этому аргументу мне было нечего. Тем более если смотреть на ситуацию, зная внутреннюю подковёрную игру. Да, в случившемся виноват только я. Мы спровоцировали Викульцева на открытые действия, не просчитав заранее вероятности подобного исхода. А ведь он лежал на поверхности. Глупо, очень глупо.

Но ещё это доказывает, что мы не готовы к таким сложным операциям. Ни морально, ни физически, ни тем более умственно. Нам не хватает базы знаний, опыта, а в идеале — наставника. Крохотная череда успехов затмила разум, и мы вдруг решили, что стали всесильными. Увы, это не так.

С другой стороны, отрицательный результат — тоже результат. Так всегда говорил отец, когда у меня что-то не получалось. Он учил тому, что, исходя из ошибок, можно прийти к правильному решению. Тогда я был ещё мелким и не понимал, что этими словами он готовил меня к будущему. А ведь до сегодняшнего дня я даже не вспоминал эту, на первый взгляд, странную фразу. Теперь я понял её смысл.

Капсула мерно гудела, отчего я начал проваливаться в сон. А может, это начали действовать лекарства и спреи, которыми меня уже обработали. Боль утихла, перестала беспокоить, веки налились тяжестью, и я не хотел с ней бороться.

Я проснулся от назойливого жужжания. Будто в нашу палату залетел огромный жук и почему-то решил покружиться именно над моей головой. Распахнув глаза, я увидел крохотный дрон, который завис над моей рожой. Словно испугавшись того, что его заметили, он вдруг рванул в сторону, сделал невероятный кульбит под потолком и скрылся из вида. Жужжание сместилось влево, где вскоре и стихло.

Скосив взгляд, я увидел довольную рожу Мишки. Он сидел на своей кровати, подложив подушку под спину, и держал дрон здоровой рукой.

— Ну ты и здоров дрыхнуть — усмехнулся приятель. — Ещё бы чуть-чуть — и обед проспал.

К слову, жрать хотелось невыносимо. Спасибо препаратам ускоренной регенерации.

— Ты как? — поинтересовался Мишка.

— Нормально, — хриплым голосом ответил я. — Жить буду.

На всякий случай я проверил руку, которой вчера не смог бы даже удержать ложку. Костяшки пальцев выглядели не очень: все в ссадинах, а на средней и безымянной расплылся сплошной синяк. Викульцев оказался крепким засранцем. Любой другой на его месте после моего апперкота закатил бы глаза и улёгся отдыхать минут на десять. А этот умудрился не просто устоять, но ещё и ответить.

Я задрал пижаму и осмотрел синяк на груди. Опухоль спала и больше не мешала дышать, но дотрагиваться до него всё ещё было больно. Такими темпами к вечеру я уже вернусь в общежитие.

Мишка тоже выглядел бодрым, но его выписывать не спешили. Следили, чтобы имплант прижился правильно, без последствий. Да и фиксирующую повязку с него пока не сняли.

— А ты как? — справился я о самочувствии друга.

— Нормально, — ответил он. — Только скучно очень. Мне вчера девчонки конструктор принесли с роботехники. Видал, чё я смастерил?

— Сам? — засомневался я. — Одной рукой?

— Да там ничего сложного. Корпус уже, считай, готов был, его только склеить оставалось. Немного с механической частью пришлось повозиться, угол атаки лопастей отрегулировать. Но самым сложным оказалось собрать схему управления. Все эти крошечные чипы и полупроводники... Брр-р.

— И как долго ты с ним провозился?

— Часа два точно, — немного подумав, ответил приятель.

— Два часа одной рукой? — Я приподнял левую бровь. — И тебе никто не помогал?

— Нет... — Мишка нахмурился, не понимая к чему я клоню. — Ну я, конечно, немного сжульничал. Вспомнил, что ты говорил о моём косоглазии, и вывел схему сборки на левый глаз, а собирал при помощи правого.

— Кажется, ты нашёл своё призвание, — хмыкнул я.

— В смысле?

— В прямом. Мы направили тебя не в ту сторону. Пожалуй, механик из тебя выйдет гораздо лучше.

— Думаешь? — Он заулыбался, получив надежду. — Ну я и сам уже думал, что лётчик из меня так себе. А ковыряться со всякими штуками мне всегда нравилось. Я этого дрона даже немного улучшил. Хочешь, покажу?

— Не надо. — Я покачал головой.

— Спасибо тебе Кость. — Друг резко сменил тему разговора.

— Здра-асьте приехали, — протянул я. — Это ещё за что?

— Ты за меня отомстил. Я всё видел, мне Дашка скинула. Да блин, об этом уже весь интернат говорит. Офигеть, как ты этого уroda отделал. Он тебе такой: н-на! А ты ему — бац! У него аж из уха брызнуло. А как ты его повалил, а?! Это же ваще! Я смотрел, думал — всё, хана Косте. А ты вдруг его — хоба! А потом такой: на, с-ска, на! Больно было, да?

— Больно, — кивнул я.

— Ну ничего, — хмыкнул Мишка. — Этому гаду по-любому больнее. Ты слышал? Его из интерната исключили. Вышибли прямо на улицу со справкой.

— Уже?

— Ну, пока формально, но уже всё. Недавно оповещение на визор пришло. Проверь в сообщениях.

Я проверил. И действительно, в пуш-уведомлениях висело сообщение об исключении Викульцева за аморальное поведение. Плюс там много чего ещё имелось. На его многострадальную голову спустили всех собак и повесили все злодеяния, в некоторых из которых он был даже не виноват. Но самое поганое, что всё было отмечено в его деле. А это клеймо на всю жизнь. О престижной работе ему теперь точно можно забыть. Пожалуй, даже место отца ему не светит.

На мгновение мне стало его жаль. Да, я собирался его уничтожить, но не думал, что всё выйдет настолько жёстко. На фоне того, что он получил, перелом локтевого сустава — это так, утренник в детском саду. Впрочем, если он выберет нечестную жизнь, эта характеристика послужит ему входным билетом в какую-нибудь банду. Так что не всё потеряно.

— Мы ещё не закончили, — буркнул я, поднимаясь с кровати.

— Ты о чём? — спросил Мишка.

— Остались ещё двое. — Я обернулся у двери в туалет. — Бирин и Сысоев, помнишь?

— Без своего вожака они теперь даже пёрнуть не посмеют.

— Может, и так. — Я пожал плечами и вошёл в туалет, откуда продолжил, повысив голос: — Но они всё ещё не наказаны.

— И что ты собираешься делать?

— Пока не знаю, — ответил я. — Мне ведь тоже за драку прилетело. Я хоть и защищался, но добывать врага не имел права. Мне пришили тяжкие телесные и посадили под домашний арест. В течение года мне запрещено покидать территорию интерната. А значит, вариант с чемпионатом у нас пролетает, действовать будем здесь.

— И как именно?

— Я же сказал: пока не знаю, — повторил я и включил воду в раковине.

Бросил несколько пригоршней себе в лицо, отгоняя остатки сна, и, разорвав упаковку с одноразовой щёткой, принялся чистить зубы. А когда покончил с утренними процедурами и вернулся в палату, нам принесли обед.

Мне стало совершенно не до разговоров. Я набросился на еду и не останавливался, пока тарелки не опустели. Даже вспотел.

В отличие от меня, Мишка жевал неохотно. Было видно, что ему уже осточертело торчать в четырёх стенах. Он уже отоспался на две жизни вперёд, наелся и напился всем чем только можно.

Но увы, здесь я ему ничем помочь не мог. Разве что подкинуть побольше всяких технических штучек. Пусть возится, развивает в себе новые таланты. Свой механик в команде всегда пригодится. Притом не хуже крутого хакера и уж тем более пилота.

Сразу после обеда явилась Василиса Ивановна. Она осмотрела меня и, убедившись в том, что я иду на поправку, отпустила на волю. Единственным условием моей выписки было то, что мне запрещалось посещать секцию и уроки физкультуры всю следующую неделю. А дальше по результатам осмотра.

Мишка ныл и просился на выписку вместе со мной, но медичка была непреклонна. Лежать здесь Мифону ещё минимум десять дней, пока не снимут фиксирующую повязку.

Выбравшись из медицинского корпуса, я тут же созвал всю команду. Само собой, не здесь и сейчас, потому как у ребят ещё шли уроки. Мы сговорились встретиться часа в четыре, в нашем месте, где Дашка давно устроила слепую зону. Лишь редкие дроны могли заснять нас, но мы прекрасно знали их расписание и старались улизнуть с поляны до их появления над нашими головами.

В целом в такой конспирации не было необходимости. Но я так хотел. Мне нравилось, что нас объединяет нечто такое, о чём не знает никто, даже система безопасности. Плюс это тоже было частью игры, эдакой тренировкой к будущей взрослой жизни. Для нас эта слепая зона — не просто место. Это символ. Здесь мы другие. Не воспитанники интерната, не подопечные Исаева, не объекты наблюдения. Здесь мы — команда. Со своими правилами, своими законами, своей иерархией. Этот кусок территории, который Дашка вывела из-под контроля системы, принадлежит нам. И возвращаясь сюда, мы возвращались к себе настоящим. Без масок, без социальных ролей, без страха быть подслушанными.

Я едва дождался, когда закончатся уроки и факультативы. Да, я не тратил время даром и продумал план дальнейших действий. И на этот раз не только продумал, а разложил его по полочкам, учитывая все возможные последствия.

Нам предстояло разработать новую операцию, собрав её из остатков старой. Ни к чему пропадать проделанной работе. Мы просто перенесём место действия, а суть оставим ту же.

Но прежде чем выкладывать план друзьям, я начал разбор полётов. И это было необходимо, точно так же, как анализ любой системе.

— Ты как? — первым делом спросил Санёк.

— Нормально, — ответил я. — Василиса Ивановна знает своё дело.

— Это точно, — хмыкнул приятель и потрогал челюсть, видимо, вспомнив побои Джонсона.

— Ладно, я хочу проработать ошибки. Чтобы впредь избегать подобных инцидентов. Вы ведь понимаете, что мы едва всё не просрали?

— Ну ведь по итогу всё вышло хорошо, — попытался оправдаться Санёк. — Викула исключили, его жизнь кончена. Бирин с Сысоем ведут себя тише воды.

— Кстати, это именно твой косяк. — Я внимательно посмотрел на приятеля.

— В смысле? — Приятель обалдел от такого поворота. — Я всё сделал так, как мы договаривались. Я не виноват, что Викул оказался психом.

— В этом — нет, — согласился я. — Но ты изучаешь психологию. Ты мог просчитать наперёд его поведение. А соответственно, скоординировать слухи и где-то смягчить последствия.

— Блин, вот тут извини, не подумал, — повинулся он.

— И речь как раз об этом. Я хочу, чтобы вы поняли правильно: это не обвинения и не упрёки. В чём-то даже хорошо, что мы ошиблись именно сейчас. Последствия не столь плачевны. Но это нам урок на будущее. Нужно просчитывать всё, изучать объект полностью, а удары наносить точно. Сань, это относится к тебе. Твоя схема со слухами сработала слишком хорошо, но это была кувалда. А нам требовался скальпель.

— Я понял.

— А какие претензии ко мне? — Дашка сложила руки на груди.

— Ты — наш мозг. — Я повернулся к подруге. — Ты систематизировала весь план, разложила его по полочкам. И точно так же упустила то, что в наших действиях отсутствовала характеристика на Викула.

— Ты тоже её пропустил, — сделала выпад подруга.

— Пропустил, — кивнул я. — И оплатился. Меня посадили под домашний арест.

— Мы в курсе, — кивнул Санёк. — На год.

— Именно. И теперь я пропущу соревнования. Плюс ко всему посыпался весь наш план. Так что да, я признаю свой косяк и уже пересмотрел и проанализировал ошибки. Мы понадеялись на то, что знаем своего врага, что, прожив с ним бок о бок полгода, изучили все его привычки. И это так, но... Мы не учли их при планировании.

— Я сделала пометку, — добавила Дашка. — Характеристика цели обязательна.

— Молодец, — похвалил подругу я. — А теперь к делу. С Викулом покончено, но остались ещё двое: Бирин с Сысоем. Я хочу, чтобы они тоже ответили за то, что сделали.

— А не опасно сейчас? — осторожно заметил Санёк. — Весь интернат на ушах стоит. Пожалуй, сейчас шуму даже больше, чем после смерти Джонсона.

— А мы аккуратно. — Я хищно оскалился. — Нам нужен всего один из них.

— Предлагаю Бирину, — выдвинула кандидата Дашка.

— Почему? — Я посмотрел на неё.

Прежде чем ответить, она подвесила в воздухе две голограммы. Никто со стороны их увидеть не мог, потому как они проецировались только на наши визоры. Точно так же мы видели учителей, которых генерировал ИИ в зависимости от наших данных в базе интерната.

— Вот смотри, — продолжила Дашка. — Я учла твои замечания и предлагаю начать действовать, исходя из психологических портретов обоих кандидатов. Бирин — более сильный, в нём есть задатки лидера. Стучать он не пойдёт, так как имеет принципы и внутренний кодекс. Сысоев же, напротив, труслив, не имеет собственного мнения, ведом. Своё место в банде занимал только благодаря природной физической силе. Если сломать Бирину, Сысоев окончательно замкнётся и превратится в тень. Но если начать с него, есть вероятность, что Бирин попытается отомстить за друга. Да, она мала, но всё-таки не равна нулю. Плюс Сысоев, скорее всего, сдаст тебя, если на него как следует надавят. По-моему, всё очевидно.

— Спасибо, — поблагодарил подругу я и даже обнял её, заставив покраснеть. — Вот этого я и хотел. Мы учли прошлые ошибки и двигаемся дальше. Сань, на этот раз мы обойдёмся без слухов, так что извини.

— Да я ничего, всё нормально. Если нужно, могу составить более точные психологические портреты обоих.

— Они есть в базе данных интерната, — отмела помощь Дашка. — Эти как раз оттуда.

— Это сухие выжимки. — Я покачал головой. — Сань, работай. Только тихо, постарайся не светиться.

— Сделаю! — Приятель расцвёл.

— Дальше, — продолжил я. — Даш, ты так и не закончила с визором. Мне нужна твоя прошивка с ночным зрением. План оставляем прежним, но переносим его на наше поле. По субботам у нас обязательный банный день. Я хочу, чтобы всё было готово к пятнице. Действуем, как планировали для чемпионата. По сигналу ты погасишь свет в душевой и удержишь пуск аварийного освещения. Думаю, сорока секунд мне хватит, но это мы ещё просчитаем.

— Будешь его ломать? — предположил Сашка.

— Да. И сделаю это при всех.

— А что, мне нравится, — согласился с планом Санёк.

— Я тоже согласна, тем более что у нас для этого есть практически всё, — поддержала Дашка. — Сегодня постараюсь доработать скрипт. Ночью скину, проверишь. К пятнице точно успеем.

— Всё, погнали на ужин, — кивнул я. — От этого «Регенирона» жрать охота постоянно.

— Есть такое дело, — ощерился Санёк.

Мы направились в столовую. Народа здесь уже было не протолкнуться. Малышня, как всегда, с шумом и визгами толкалась возле стойки с десертами. Старшаки смотрели на них со снисхождением и улыбками. Воспитанники постепенно прибывали, и после выходных казалось, что просторное помещение столовой внезапно стало тесным. Многие сдавали сюда своих чад на всю рабочую неделю, чтобы спокойно пахать сверхурочно, не переживая о том, кто заберёт ребёнка из школы. По большей части у нас учились дети из не самых благополучных семей. Иногда я задумывался над тем, каким боком сюда угодил Джонсон. Ведь его папаша находился почти в самом верху пищевой цепочки. Нет, не для корпорации, естественно, а всего лишь в рамках данной планеты. Но тем не менее.

Похоже, этот придурок достал не только нас, но и своего папашу, раз тот упёк его в интернат. Впрочем, теперь это уже неважно.

Я наложил себе еды, стараясь набрать как можно больше белковой пищи. Подхватил поднос и осмотрел зал в поисках стола со своими друзьями. Однако глаз зацепился за другой столик, за которым сидел Бирин с Сысоем. Вокруг них образовался вакуум, но их это, похоже, несколько не смущало.

Что-то в их рожах меня задело. Выглядели они слишком спокойными, немного даже безразличными к тому, что творилось вокруг. Будто это их не касалось. Может, они вдруг решили, что, покончив с Викульцевым, я забуду о них?

И я решил напомнить им о том, что всё ещё не закончилось.

Я внаглую подошёл к их столу. Бросил поднос рядом с Сысоем так, что тот вздрогнул. Вот только смотрел я в глаза именно Бирину, напрочь игнорируя второго.

— Приятного аппетита, — спокойным, ледяным тоном произнёс я. — Хотя, смотрю, вам и без него неплохо жрётся.

— Тебе чего надо? — спросил Бирин, не отводя от меня глаз.

— Хруста ваших костей. Думаете, я о вас забыл? Нет. — Я покачал головой. — Ты, Бирин, держал моего друга за глотку, пока Викульцев ломал ему руку. Ты мог отказаться, как это сделал Архип, мог остановить его, мог отпустить... но ты держал моего друга и смотрел.

Бирин бледнел буквально на глазах. Он так и держал ложку у рта, не осмеливаясь донести её до конца, и на неё предательски передавалась мелкая дрожь его руки. Он попытался открыть рот, чтобы что-то сказать, но я не дал ему и шанса на оправдания.

— Викульцев уже поплатился, и ты это видел. Весь интернат это видел. Теперь твоя очередь. Нет, я не стану бить тебя здесь и сейчас. Возможно, завтра или послезавтра, а может, даже на следующей неделе — пока не решил. Я просто хочу, чтобы ты знал, чтобы ты запомнил мои слова: я приду за тобой, обязательно приду. Кушай кашку...

С этими словами я подтолкнул к нему тарелку, из которой он ел. Так же спокойно, без суеты, поднялся из-за стола, подхватил поднос и, отыскав взглядом своих друзей, направился к ним.

Столовая погрузилась в гробовую тишину. Все до единого слышали то, что я сейчас сказал, все видели то, что произошло. На их глазах только что рухнул привычный порядок. Старшие, школьные хулиганы, которых боялись, больше не являлись авторитетами. Отныне они причислены к жертвам, и вся школа будет с нетерпением наблюдать за ними, ожидая развязки. И я обязательно её устрою.

Глава 15

Глава 15.

Расстановка декораций

— Засекай, — кивнул я и, получив отмашку, приступил к действию. Раздевалка осталась позади, проход через душевую тоже много времени не занял. И это притом, что я старался лавировать, будто на моём пути попадаются люди.

Далее — парная, высланная деревянными решётками по кафельному полу.

Сделав вид, что отыскал цель, я изобразил бой с тенью и тут же пошёл на выход. Всё это время в голове тикали секунды, чтобы примерно понимать, как много времени у меня уйдёт.

Наконец-то показался мой шкафчик, возле которого я замер и бросил взгляд на Санька.

— Две минуты семнадцать секунд, — резюмировал приятель.

— Итого целых семнадцать секунд я передвигаюсь по освещённому помещению. А нужно учесть, что происходить всё будет в темноте и по мокрому, скользкому полу. То есть время увеличится.

— Так, может, его в душевой и ловить? Или с неё начинать? — предложила Дашка.

— Может, — пожал плечами я. — Но мы не знаем, как всё на самом деле сложится. Сейчас я исхожу из худшего расклада. Даш, а ты точно не сможешь отключить свет на большее время?

— Смогу, но тогда это будет выглядеть подозрительно, — ответила она. — Ровно столько потребуется для запуска генератора, если отрубить основной распределитель.

— Пф-ф-ф, — с шумом выдохнул я. — Ладно, давайте ещё раз.

— Готов? — спросил Саня и после моего кивка дал отмашку.

Я немного ускорил шаг. Миновал раздевалку, душевую, прошёл парную до самого дальнего угла и снова попытался имитировать короткий бой. Закончив, развернулся — и в обратный путь. Снова немного попетлял по душевой и в раздевалке, и замер у шкафчика.

— Две минуты восемь секунд, — назвал улучшенное время Санёк. — Уже быстрее.

— Но всё ещё недостаточно, — отмёл похвалу я.

— А что ты там делаешь так долго? — поинтересовалась Дашка. — Давай попробуем посчитать просто проход туда и обратно.

— Давай, — согласился я и уставился на Саню.

Отмашка — и я уже в который раз отправился гулять по банному комплексу. Но на этот раз просто прошёл его до конца и развернулся на выход.

— Минута тридцать восемь секунд, — отчитался Санёк.

— Ты слишком долго возишься с Бириним, — сделала вывод Дашка. — Что ты с ним делаешь?

— В смысле — что? — Я уставился на подругу. — Ломаю локоть, точно так же, как он поступил с Мишкой.

— Нет, это понятно, но как? Ты же представляешь, как всё это выглядит, правильно?

— Ну... — Я задумался, вспоминая свои действия. — Всё зависит от того, спиной он ко мне, или лицом. Я представляю, что лицом, потому что это наиболее неудобный вариант. На меня работает фактов внезапности, плюс темнота. Но надо понимать, что он тоже хороший боец и может отреагировать. Так что я вначале подбиваю ему колено, он припадает на него. Потом, хватаю руку, выкручиваю, и несколько раз коленом пробиваю в локтевой сустав.

— Покажи, — попросила Дашка. — Стоп. Саш, засеки время.

— Давай. — Приятель махнул рукой, и я приступил к действию.

Вот противник, вот его колено, я бью, он припадает, пытается сопротивляться, но я быстрее, плюс внезапность, темнота. Раз — и рука у меня в захвате, два — наношу удар, затем ещё и ещё.

— Всё. — Я распрямился.

— Семь секунд, — доложил Санёк.

— Где ещё двадцать три секунды? — Дашка посмотрела на меня.

— Не знаю... Может, уходят на его поиск? Я же не сразу бросаюсь точно на цель. Его ещё нужно отыскать. Там темно, вокруг пар. Нельзя ошибиться и сломать кого-то другого.

— Согласна. — Подруга почесала макушку. — А что, если я тебя на него наведу?

— Это как? — заинтересовался я.

— Закинем ему на визор маячок, который точно укажет, где его искать. Давай повторим ещё раз, но теперь так, будто ты точно знаешь, где он стоит.

— Погнали, — кивнул я.

Снова отмашка — и я повторил весь проход, но теперь миновал парную уверенно, добрался до самого дальнего конца, атаковал призрак Бирина и вернулся обратно.

— Минута тридцать четыре, — озвучил феноменальный результат Санёк.

— Что-то слишком быстро, — хмыкнула Дашка.

— Забыл попетлять в душевой, — усмехнулся я. — Давай ещё раз.

— Готов?

— Да.

— Пошёл...

Очередной проход — и на выходе результат: минута сорок три секунды.

— Вот теперь больше похоже на правду, — приняла результат Дашка. — Ладно, пойдём отсюда, а то мне ещё скрипт допиливать.

Из банного комплекса выбирались короткими перебежками. Дашка гасила камеры по секторам до тех пор, пока мы не добрались до нашей слепой зоны. Оттуда уже шли не таясь.

Общезитие встретило привычным шумом, но стоило нам появиться, как гвалт голосов стих. Ребята нашего возраста кинулись успокаивать малышню, всем своим видом показывая, как они наводят порядок.

И это было самое странное. После того, как я при всех отчитал Бирина в столовой, наш авторитет в интернете взлетел под самый потолок. И в тот же вечер после ужина началось вот это. Стоило нам с Саней появиться в общаге, как вокруг поднималась суета. Почему-то пацаны решили, что нам полагается покой и тишина. Нет, никто не разбежался по углам и не забивался в щели от страха. Всё это больше походило на эдакую дань уважения. Хотя никто об этом не просил.

В общем и целом уже после нашей драки с Викульцевым жизнь сирот поменялась в лучшую сторону. Их больше никто не обижал, не отнимал карманные деньги. Видимо, по этой причине в качестве благодарности нам и устроили весь этот театр. Да мы и не были против. Даже наоборот, это вызывало приятные чувства.

Я развалился в кровати и уставился в потолок, продолжая прокручивать в уме план действий. Санёк немного покрутился рядом, а потом умчался в игровой угол, чтобы немного погонять в виртуалку. Пару раз я тоже пробовал, но меня этот процесс не затянул. Меня больше привлекало изучение всего и всякого, ну или чтение книг. Чем я и занялся, открыв на визоре какую-то старинную фантастику.

Примерно через час Дашка скинула мне первый вариант прошивки. Установка много времени не заняла, но вот результат вышел удручающим. Вместо того, чтобы начать видеть в темноте, я чуть не ослеп от сплошного сияния, которое било по глазам, даже когда я держал их закрытыми. Это продлилось около двадцати секунд, прежде чем откатиться назад, к стандартным настройкам.

Описав свои ощущения, я добавил пару ругательств в текст и отправил сообщение Дашке. Пусть дорабатывает. А установленное приложение удалил от греха подальше. Но не успел вернуться обратно к книге, как пришло сообщение от подруги с припиской: «А так?»

Я снова установил прошивку и переключил визор в ночной режим. На этот раз ничего не изменилось. Я как лежал в полумраке, так в нём и остался. Ну, может, стало чуточку светлее и плюс всё вокруг потеряло цвет.

Описав это, я опять вернул проект на доработку и удалил приложение.

На этот раз Дашка возилась чуть дольше. Я уже отчаялся получить рабочий вариант и собирался вернуться к чтению, когда перед глазами мигнуло оповещение о новом сообщении.

В этот раз у неё всё получилось. Стоило мне загрузить приложение и запустить его, как мир вокруг раздвинулся, сделался ярче и контрастнее. Ощущение было таким, будто я выбрался из подвала в солнечный день. Но скорее всего, это был эффект от освещения. Отбой ещё не объявили, и в игровой зоне общежития горел яркий свет. В спальном зоне он хоть и был приглушен, но тоже присутствовал.

Я отключил новую функцию и направился в туалет. Стоило мне войти, как под потолком вспыхнула лампочка. Но я знал: достаточно постоять без движения пару минут, и она выключится, лишь бы никто в этот момент не вошёл следом.

Дождавшись, когда автоматика разомкнёт электрическую цепь, я запустил ночную программу, и... Всё сработало. Темнота рассеялась примерно так, как и обещала подруга. Я не видел как днём или как при искусственном освещении, но тьма перестала быть для меня непроницаемой. Я мог свободно рассмотреть ручку на двери, кран на раковине и даже собственное отражение в зеркале. Хотя лицо распознать не получалось. Так, лишь чёткий силуэт и некоторые очертания: нос, уши, причёска.

«Всё получилось, спасибо», — набрал сообщение я и, отключив ночное зрение, вышел обратно в спальную зону.

Вот теперь у нас почти всё готово. Осталось лишь установить маячок на визор Бирина, но с этим Дашка управится, не сомневаюсь.

На этом я и успокоился.

Вернулся в кровать, открыл книгу и погрузился в удивительный вымышленный мир. Вскоре объявили общий отбой и погасили основное освещение, оставив лишь тусклые ночники на стенах, чтобы мы не разбили себе башку при походе до туалета. Рядом зашуршала кровать, это вернулся Санёк.

Усилим воли я заставил себя оторваться от книги, свернул её в трей и повернулся набок. Мысли всё ещё крутились в приключениях героя, с поступками которого я был не согласен. Понимал, что у него свой взгляд на вещи, но очень уж добр он был по отношению к своим врагам. На его месте я бы давно их прикончил.

Мои размышления прервал вызов от Дашки. Не сообщение, а именно вызов, что было сильно на неё не похоже. Обычно она гораздо осторожнее, да и вообще, редко пользуется функцией «звонок».

— На связи, — буркнул я, принимая входящий.

— Кость, у нас проблема, — тут же затараторила Дашка. — Бирин под колпаком, меня чуть не поймали. Я не знаю, что делать!

— Так, для начала успокойся, — ответил я уже бодрым голосом. Сонливость слетела с меня, будто её и не было. — Через пять минут на нашем месте. Только не забудь отключить безопасность в нашем корпусе.

— Ты с кем там разговариваешь? — спросил Санёк, который уже сидел на кровати, всматриваясь в темноту.

— Поднимайся, у Дашки проблемы.

— Ты там с кем? — задала аналогичный приятелю вопрос Дашка.

— Ты сама как думаешь? — огрызнулся я. — Всё, отбой. Гаси камеры, мы выходим.

— Поняла, — вернула подруга и отключила вызов.

Собрались мы меньше чем за минуту. Да там всего и делов — влезть в комбинезон да сунуть ноги в ботинки. Заодно я активировал ночное зрение, чтобы ненароком не загреметь чем-нибудь в темноте. Оно же помогло мне уловить момент, когда Дашка вырубил камеры.

— Всё, двигаем. — Я поманил приятеля.

Мы выскользнули из спального сектора и застыли в коридоре, прислушиваясь к ночной тишине. Из комнаты воспитателя пробивался тонкий лучик света. На цыпочках, стараясь не шуметь, мы проскочили мимо его двери и снова замерли, прижавшись к стене.

По основному коридору с характерным шипением, разрезая винтами воздух, пролетел дрон. Как только он промелькнул мимо нас, мы короткой перебежкой добрались до главного выхода. Дверь на наше появление не отреагировала, пришлось писать Дашке, чтобы она её разблокировала.

На улице пришлось прятаться за кустами ещё от одного дрона. Хорошо, что он пролетал мимо и не смотрел в нашу сторону. От тепловизора таким образом не скрыться. Мы выждали для верности несколько секунд и, убедившись, что дрон не собирается возвращаться, помчались в сторону спортивного сектора. За ним как раз и скрывалась наша слепая зона.

Дашка уже ожидала нас здесь. Вид у неё был — краше в гроб кладут. Вся на взводе, мечется туда-сюда, что-то бормочет себе под нос. А увидев нас, едва не завопила во весь голос, словно и не ждала, что мы должны появиться.

— Что с тобой? — придержав подругу за плечи, спросил я. — Успокойся и давай всё по порядку.

— Я хотела сегодня закончить с подготовкой! — выпалила она. — Программа маячка простая, там всего-то и нужно, что подключиться к стандартной прошивке геолокации. Все наши визоры подключены в общую сеть интерната, ну, это вы знаете. Вот я и хотела закинуть Бирину скрипт, замаскированный под обычный пакет обновлений, через стандартный канал рассылки. Всё было нормально. Я подключилась к серверу, отыскала его ай-ди, вошла в системный раздел и уже собиралась закинуть программу в нужную папку, как меня выбросило. Просто отключило от сети.

— Так... — Я нахмурил брови, всё ещё ничего не понимая.

— Ну что — так? Я подумала, что это глюк, и попыталась войти снова. Но на этот раз, стоило мне подключиться к визору Бирина, кто-то попытался проникнуть в мою систему. Я погасила канал, прервала загрузку, но часть скрипта успела загрузиться. Вот она.

Дашка сделала бросающий жест рукой, и перед нами развернулся широкий прямоугольник с частью кода.

— И что это? — буквально прочитал мои мысли Санёк.

— Вы что, не видите?! Это вредонос!

— Даш, давай как-нибудь на простом языке, — попросил я.

— Короче, на визоре Бирина уже стоит какая-то чужая программа. Я успела заглянуть в папку, куда хотела забросить свою. В код я заглянуть не успела, но смогла снять слепок файлового менеджера. Вот он. — Дашка выбросила ещё один экран, на котором отображался тот самый слепок с запущенными процессами. — С виду это обычный системный процесс, но он куда-то транслирует сигнал. Плюс в программу внедрили что-то типа сторожа, если уж простым языком. Он пытается атаковать всех, кто подключается к визору Бирина.

— И куда он отправляет сигнал? — Я ухватился за единственные понятные слова.

— Этого я не знаю. Но вот что я нашла. — Дашка снова приблизила экран с частью кода. — Видите вот эту строку?

— Видим, — кивнул Санёк. — Она такая же непонятная, как и всё остальное.

— Это идентификатор канала, — не обращая внимания на нашу неосведомлённость, продолжила она. — Это часть данных, которая хранится на нашем сервере. И знаете, что там хранится?

— Без понятия. — Я пожал плечами.

— Всё, что он делает. Видео, аудио... Всё, что попадает на его визор, записывается. Но это ещё не самое страшное. Смотрите сюда. — Дашка снова вернула окно с частью кода и указала на строчку со словами `rudkoff-data-link`.

— И что это?

— Ты читать умеешь? — уже откровенно психанула она. — «Рудкофф». Этот скрипт-шпион, разработка корпорации «Рудкофф».

— Стоп, — опешил я. — Ничего не понял. Какого хрена рудокопам нужно от Бирина?

— Вот и мне интересно. — Дашка упёрла руки в бока.

— А я другое не понял. — Санёк почесал макушку. — Мы теперь что, не сможем поставить жучок на Бирин?

— Так, как это хотели сделать мы, — нет, — покачала головой Дашка. — Меня едва не поймали.

— А какие ещё есть варианты? — ухватился я.

— Ну, можно попробовать перенаправить трафик с нашего сервера. Точнее, подключить тебя к программе слежения интернета... Вы вообще слышали то, что я вам сказала?!

— Да слышали, слышали, — отмахнулся Санёк. — Давай решать проблемы по мере их поступления. Сейчас перед нами стоит конкретная цель. Когда разберёмся с Биринным, попробуем понять, что от него хочет получить «Рудкофф».

— Возможно, цель не сам Бирин, — пожал плечами Дашка.

— А кто тогда? — задал резонный вопрос Санёк. — Мы?

— Не думаю. — Я покачал головой. — Что мы вообще о них знаем?

— То, что они владели нашей планетой, пока её не перекупил «Заслон», — ответила Дашка. — Думаете, дело в этом?

— Вероятнее всего, — кивнул я. — Изначально сама покупка выглядела нелепой. Ну какая корпорация в здравом уме будет покупать истощённые шахты? Значит, целью была не планета, а люди. То есть мы. Тем более мы в курсе, что Исаев за нами присматривает, так?

— Ну, — согласился Санёк.

— Выходит, что не только он. Своим ходом они привлекли внимание рудокопов, и теперь те пытаются раскрыть замысел конкурентов.

— Звучит логично. — Санёк задумчиво постучал пальцем по губам. — Но тогда почему они не подключились напрямую сразу к нашим визорам?

— Чтобы их не спалили так же, как это сделала я, — криво ухмыльнулась наша хакерша.

— Так, ладно, — обрезал я бесполезный разговор. — Это игра уже за рамками нашего уровня. Пусть корпораты сами разбираются. Мне вот что интересно: это всё каким-либо образом может помешать нашим планам?

— Не знаю, — пожал плечами Дашка. — Разве что косвенно. Допустим, в «Рудкофф» будут знать, что кто-то напал на их инструмент, да и то не факт.

— Значит, работаем дальше, — кивнул я. — Когда ты сможешь дать мне доступ к нашей следящей системе?

— Только перед самой операцией, — ответила Дашка. — Пришлю тебе ссылку, перейдёшь по ней и авторизуешься. Логин и пароль тоже сброшу. Потом почистишь за собой журнал, как я тебя учила. Помнишь?

— Разберусь. Всё, разбег.

Время тянулось, как хорошая резина. Мы просыпались, завтракали, шли в школу, делали домашнее задание. Но по вечерам наваливалась тошнота ожидания. Я пытался уговорить Михалыча пустить меня в зал. Даже не на саму тренировку, а просто размяться, постучать по груше. Безделье было просто невыносимым, и теперь я понимал Мишку, как никто другой. Свободного времени оставалось просто навалом, а ожидание банного дня делало его просто невыносимым.

Каждый вечер мы собирались в слепой зоне и снова и снова обсуждали то, что и так было отработано до идеала. Но мы не могли иначе. Томительное ожидание требовало выхода, хоть так, хоть на словах.

Я пробовал читать, но мысли постоянно убегали, и текст попросту не откладывался в голове. Когда я понял, что бегаю глазами по одной строчке уже битых полчаса, но так и не вник в то, что там написано, — бросил это занятие. Более-менее отвлечься удавалось только тогда, когда мы собирались вместе.

Наконец пришла долгожданная суббота. Как только первая партия мальчишек отправилась в банный комплекс, я отправил Дашке сообщение. Теперь всё решала она.

На помывку давалось по полтора часа на каждую группу. Нам нужно было сделать так, чтобы Бирин вошёл в состав третьего или шестого потока. В этот момент мимо банного комплекса пролетает дрон-наблюдатель. Именно он и станет причиной аварии, которая выведет из строя распределительный щит, попросту врезавшись в него.

Вскоре на мой визор прилетело оповещение, что мне пора собираться в баню. Подхватив полотенце, я неспешной походкой выбрался на улицу и устремился к отдельно стоящему зданию. Навстречу редкими кучками попадались ребята из первого потока. Часть из них всё ещё копалась в раздевалке. Всё идёт ровно так же, как всегда.

Скинув с себя одежду, я отправился в парную. В душевой тоже копошились отстающие из первого потока. Наверняка больше бесились, чем мылись, но это тоже нормально. Подобного смешивания не избежать, как бы нас ни подгоняли воспитатели. Да и те уже давно привыкли к подобному и не особо заостряли внимание. Их задача — чтобы воспитанники были чистыми. И они её выполняют.

Парился я не спеша. И вообще, всё делал с эдакой ленцой. Мне было необходимо смешаться с толпой третьего потока, чтобы застать Бирину. Так что и в душе я провёл чуть больше положенного. Однако расслабленным и ленивым я выглядел только внешне. Внутри я был собран и сосредоточен. Периодически проверял связь, чтобы не пропустить нужное сообщение.

Оно прилетело, когда я уже выключил воду в душе и собирался двигать в раздевалку. Санёк прислал короткое: «Мы внутри». Его мы поместили в третий поток, чтобы он следил за перемещением Бирину.

Буквально в ту же секунду на визор пришло сообщение от Дашки.

Открыв его, я перешёл по ссылке, и перед глазами открылась карта интерната. На схеме чётко просматривалась красная точка, которая неспешно двигалась по коридору в сторону раздевалки.

Завязав на поясе полотенце, я вышел из душа и направился к шкафчику, где сделал вид, что закопался в его глубине. Бирин прошёл мимо, даже не обратив на меня внимания. Визор снова мигнул сообщением: «Объект внутри».

Стоило мне его прочитать, как оно тут же испарилось. Дашкина работа, которую мы взяли на вооружение, когда общались на щекотливые темы.

Я дождался, когда Бирин исчезнет за дверью, и отдал команду подруге:

«Приступаем».

«Три минуты», — вернулся ответ.

И чем мне заниматься эти три минуты? Разглядывать чистый комбинезон?

Я вздохнул, но комментировать это не стал. Всё равно от меня ничего не зависит. Сняв с пояса полотенце, я уселся на скамью и сделал вид, что отдыхаю, мол: перепарился. Протёр лицо, пару раз тяжело вздохнул и осмотрел бесившихся пацанов, которые мешали друг другу одеваться. Нужно было включить в план что-нибудь такое. Но теперь уже поздно, Санёк ушёл вслед за Бириным.

«Тридцать секунд, приготовься», — мигнуло сообщение от Дашки.

Я поднялся со скамьи и прикинул маршрут до душевой, пока в помещении всё ещё горел свет. Погас он внезапно, несмотря на то, что я знал, что это должно случиться. Сердце застучало быстрее, руки предательски задрожали, но я смог взять под контроль собственное тело. А как только перевёл визор в ночной режим, моментально успокоился и полностью погрузился в работу.

Три шага вперёд, скользнул влево, огибая застывшего в полной темноте парнишку с соседней койки. Ещё пара шагов — и очередное препятствие осталось позади. Прошло десять секунд. Впереди душевая. Я вошёл в неё неслышно и тут же наступил в лужу. Скорость упала, чтобы не упал я. Кто-то выглянул из кабинки, будто это поможет ему видеть в темноте. Я обогнул его в самый последний момент, едва подавив желание отвесить ему подзатыльник. Двадцать секунд.

— Эй, что там случилось! — прозвучал первый крик.

— Кто-нибудь, включите уже свет — дышать темно, — вторил ему другой голос.

— Так, все оставайтесь на местах! — раздался громкий крик воспитателя. — Техники со всем разберутся. Вить, что с аварийным светом?

— Да хрен его знает, что-то заглохло, — вернулся ответ. — Сейчас запустим генератор.

— У меня кто-то мыло украл! — закричал парнишка из правой кабинки.

Тридцать секунд. Душевая осталась позади. Теперь я в парной. Видимость упала до пары метров, но я точно знаю, где искать врага. Маячок светится на карте, показывая, что до него осталось рукой подать.

Силуэт Бирина я увидел почти сразу. Он сидел на полке и хлопал глазами, пытаясь рассмотреть хоть что-то во тьме. Знай я заранее, что он будет так близко, не стал бы напрягать Дашку со всеми этими маячками.

Однако кое-что мешало задуманному. Рядом с целью замер ещё один парень. Он так и не успел добраться до полка, когда отключилось освещение, да так и остался стоять, боясь оступиться. Нет, доступ к Бирину он не перекрывал, но вот бросить противника на пол мне теперь точно не светит.

Да и плевать.

Я подобрался почти вплотную, подпрыгнул, чтобы вложить в удар массу всего тела, и опустил локоть на ключицу ублюдка. Раздался влажный, чавкающий хруст, а следом за ним — дикий крик, полный боли и страха. Бирин рухнул на пол и свернулся калачиком. Кто-то подхватил вопль (видимо, испугался от неожиданности), и парная наполнилась воем голосов.

— Это тебе за Мишку, — прошипел я на самое ухо Бирину. — Если хоть слово кому-нибудь вякнешь, я тебе ночью глотку перережу.

Пятьдесят пять секунд. Пора возвращаться.

Развернувшись, я вышел из парной. Скользящей походкой миновал душевую и спокойно выбрался в раздевалку. Минута десять секунд. Обошёл пацана, вставшего на проходе, прошмыгнул мимо следующего, перешагнул сбитую под ноги скамейку и замер у своего шкафчика. Минута двадцать три секунды. Уложился с запасом.

А за спиной уже начала зарождаться паника. Крик из парной взбудоражил обстановку. Кто-то из воспитателей распахнул дверь в коридор в надежде, что в помещении появится хоть толика света. Но где там, все раздевалки и коридоры, ведущие к ним, не имели окон.

— Принесите фонарик! — ревел воспитатель у двери. — Эй, кто-нибудь...

— Там упал кто-то! — раздался крик со стороны душевой.

— Да вашу ж мать! — рявкнул воспитатель. — Я же сказал всем стоять на месте, пока не дадут свет!

И в этот момент под потолком вспыхнули лампы. А я, как назло, забыл отключить ночной режим. Мне показалось, что глаза сейчас взорвутся от боли, настолько сильно по ним резануло.

Прикрыв их рукой, я поспешил переключиться к стандартным настройкам. Тут же написал сообщение Дашке: «Готово, можешь зачищать». Сам запустил один из её скриптов, которые удаляли логи присутствия на сервере интерната. Всё, дело сделано, можно спокойно уходить.

Раздевалка заполнилась гвалтом голосов, которые плавно перетекли в парную. Кто-то кричал, просил вызвать медика. Ему отвечали, чтобы он шёл куда подальше, мол: мы здесь все голые. В общем, полный бардак. А значит, самое время покидать сцену, пока на меня никто не смотрит.

Я спокойно влез в комбинезон, сунул ноги в ботинки и направился к выходу. Но не успел даже коснуться дверной ручки, как перед глазами вспыхнуло оповещение о новом сообщении. От неожиданности я даже поморщился, потому как ничего не ждал. Всё сделано тихо и быстро. А присмотревшись, удивился ещё больше. Сообщение пришло от неизвестного отправителя.

Открыв его, я обнаружил внутри видеофайл. Даже не думая об опасности взлома, запустил и тут же уселся на скамейку у входа. Мне показали то, что я только что сделал. Моё появление в парной, осторожные движения в темноте, прыжок и удар локтем в ключицу. Вот только тот, кто это снимал, имел очень хорошую камеру с режимом ночной съёмки. На кадрах было видно всё: моё лицо и лицо Бирина.

Я закрыл файл, и он тут же исчез, словно его и не было. А в туже секунду перед глазами всплыло новое окно с одним-единственным словом: «Поговорим?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.